

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

На правах рукописи

Павленко Роман Игоревич

Литературная критика в российских общественно-политических изданиях и новых литературных журналах второй половины 1990-х годов

Специальность 10.01.01 – Русская литература

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Е.Г. Елина

Саратов – 2016

Содержание

<i>ВВЕДЕНИЕ</i>	4
<i>ГЛАВА 1.</i> Литературная критика в общественно-политических газетах и журналах второй половины 1990-х годов.....	16
1.1. Газетная литературная критика в России второй половины 1990-х годов.....	19
1.2. Инструменты формирования литературной культуры на газетной полосе	37
1.3. Просвещение и развлечение в материалах о литературе	58
1.4. Публицистичность литературно-критического высказывания на газетной полосе	62
1.5. Способы удержания читательского внимания в публикациях о литературной жизни в газете...	67
<i>ГЛАВА 2.</i> Виды литературной критики в публицистическом контексте второй половины 1990-х годов	76
2.1. Литературная хроника	76
2.2. Некрологи.....	80
2.3. Публикации о писательских юбилеях	91
<i>ГЛАВА 3.</i> Литературная критика в новых литературных журналах и сетевых проектах второй половины 1990-х годов.....	112
3.1. Сетевые литературные проекты в контексте развития литературного процесса.....	115
3.2. Литературная критика в новых литературных журналах и альманахах.....	121
3.3. Литературная критика о поэзии.....	123
3.4. Философский комментарий как форма организации литературно-критических публикаций.....	134

3.5. Полемическое противостояние второй половины 1990-х годов в осмыслении новых литературных журналов.....	143
3.6. Соотношение художественного вымысла и реальности в восприятии новых журналов	149
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	159
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	165

Введение

Общественно-политическая ситуация второй половины 1990-х годов существенно изменила литературную жизнь России. Социальные трансформации повлияли на все виды и формы литературного творчества – от художественных текстов до публицистики. Очевидно, что наиболее восприимчивой к сдвигам в общественном сознании оказалась литературная критика этой поры. Литературно-критические публикации второй половины 1990-х годов отмечены не только высоким градусом политической активности, как это всегда происходило в нашей стране в переломные исторические эпохи, но и новыми местами «прописки». Со страниц литературно-художественных изданий литературная критика в массовом порядке перемещается на страницы общественно-политических газет и журналов. Это означает, что литературная критика приобретает новые черты и качества, ищет новые способы воздействия на читателя, выявляет новые формы авторских самопрезентаций. Заметно расширяется круг адресатов литературно-критических публикаций, появляется новое поколение литературных критиков и публицистов, ищущих и находящих новые темы для диалога с читателем. В этот период литературные критики говорят о конце литературоцентризма, являвшегося одной из доминирующих характеристик российского общественного сознания на протяжении последних двух столетий.

Характерные для второй половины 1990-х годов «возвращение к повседневности», «реабилитация позитивного отношения к жизни, к себе, к настоящему времени¹ оказали важное влияние на художественную литературу и ее роль в жизни общества. Процессы, происходившие в литературе второй половины 1990-х годов, начались еще в эпоху Перестройки, когда литература в полном объеме стала доступной читателю. Именно во второй половине 1980-х

¹ Дубин Б. Журнальная культура постсоветской эпохи // Слово – письмо – литература. Очерки по социологии современной культуры. М.: Новое литературное обозрение. 2001. С.141.

годов формируются новые способы взаимодействия литературы и социума, определившие границу между литературой советской и постсоветской эпох.

Свобода слова позволила представить читателю огромный поток возвращенной литературы, вернула к жизни многие имена, реабилитировала писательские репутации. Вместе с тем новая эпоха обнажила проблемы и противоречия внутри литературной жизни.

Рубеж между литературной жизнью с середины 1980-х до середины 1990-х годов и второй половины 1990-х годов, по нашему мнению, наиболее отчетливо обозначен в статьях Н. Ивановой «Между» и А. Архангельского «Пепел остывших полемик». Именно здесь, в первом номере «Нового мира» за 1996 год, впервые последовательно было заявлено о кризисе литературы и литературной критики.

Безусловно, во второй половине 1990-х годов сохраняются основные «перестроечные» тенденции развития российского общества: «нестабильность социокультурной ситуации, внутренние противоречия и противоположные тенденции развития культуры»². Однако оперативность средств публицистики, её информационная насыщенность, отвечающая скорости и быстротечности общественно-политических событий в стране, для массового читателя стала важнее, чем основательность и рассудительность литературно-художественных, общественно-политических изданий, обеспечивавших информационную и дискуссионную повестку рубежа 1980-х–1990-х годов. Это расхождение литературного и журналистского дискурсов наметилось еще в начале 1990-х годов, но ярче всего проявило себя во второй половине десятилетия. Формированием общественного сознания занялись ежедневные и еженедельные газеты, радиостанции, новые телепрограммы и их харизматичные ведущие. «Литература добровольно сложила с себя полномочия выступать в качестве рупора общественного мнения и воспитателя человеческих душ, а места

² Ерохина М.В. Приемы и функции полемики в журнальной литературной критике второй половины 1980-х годов: дисс... канд. филол.н.: 10.01.01, 10.01.10. Саратов. 2010. 177 с.

положительных героев-маяков заняли бомжи, алкоголики, убийцы и представители древнейшей профессии. <...> Клаустрофобия застоя обернулась в 1990-е гг. все сметающей вседозволенностью, обратной стороной страха. Учительская миссия литературы смыта этой волной»³, – с одной стороны, а с другой – «отход более молодых читателей от “старой” литературы, прежних авторов “толстых” журналов с именем и репутацией – к видео, музыке, “некондиционным” искусствам – фотографии, инсталляции, мультимедийным акциям, к современному кино, Интернету...»⁴.

Период второй половины 1990-х годов в истории русской литературы и литературной критики представляется целостным, поскольку он имеет ряд отличительных особенностей: во-первых, он знаменуется переходом литературных критиков в ежедневные газеты, которые, по словам Андрея Немзера, более близки читателю и дают неплохой заработок⁵. Во-вторых, литературная критика этого периода значительно обогащается за счет филологической критики, литературоведы всё чаще выступают на страницах литературных журналов. О сращении литературной критики и литературоведения говорят Е. Добренко и Г. Тиханов⁶, которые, объединяя европейские традиции, литературной критикой считают всё, что написано о литературе. В-третьих, всё чаще звучит мысль о конце не только литературоцентризма, но и конце литературы, поэтому возникает насущный вопрос – нужна ли литературная критика? Этот вопрос задают преимущественно сами литературные критики. И в то же время во второй половине 1990-х годов продолжают издаваться традиционные литературные журналы; на страницах общественно-политических газет, обращенных к самому широкому читательскому кругу, появляются

³ Тимина С.И. Современный литературный процесс (1990-е гг. – начало XXI в.) // Тимина С.И., Васильев В.Е., Воронина О.Ю. и др. Современная русская литература (1990-е гг. – начало XXI в.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Изд.центр Академия. 2009. С. 4-5.

⁴ Дубин Б. «Литературное сегодня». Взгляд социолога // Слово – Письмо – Литература. Очерки по социологии современной культуры. М.: Новое литературно обозрение. 2001. С. 176.

⁵ Немзер А. Замечательное десятилетие русской литературы. – М. : Захаров, 2003. С.6.

⁶ Добренко Е., Тиханов Г. История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи. М.: Новое литературное обозрение. 2011. 791 с.

рубрики, посвященные литературе, газетная и «толстожурнальная» литературная критика начинают сосуществовать практически на равных правах. В этот же период из андеграунда выходят самиздатовские журналы и альманахи, которые теперь свободно печатаются, а их давние и новые читатели получают к ним легальный доступ; кроме того, о себе заявляют новые интернет-проекты, посвященные литературе.

Уже к 1999-му году приходит осознание роли и места литературной критики, толстожурнальной и газетной, в формировании общественного сознания. Естественным становится плюрализм мнений, не связанных с принадлежностью к какой бы то ни было группе, а основанный на индивидуальных различиях в осмыслении литературного процесса. В это же время на авансцену выходят литературные критики нового формата, во многом опробовавшие свои подходы к осмыслению литературного процесса во вновь появившихся в середине 1990-х годов журналах и на страницах газет. Всё это многообразие форм литературной жизни ставит под сомнение заявления о конце литературы и литературоцентризма, приводит исследователя к необходимости рассмотрения новых способов взаимодействия читателя и литературы, которые остаются вне поля внимания литературных критиков и теоретиков литературы второй половины 1990-х годов.

Новая литературная эпоха, по мнению многих исследователей, начинается во второй половине 1990-х годов. Так, М.А. Черняк пишет: «Рубеж XX-XXI веков стал, как и сто лет назад, периодом обновления самых разных видов и жанров художественного творчества, периодом рождения новых форм, выработки особого художественного зрения... Литература переходного периода – это время вопросов, а не ответов, это период жанровых трансформаций, это время поисков нового Слова»⁷. Особенности переходного периода в литературной критике отмечает и В.Н. Крылов, называя его временем «постепенного вызревания новых эстетических принципов, новых способов анализа изменения стилистики. Это

⁷ Черняк М.А. Отечественная проза XXI века: предварительные итоги первого десятилетия. СПб.: САГА; М.: Форум, 2009. С.5.

период "брожения", традиционность осознается как тормозящий фактор, но еще сохраняющий свое влияние на разных этапах деятельности того или иного критика, проявляющийся в своеобразной двойственности позиции. В этот период обостряются споры о критике. Критика пытается сама понять свое место и назначение в культуре»⁸. Об аналогичных процессах в литературной критике пишет Ю.А. Говорухина⁹, о новизне литературной ситуации первых лет XXI века говорится в «Истории русской литературной критики» под редакцией В.В. Прозорова. Одно только расширяющееся в начале века влияние Интернета на литературную жизнь, на активное вторжение в нее читательской литературной критики уже позволяет говорить о начале нового периода отечественной словесности.

Вот почему, определяя **хронологические рамки работы**, мы можем указать 1996 – 1999 годы.

Объектом исследования выступают общественно-политические газеты «Известия», «Российская газета», «Сегодня», «Независимая газета», общественно-политический журнал «Огонек», новые литературные проекты, альманахи и интернет-ресурсы «Вавилон», «Митин журнал», «Поэзия и критика», «Риск», «Арион», «Журнальный зал», «Пушкин».

Выбор изданий обусловлен их высокой тиражностью и доступностью самому широкому читателю. Главное же – на их страницах последовательно, из номера в номер, публиковались литературные материалы, что отражало принципиальную позицию редакции, воспринимавшей литературу как важнейший инструмент формирования общественного сознания.

⁸Крылов В.Н. О переходном периоде в истории русской литературной критики (становление «молодой критики» в конце 1880-х - 1890-е гг.): [Электронный ресурс] // сб. науч. тр., посвященный памяти профессора В.Н. Коновалова / сост. Л. Я. Воронова, В.Н. Крылов. –

Казань: Казанский ун-т, 2003. URL: <http://old.kpfu.ru/f10/publications/2003/kritika.php?sodk=22>

⁹ Говорухина Ю.А. Русская литературная критика на рубеже XX – XXI веков. Красноярск: Сиб. федер. ун-т. 2012. 359 с.

Предметом исследования явилась литературная критика на страницах общественно-политических журналов и газет, представленная в традиционных литературно-критических жанрах и новых формах авторского высказывания.

Методологическая основа исследования предполагает комплексное изучение литературно-критических публикаций на страницах общественно-политических журналов и газет в контексте социальных трансформаций и изменений общественной мысли в России второй половины 1990-х годов. В диссертации применяются сопоставительный и типологический методы. Необходимость анализа материалов второй половины 1990-х годов и обращение к журналам и газетам этого периода обуславливают применение сравнительно-исторического метода. Методологические основания работы сформировались под воздействием трудов А.П. Скафтымова, М.М. Бахтина, Б.Ф. Егорова, В.В. Прозорова, Е.Г. Елиной, И.А. Книгина, Ю.А. Говорухиной.

Современные исследователи большое внимание уделяют изучению литературной критики. Её рассматривают с разных сторон, обнаруживая взаимодополняющие результаты научных разысканий. Так, представители Саратовской филологической школы, изучают русскую литературную критику в исторической перспективе¹⁰. Литературно-критический текст также рассматривается с точки зрения его эстетического восприятия в контексте современной русской словесности¹¹. Отдельные исследователи акцентируют внимание на проблемах литературно-критического дискурса, и в этом случае литературно-критический текст анализируется с использованием

¹⁰ Скафтымов А. П. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы / А. П. Скафтымов ; послесл. и примеч. Г. В. Макаровской // Русская литературная критика : учеб. издание / под ред. В. В. Прозорова и О. О. Миловановой. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1994. С. 134–159; Русская литературная критика: Исторические и теоретические подходы: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2 / редкол.: В. В. Прозоров, Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1991. 166 с.; История русской литературной критики : учебник / В. В. Прозоров, О. О. Милованова, Е. Г. Елина. Москва : Высш. шк., 2002. 462 с.; Прозоров В.В., Елина Е.Г., Книгин И.А. История русской литературной критики. М.: изд. центр «Академия». 2009. 432 с.

¹¹ Солдаткина Я. Современная словесность: актуальные тенденции в русской литературе и журналистике. М.: МПГУ, 2016. 160 с., Курицын В. Русский литературный постмодернизм. М.: ОГИ, 2001. 288 с.

междисциплинарных подходов: здесь и лингвистический инструментарий изучения жанров речи¹², социологический, статистический подходы к осмыслению представлений о литературных ориентирах¹³, представление о литературной критике как об особом коммуникативном пространстве, «в котором смысловая организация критического текста и структура предполагаемой авторской программы воздействия на читателя находятся в особом взаимодействии с прагматикой текста»¹⁴.

В существующих исследованиях об истории литературной критики второй половины 1990-х годов (Л. В. Белоус, Ю.А. Говорухина, М. М. Голубков, Е.Г. Елина, С. И. Кормилов, В. Н. Крылов, Г. В. Лазутина, Б. Менцель, В. В. Прозоров и др.) внимание уделяется поэтике литературно-критического текста преимущественно на страницах литературно-художественных журналов.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предпринимается попытка пристально рассмотреть газетную литературную критику, поскольку богатый литературно-критический материал на страницах информационно-аналитических оперативных изданий представляет большой интерес с точки зрения мотивов его появления на газетной полосе. Кроме того, он часто приобретает новое звучание в публицистическом контексте, в пространстве газетных материалов. Новизной отличается и исследование литературной критики в новых сетевых и печатных литературных проектах. Многие из новых литературных критиков, начинавших свой путь на газетной полосе или на страницах новых альманахов, к началу XXI века прочно закрепились в числе сотрудников литературно-критических отделов толстых журналов.

Сопоставление литературы и журналистики сегодня становится неотъемлемой частью дискурса о русской словесности. Рассматривая их в

¹² Шакиров С.М. Трансформации дискурса литературной критики // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 74. 2013. № 2. С. 162 – 168.

¹³ Дубин Б., Рейтблат А. Литературные ориентиры современных журнальных рецензентов // НЛО. 2003. № 59. С. 211 – 221.

¹⁴ Говорухина Ю.А. Русская литературная критика на рубеже XX – XXI веков. Красноярск: Сиб. федер. ун-т. 2012. 359 с.

исторической ретроспективе, многие ученые (Е. Добренко, Б. Дубин, А. Рейтблат, М. Стюфляева, Г. Тиханов, и др.) солидаризуются во мнении, что журналистика и литература исторически неразрывны, а публицистический текст является литературным, хоть и выполняет вполне конкретные информационные задачи. Для современного литературоведения очень важной оказывается проблема границ, в том числе границ между различными типами оценочного высказывания.

Актуальность исследования обусловлена, тем, что в нём уточняются параметры литературно-критического текста, исследуется литературная жизнь в контексте общественно-политической ситуации, определяются границы и формы взаимопроникновения литературной критики и публицистики.

Теоретическая значимость работы заключается в изучении проблемы бытования литературно-критического текста в публицистическом контексте – на страницах общественно-политических изданий и новых литературных журналов и проектов. Постановка данной проблемы является одной из принципиально значимых для современного литературоведения по нескольким причинам: во-первых, потому, что новое место «прописки» литературной критики позволяет ей выйти к широкому читателю, чей интерес к толстым журналам стремительно снижается в первой половине 1990-х годов. Во-вторых, газетная полоса позволяет актуализировать историю литературы и вписать её в социокультурный контекст современности, а выход к широкой публике ученых, преимущественно филологов и философов, говорящих о литературе со страниц прессы, возвращает журналистике просветительскую функцию, о которой в ситуации свободных рыночных отношений СМИ стали все больше забывать. Сам литературно-критический текст претерпевает неизбежные изменения, когда приходит на новые площадки. Каждая из них диктует свои требования: оперативности, краткости, емкости и максимальной ориентированности на читателя – для газеты; свободы, эмоциональной броскости, языковой раскрепощенности и вместе с тем научной сложности и нарочитой избыточности в терминах – для новых литературных журналов; интерактивности, иллюстративности и гипертекстовости, броскости и лаконичности – для интернет-проектов.

Практическая значимость работы обусловлена возможностью использования полученных результатов в вузовских курсах лекций по истории и теории русской литературы, литературной критики, журналистики рубежа XX – XXI веков.

Целью работы является изучение особенностей функционирования литературно-критических текстов на новых для автора и читателя литературных и внелитературных площадках во второй половине 1990-х годов.

Для достижения обозначенной цели в работе решаются следующие *задачи*:

- определить роль критика в общественно-литературной ситуации второй половины 1990-х годов;
- проанализировать жанровые, стилистические и содержательные особенности публикаций о литературе на страницах общественно-политических журналов, газет, новых литературных журналов и в интернет-проектах, посвященных литературе, а также литературно-критические оценки художественных произведений, в том числе поэтических;
- охарактеризовать роль и функцию как традиционных для периодических изданий форм организации литературно-критических публикаций (некрологические и юбилейные материалы), так и новых видов откликов на литературные произведения (философский комментарий).
- выявить механизмы взаимодействия материалов о литературной жизни и информационно-аналитических публикаций на газетной полосе;
- выявить способы привлечения и удержания читательского внимания в публикациях о литературной жизни на газетной полосе;
- выявить роль сетевых литературных проектов в контексте развития литературного процесса второй половины 1990-х годов.

Положения, выносимые на защиту.

1. Литературно-критические материалы в газетах второй половины 1990-х годов отмечены публицистическими чертами, при этом художественные произведения становятся источником информационного повода, объектом информационно-рекламных кампаний, инструментом в политических дискуссиях.
2. Просветительская функция литературной критики в периодических изданиях второй половины 1990-х годов сопряжена с функцией развлекательной: игра с читателем становится обязательным элементом текста, удерживающим читательское внимание к литературным публикациям в системе динамично сменяющихся информационных и аналитических статей.
3. Взаимосвязь литературных публикаций с другими материалами в одном номере или близких номерах газеты (журнала) позволяет говорить о диалогическом потенциале публицистического текста.
4. Авторы новых литературных журналов демонстрируют абсолютную свободу в жанрово-стилевом воплощении литературно-критического высказывания, что приводит к размытости литературно-критического объекта, всеохватности в выборе произведений и литературных направлений.
5. Во второй половине 1990-х годов литературная критика существенно обогащается за счет использования литературоведческого инструментария и способов анализа текста и контекста, заимствованных из других смежных наук. Представители нового поколения литературной критики активно используют жанр философского комментария, который к началу 1990-х годов перестал быть только научным и часто стал использоваться как дидактическое примечание к тексту.
6. В литературных материалах второй половины 1990-х годов выявляются новые способы представления писателя: под влиянием западной традиции формируются элементы газетно-журнального биографизма, основанного на документальных или квазидокументальных источниках.
7. Литературные материалы в газетно-журнальном контексте второй половины 1990-х годов демонстрируют общее состояние литературной жизни:

разобщенность литераторов, стремление любой ценой преодолеть сложившиеся традиции, безуспешный поиск новых форм и нового языка, вялость в поиске сподвижников и оппонентов.

Структура диссертационного сочинения представляет собой Введение, три главы, Заключение и Список литературы.

Апробация основных положений представленного исследования состоялась на Всероссийской конференции молодых ученых «Филология и журналистика в XXI веке», посвященной 120-летию А.П. Скафтымова и 115-летию Ю.Г. Оксмана (Саратов, СГУ, 2010), Всероссийской конференции молодых ученых «Филология и журналистика в XXI веке», посвященной 95-летию гуманитарного образования в Саратовском университете (Саратов, СГУ, 2012), Всероссийской конференции молодых ученых «Филология и журналистика в XXI веке», посвященной 115-летию профессора Т.М. Акимовой (Саратов, СГУ, 2014), Всероссийской конференции молодых ученых «Филология и журналистика в XXI веке», посвященной 100-летию профессора Л.И. Баранниковой (Саратов, СГУ, 2015), Всероссийской конференции молодых ученых «Филология и журналистика в XXI веке», посвященной памяти профессора М.Б. Борисовой (Саратов, СГУ, 2016), Международной научно-практической конференции «XXI Международные Шешуковские чтения» (Москва, МПГУ, 2015).

Основные результаты диссертационной работы нашли отражение в следующих **публикациях**:

1. Павленко Р.И. Литературные материалы на страницах газеты «Известия» 1996 года // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых: в 3 ч. Саратов, 2011. Вып. 14. Ч I-II. С. 300–305.

2. Павленко Р.И. Приемы представления литературных материалов в «Независимой газете» середины 1990-х годов // Филологические этюды : сб. науч. ст. молодых ученых. – Саратов, 2013. Вып. 16 : в 2 кн. Кн. 1. С. 267–274.

3. Павленко Р.И. Просвещение и развлечение как важнейшие компоненты публикаций о литературной жизни на страницах “Независимой газеты” 1997 –

1999 гг. // Филология и человек. Барнаул : изд-во Алт. гос.ун-та, 2013. № 2. С. 172–178. **(Издание включено в перечень ВАК.)**

4. Павленко Р.И. Литературные материалы «Независимой газеты» и общественная жизнь середины 90-х годов XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. Саратов, 2013. Т. 13, вып. 3. С. 107–111. **(Издание включено в перечень ВАК.)**

5. Павленко Р.И. Некролог в газетах и журналах рубежа XIX-XX и XX-XXI веков // Филологические этюды : сб. науч. ст. молодых ученых. – Саратов, 2015. Вып. 18. С. 240–249.

6. Павленко Р.И. Соотношение художественного вымысла и реальности в осмыслении литературных критиков новых журналов второй половины 1990-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. Саратов, 2015. Т. 15, вып. 4. С. 118–121. **(Издание включено в перечень ВАК.)**

7. Павленко Р.И. Сетевые литературные проекты и литературная критика второй половины 1990-х годов // Филологические этюды : сб. науч. ст. молодых ученых. – Саратов, 2016. Вып. 19. С. 240 – 244.

Глава 1. Литературная критика в общественно-политических газетах и журналах второй половины 1990-х годов

Во второй половине 1990-х годов активно идет процесс создания нового культурного пространства: эйфория, связанная со свободой слова и возвращением запрещенной в советское время литературы, к 1995 году проходит, и духовный подъем первых пяти лет новой России сменяется упадком, предвещающим необходимость поиска новой культурно-мировоззренческой парадигмы. Ситуация осложняется и довольно резким внедрением в массовое сознание идеалов общества потребления¹, которые проникают в том числе и в литературную жизнь² (небывалое распространение бульварного чтения, приносящего доход издателю, «литературное рабство» как феномен массовой литературы второй половины 1990-х годов, учреждение множества литературных премий, подразумевающих не только меценатскую поддержку писателей, но и отчасти повышение внимания к ним, а значит и рост продаж их произведений, создание хит-листов художественной и нехудожественной литературы и т.д.).

Несмотря на все эти радикальные изменения, литература не перестает оставаться одним из главных инструментов формирования культурной среды. Трансформация постмодернизма, поиск новых форм и методов работы с текстом³, а также отсутствие читательского заказа на новую литературу, способную формировать национальное сознание, не мешают интеллигенции оставаться уверенной в непреходящем значении отечественной словесности, которая понимается как главный инструмент в обустройстве культурного пространства.

¹ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структура. М.: Республика, 2006. 268 с.

² Матвеева Е.О. Художественный анализ мифологем потребительского общества в прозе Юрия Полякова // Текст в художественной литературе, публицистике и журналистике. Материалы XIX Шешуковских чтений. М.: МПГУ, 2014. С. 304 – 309.

³ Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература 1950 – 1990-е годы. Т.2. М.: Издат. центр «Академия», 2003. С. 583 – 588.

Кроме того, «литература переставала, как это было принято в России, противостоять действительности и становилась ее продолжением, её точным повторением»⁴. Этот вывод объясняет тот факт, что документальность и социальная значимость литературного произведения, публицистичность и отход от концепции «искусство для искусства» во многом стали доминирующими направлениями литературного процесса во второй половине 1990-х годов. Его вектор начал перемещаться в сторону от постмодернизма к постреализму, новому реализму, трансметареализму – от произведений Виктора Пелевина, Татьяны Толстой и Виктора Ерофеева к романам Захара Прилепина, Владимира Маканина и Людмилы Улицкой, от поэзии концептуалистов Льва Рубинштейна, Дмитрия Пригова и Тимура Кибирова к экзистенциальной поэзии Сергея Гандлевского, Бахыта Кенжеева и Михаила Айзенберга.

В этот же период особое звучание приобретают литературно-критические высказывания, представленные, в связи с требованием информационно насыщенного времени, в форме газетной публикации. Их тесная связь с процессами, происходящими в российском обществе исследуемого периода, позволяет говорить об огромной роли этих статей в системе формирования новых культурно-эстетических и идеологических установок. С приходом в ежедневные периодические общественно-политические издания профессиональных критиков, журналисты, пишущие о литературе, формируют новые традиции профессионального литературно-критического высказывания.

Во второй половине 1990-х годов меняется мировоззренческая и культурная парадигма: от литературоцентризма к газетности, происходит процесс активного перехода известнейших литературных критиков со страниц «толстожурнальной» периодики в ежедневные или еженедельные газеты. Уже к середине 1990-х годов литературная критика на страницах общественно-политических газет является серьезным инструментом, формирующим массовое сознание гражданина новой

⁴ Елина Е.Г. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы: опыт литературоведческих реминисценций // От девятьсот двадцатых в двухтысячных: литература, журналистика, литературная критика. Саратов: Изд-во Саратов. унт-та., 2012. С. 195.

России. Однако стоит отметить, что первые годы новой политической системы были временем непостижимым, крайне нестабильным и во многом пугающим не только для писателей, но также для критиков и читателей. Связано это было, с одной стороны, с общим ощущением незнакомой страны, незнакомых людей, почти послевоенной разрухи: «Оля! Наши улицы уже совсем не наши. Барахолка! ... Съешь сбережения, что дальше? ... А какой беспредел на улицах. Бездомные, беспризорные пацаны – с голодным волчьим взглядом! Волчата! Как будто война прокатилась! ... А у тебя – любовь...»⁵. С другой же – с представлением о конце всей литературы и литературной критики как её части. Журналистика стала замещать литературу ещё и потому, что предметом её описания была стремительно текущая жизнь с её резкими переменами, и именно журналистика создавала иллюзию сопричастности происходящему, во многих рождала ощущение включенности в развитие страны, литературных персонажей заменили другие, реальные: «Лен, не ори ты. Дай вникнуть. В кои веки хочу в политике разобраться <...> С тех пор в жизнь Брянцевых вошли персонажи, чьи фамилии, лица, поступки и слова Виктор стал знать, как болельщик, кого-то одобряя, кого-то ругая»⁶.

Осмысляя этот период развития русской словесности, Андрей Немзер пишет: «Судя по критическим разделам тех же самых ежемесячников, по первой тетрадке «Литературной газеты», по материалам журналов специальных и тем более общеполитических газет, никакой живой словесности в России не было. Шли толки о конце литературоцентризма. <...> Рецензировалось крайне малое количество текстов, а само занятие это едва ли не напрямую называлось бессмысленным. Десяток имен кочевал со страницы на страницу. Вероятно, я несколько утрирую тогдашнюю ситуацию (кстати, вполне объяснимую – публицистический азарт первых бесцензурных лет уводил многих критиков от привычных дел и забот). Мне показалось, что современную литературу предали. В первую очередь это касалось новых имен, ибо писатели со сложившимися

⁵ Маканин В. Две сестры и Кандинский. Роман, или сцены из жизни 90-х. М.: Эксмо, 2011. С.9.

⁶ Шаргунов С. 1993. Семейный портрет на фоне горящего дома. М.: АСТ, 2013. С. 190 – 191.

репутациями менее нуждаются в посредничестве. Я ошибся. За год-другой ситуация в какой-то мере выправилась <...> Рецензия снова в чести. Более того, в первом номере «Литературной газеты» за 1995 год всем тупым и непонятливым было растолковано, что время на дворе исключительно рецензионное, что заниматься надобно конкретными сочинениями, а зато жанр итогового обозрения никуда не годится»⁷.

Действительно, практически во всех крупных общественно-политических газетах и журналах 1995 – 1999 годов публикуются материалы о литературе. «Известия», «Коммерсант», «Российская газета», «Сегодня», «Независимая газета», «Огонёк» регулярно отдают одну, а иногда и две полосы рубрик «Культура», «Искусство» или «Общество» под литературные статьи. Их авторы – не только известные литературные критики, воспринимающие работу в газете как способ приработка, но и представители возродившейся газетной литературной критики, никогда прежде не печатавшиеся в литературных журналах. Главное внимание мы будем обращать именно на материалы «Независимой газеты» («НГ»), считая её одной из наиболее ярких и стабильных газет, постоянно затрагивающей вопросы, связанные с местом литературы в формировании общественного сознания.

1.1. Газетная литературная критика в России второй половины 1990-х годов

Литературные критики, выступающие с трибуны отечественных общественно-политических изданий второй половины 1990-х годов, одной из своих задач считают установление вектора развития общественно-политической ситуации в России. Затрагивая литературные темы, размышляя о судьбе отечественной словесности, они постоянно связывают их с жизнью современной России.

⁷ Немзер А. Литературное сегодня. О русской прозе. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С.5-6.

Литература в этот сложный, нестабильный период развития общества становится одним из важнейших ориентиров, а публикации о литературной жизни – иногда единственным инструментом создания его новой модели. В то же время особое внимание к литературе и литераторам на страницах газет часто оказывается едва ли не карикатурным, а литературные герои, произведения и их авторы, погруженные в журналистскую неоднородную среду, становятся объектом рекламной кампании, брендом, теряют при этом свое эстетическое первородство, обретают новый смысл и новое значение, по мнению некоторых журналистов успешно вписываясь в новую российскую общественно-литературную ситуацию.

Борьба газетных литературных критиков с журналистами-самоучками, создателями рекламных акций и разработчиками новых рыночных стратегий в СМИ ведется на поле национальной культуры, к которой, бесспорно, относится и литература. Критики воспринимают отечественную словесность как важнейший компонент формирования самосознания, их оппоненты – как средство для построения незамысловатых прибыльных кампаний на фундаменте известных, закрепленных в памяти образов, трансформируемых в зависимости от поставленной задачи. Одним из наиболее демонстративных примеров спекуляции именем писателя стал 200-летний юбилей А.С. Пушкина. Журналисты федеральных изданий подбирали поэту самые неожиданные роли вплоть до капитана сборной команды России по футболу. Обзор наиболее возмутительных примеров газетных публикаций, карикатур, плакатов, постеров и прочей рекламной продукции приводит Максим Соколов в «Известиях»: «одна из патриотических газет изобразила А.С. Пушкина, полуторапудовой тростью сокрушающего мышцу Б.Н. Ельцину, Е.Т. Гайдару, А.Б. Чубайсу и даже И.М. Хакамаде, – в последнем случае сокрушение производится, очевидно, со словами "Прощай, любезная калмычка!". Рекламные щиты в г. Москве носят более идиллический характер. Из знакомства с ними можно понять, что А.С. Пушкин был местным стихотворцем, более или менее успешно подражавшим в своем московедческом творчестве Ю.М. Лужкову – автору книги "Мы дети твои,

Москва"»⁸. В это же самое время газетные литературные критики откликнулись на юбилей серьезно, предприняли попытки соотнести биографию и поэтическое наследие А.С. Пушкина с современностью и найти ответы на общественно значимые вопросы. Сама статья Максима Соколова в «Известиях» демонстрирует общее недовольство серьезных журналистов ежедневных газет ситуацией, сложившейся вокруг юбилейной даты А.С. Пушкина.

Однако литература в исследуемый период является не только предметом спора между литературными (журнальными и газетными) критиками и журналистами нового, рыночного, формата, но и самостоятельным инструментом формирования читательского отношения к актуальной проблеме, в основном политического толка. Эта функция, в первую очередь, реализуется через свойство внутренней и внешней соотнесенности публикаций. Первая представляет собой межтекстовые связи внутри одного и того же номера, вторая – со связями между статьями разных номеров одной газеты. Стоит также отметить, что взаимосвязь между литературным, вымышленным, и социальным, реально существующим, в исследуемый период приобретает новые черты. На этом стыке рождается новый смысл некоторого экзистенциального противоречия между искусственным и настоящим, истинным и ложным. Таким образом, говоря о системе взаимоотношений между двумя похожими, имеющими один общий корневой смысл явлениями – литературой и журналистикой – автор выходит к области гораздо более широкой – области социального литературоведения. В таком случае журналистика выступает инструментом изучения общества и литературы⁹.

Все рассматриваемые в работе издания имеют свое отношение к литературной жизни, по-разному рассказывают о ней, ставят перед собой разные цели. Вместе с тем наблюдается и общий симптом – процесс слияния

⁸ Соколов М. Их Пушкин // Известия. 1999. № 101.С.6

⁹ См. об этом: Ортега-и-Гассет Х. Эстетика философии культуры. М.: Искусство, 1991. 588 с., Белая Г. Литература в зеркале критики. М.: Советский писатель, 1986. 365 с., Роднянская И. Литературное семилетие. М.: Книжный сад, 1995. 319 с., Архангельский А. Политкоррекция. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. 191 с., Иванова Н. Русский крест: Литература и читатель в начале нового века. М.: Время, 2011. 384 с., Иванова Н. Ностальгическое. М.: Радуга, 2014. 256 с.

стремительных информационных потоков и размеренного течения литературной жизни не позволяет им стать флагманом в процессе формирования литературных вкусов и предпочтений, полностью принять на себя функцию пропагандиста в вопросах литературы, но они методично и настойчиво продолжают решать просветительские задачи для поддержания основ литературной культуры.

Эйфория, начавшаяся в годы Перестройки, связанная с большими надеждами на возвращенную литературу как мощный толчок развития новых писательских направлений, очень быстро прошла. После 1992 – 1993 годов, когда были опубликованы практически все, кого прежде было запрещено печатать, а на первый план в литературном процессе вышли те, чье имя традиционно связывалось с андеграундом, читатель и журналист обнаружили, что современная отечественная словесность в основном представляет собой сложный эксперимент, создающий хаос и разрушающий реальность¹⁰. Во многом поэтому широкое внимание на страницах газет и журналов стали уделять беллетристам и успешным массовым литературным проектам, более доступным широкому читателю¹¹. Последовавшее за этим снижение уровня литературной культуры привело к ситуации, когда классическая литература стала не столько инструментом формирования общественного сознания, сколько объектом информационного сообщения или рекламного слогана (прецедентность в рекламных слоганах и заголовках, основанная на литературной традиции, в исследуемый период чрезвычайно высока).

Основные материалы, посвященные литературной жизни в указанный период, рассматриваются главным образом с точки зрения информационной журналистики, то есть отвечают, в первую очередь, запросам актуальности, оперативности, носят зачастую сиюминутный характер. Самыми популярными жанрами публикаций о литературе в общественно-политической периодике

¹⁰ См. об этом: Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература 1950 – 1990-е годы. Т.2. М.: Издат. центр «Академия», 2003. С. 423 – 425.

¹¹ Иванова Н. Тоска по задаче: Об ответственности писателя перед литературой // Знамя. 2012. №9. С. 174 – 181

являются некрологи, информационные заметки по поводу юбилейной даты – писателя или события, имеющего отношение к литературной жизни. Подобного рода материалы закреплены, как правило, за специально отведенными полосами, но без привязок к рубрикам, без постоянного авторства. Статьи известных публицистов второй половины 1990-х годов – Мэнора Стуруа, Евгении Альбац, Константина Кедрова, Максима Соколова – в основном, лишены аналитики, а редакционная политика перечисленных изданий не позволяет выходить за рамки общепринятых в периодике законов оперативного и информационного, а значит, короткого и лаконичного журналистского высказывания.

Отдельное внимание при изучении материалов такого рода стоит обращать на соотношение публикаций с другими, размещенными на этой же полосе, во всем текущем номере или в близких друг к другу выпусках. Корреляция литературных публикаций с материалами в одном номере и близких номерах газеты или общественно-политического журнала доказывает уместность разговора о диалогичности публицистического текста. О диалогической природе литературно-критического текста рассуждают многие исследователи (М.М. Бахтин¹², М. К. Мамардашвили¹³, Б.Ф. Егоров¹⁴, В.И. Баранов¹⁵, А.Г. Бочаров¹⁶, А.С. Бушмин¹⁷, В.В. Прозоров¹⁸, Е.Г. Елина¹⁹, В.Е. Семенов²⁰, А.М. Штейнгольд²¹

¹² Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.

¹³ Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.: Изд. группа «Прогресс» «Культура», 1992. 408 с.

¹⁴ Егоров Б. О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стиль. Л.: Советский писатель, 1980. 318 с.

¹⁵ Баранов В., Бочаров А., Суворцев Ю. Литературно-художественная критика. М.: Высшая школа, 1982. 207 с.

¹⁶ Бочаров А. Жанры литературно-художественной критики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 51 с.

¹⁷ Бушмин А. Наука о литературе: Проблемы. Суждения. Споры. М.: Современник, 1980. 334 с.

¹⁸ Русская литературная критика: Исторический и теоретический подходы / под ред. В.В. Прозорова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. 166 с.; История русской литературной критики / под ред. В.В. Прозорова. М.: Изд. центр «Академия», 2009. 432 с.

¹⁹ Елина Е. Литературная критика и общественное сознание в Советской России 1920-х годов. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1994. 191 с.

²⁰ Семенов В. Е. Искусство как межличностная коммуникация (социально-психологическая концепция). СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1995. 199 с.

²¹ Штейнгольд А. Анатомия литературной критики (природа, структура, поэтика). СПб.: Изд-во «Дм. Буланин», 2003. 202 с.

и др.). Однако особенности публицистического текста в газете вносят существенные коррективы в основные механизмы её реализации, поскольку диалогичность публицистики представлена на разных уровнях.

Анализируя статьи о литературе второй половины 1990-х годов, мы приходим к выводу, что для газетной публикации характерна не только диалогичность читатель-автор, выраженная через интерактивный потенциал публицистического текста, но и диалогичность на уровне взаимодействия разных текстов, далеких друг от друга тематически, но связанных общественно-политическим контекстом.

Изучив ряд публикаций «Известий», посвященных смерти Иосифа Бродского, находим примеры внутреннего (в рамках одного номера) и внешнего (в разных номерах) соотнесения тем, проблем и звучаний. Речь идет о статьях «Ельцин и Черномырдин могут включиться в предвыборную кампанию одновременно» от 30 января 1996 года, «Умер Иосиф Бродский. Завершилась эпоха», вышедшей в этом же номере «Известий», и «Бродский и власть» – от 2 февраля 1996 года.

На первый взгляд, между ними нет никакой взаимосвязи. Однако, внимательный и постоянный читатель «Известий» найдет тройную связь между указанными материалами. В номере от 30 января премьер-министр России Черномырдин предстает в качестве борца за справедливость, как истовый защитник народных интересов против коммунистов. В газете от 2 февраля Черномырдин – исключительно сострадающий персонаж, он не лишен человеческих качеств, несмотря на ответственность, возложенную на него. Он будто бы человек из народа, который может и хочет сохранить и преумножить интеллектуальное богатство русской нации. Эти дополнительные штрихи к образу серьезного политического деятеля, готового управлять государством, рисуются посредством отражения отношения Черномырдина к отечественной словесности. Публикация «Бродский и Власть» посвящена поездке премьер-министра к вдове И.А. Бродского в США, их встрече и разговору о том, что поэт, уехавший из СССР по политическим причинам, сегодня является одним из

важнейших литературных символов новой, постсоветской России. Важно помнить, что этот портрет рисуется в период предвыборной кампании в президенты, а значит, начинают работать определенные политтехнологические приемы. Читатель «Известий» знакомится с Черномырдиным, который готов признавать исторические ошибки, просить за них прощения и воздавать заслуженные почести забытым героям. Через взаимоотношение политики и литературы, а шире – культуры, журналист получает возможность придать новой политической системе человеческое лицо. Таким образом, соотнесенность разных публикаций на страницах «Известий» выполняет функцию обогащения известных событий, явлений, фактов и персонажей новыми характеристиками с позиции поставленной задачи, чаще всего политического толка.

При этом стоит отметить, что материалы на газетной полосе соотносятся либо параллельно (практически не сопоставляясь по тематике, содержанию и стилю), либо перпендикулярно (обнаруживая внутренние смысловые взаимосвязи, обогащая каждый материал новыми интонациями и значениями). Параллельное соотнесение публикаций представляет собой, чаще всего, простую необходимость формирования номера, в таком случае соседние публикации не обладают функцией дополнения, а их распределение внутри газеты объясняется закрепленностью рубрик. Задачи, выполняемые в процессе перекрестного соотнесения, вполне понятны и находят подтверждение в значительном количестве примеров на полосах периодической печати.

Использование такой особенности при бильд-редактировании (верстке), позволяет создать единое текстовое пространство в газете, привлечь внимание читателя самым неожиданным образом к разного рода материалам и поддерживать постоянный интерес к изданию.

Флагманом газетной критики в исследуемый период становятся публикации в российской ежедневной «Независимой газете», выходящей с 21 декабря 1990 года. Её учредителем является ЗАО Редакция «Независимой газеты». Здесь публикуются материалы корреспондентов, политологов, историков, искусствоведов, критиков, освещаются вопросы политики, общества, культуры и

искусства. При газете существует восемь тематических приложений, в том числе книжное обозрение «НГ Ex Libris», являющееся главной площадкой для выступления литературных критиков и журналистов, пишущих о литературе.

Второе место по значимости занимает российская ежедневная деловая газета «Сегодня», учрежденная в 1993 году, унаследовавшая многие традиции «Независимой газеты», так как первый состав журналистов «Сегодня» перешёл туда из «НГ», в том числе и литературный критик и филолог Андрей Немзер (проработал там с 1993 по «последний день её нормального бытия»²² 2 ноября 1996 года).

Эти издания наиболее чутко понимают запросы аудитории, ориентируются на читательские потребности, ведут активный диалог с читателем о литературе и литературном процессе. Значительное место в «Независимой газете» отводится материалам, посвященным литературной жизни, осмыслению литературы в контексте социальных изменений общественного мнения и условий жизни в изучаемый период. Авторы – как правило, ученые-филологи, литературоведы – с большим интересом обращаются к темам общественных изменений, к весьма значительной проблеме переоценки роли Советского Союза в системе общегуманитарных культурно-эстетических установок XX века. Спутанность общественного сознания, связанная с открытием новых фактов биографии страны, с изменением представления о времени, на которое пришелся расцвет творческого и интеллектуального развития основной массы читателей газеты, находила свое отражение на её страницах, отдельные материалы становились подчас серьезным катализатором общественного беспокойства, но не выходили за рамки этических журналистских установок.

В переломное для читателя новой страны время, когда он внезапно оказался между двух эпох с необходимостью самостоятельно искать способы восстановления и новый путь развития разрушенных жизненных установок, газета оказывала серьезную моральную поддержку именно посредством

²² Немзер А. Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е. М.: Новое литературное обозрение. 1998. С.8.

публикаций, связанных с литературной жизнью, с тем, что для каждого оставалось даже во времена безверия основным символом веры – с классикой, запечатленной в бумаге, с литературой. Особенность журналистского текста изучаемого периода заключается в том, что некоторым, особенно литературно-критическим, материалам свойственен откровенно назидательный характер. Авторы зачастую выбирают менторскую, настоятельную, в отдельных случаях пропагандистскую интонацию. Жанровое разнообразие публикаций позволяет читателю «Независимой газеты» проникнуться духом литературности. Художественно-публицистические жанры: эссе, фельетоны, очерки, зарисовки помогают читателю ощутить осмысленность и функциональность журналистики, сохраняющей тесную связь с литературой, не только в качестве объекта описания, но и с точки зрения формы организации материала.

Авторская, часто резкая, позиция в это время очень четко просматривается в публикациях «Независимой газеты». В изучаемый период она является трибуной для важных общественно значимых заявлений и деклараций, а статьи, публикуемые на её страницах, по своему нравственному заряду и пафосу высказывания могут быть сравнимы с выступлениями видных общественных деятелей на телевидении или радио. Газета ставит своей целью независимый разговор с читателем, позволяющий ему сфокусировать взгляд на принципиально значимых для развития общества моментах, и достигает её.

Большой интерес в газете представляют хроники современников исторического и литературного процессов XX века, публикуемые по материалам дневниковых записей. В № 119 «Независимой газеты» за 1996 год в рубрике «Стиль жизни» напечатаны страницы книги – дневника Сергея Минцлова «Трапезондская эпопея».

Дневниковые записи представляют собой подробный хронологический отчет о происходящем в Кемере (имении Минцлова под Выборгом), самом Выборге и Петрограде в конце 1917 – 1918-м годах. Предварительно читателю предложена биографическая справка. Сергей Рудольфович Минцлов представлен

читателю как один из крупнейших русских библиографов, ценителей, коллекционеров книг, беллетрист, исторический романист (в годы эмиграции).

Историческая ценность этого материала неоспорима. В нем приводятся многочисленные цифры убитых и раненных, подробно рассказывается о системе мщения среди белых и красных, ярко представлено описание пыток и казней, дана исчерпывающая характеристика красногвардейцев. Публикация этого дневника на страницах общественно-политического издания второй половины 1990-х годов, на наш взгляд, придает ему новый смысл. Размещение его в рубрике «Стиль жизни», материалы которой представляют собой некоторое руководство к действию (само название рубрики указывает на своего рода элитарность и назидательность, то есть это тот стиль жизни, которому стоит следовать), напоминает о всё еще нестабильном положении в стране, не вернувшейся к спокойному стилю решения государственных вопросов. Этот материал выполняет функцию предостережения, через публикацию дневниковых записей Минцлова редакция обращается к читателям с предупреждением о том, что любая историческая ситуация, в том числе и та, о которой пишет беллетрист, может повториться.

Эта публикация обладает еще одной важной ценностью для читателя, увлеченного историей литературы и журналистики, – она раскрывает особенности историко-литературного и журналистского процесса двух лет – революционного 1917 года и года начала гражданской войны – 1918-го: «27 октября. ...Газет опять нет никаких... 3 ноября. ...Дочь ездила за почтой, но ни писем, ни газет нет по-прежнему». Газеты появляются только к середине декабря, но литературная ситуация нестабильна, особенные проблемы возникают с книготорговлей: «31 декабря. Из газет узнал, что за это время Финляндия окончательно отделилась от России и что мы живем теперь «за границей» в полном смысле этого слова. 20

марта. ...Побывал у Вольфа, Карбасникова, Суворина – во всех книжных магазинах пустыня. Нет ни книг, ни покупателей»²³.

Факт опубликования материала в России только во второй половине 1990-х годов (в предуведомлении к статье Станислав Никоненко пишет: «... Сегодня мы предлагаем вашему вниманию те не публиковавшиеся в России страницы книжника «Трапезондская эпопея», которые рассказывают о событиях в Финляндии в 1917 – 1918 гг.»²⁴) приводит читателя к неизбежному осмыслению написанного в актуальном для него контексте, заставляя внимательно просмотреть материал и осознать губительность событий революции и гражданской войны в России, приложить это знание к современной ситуации и отказаться от подобного сценария развития общества. С другой стороны, публикация этого материала продолжает путь к свободной журналистике, путь к открытию тайн советского прошлого, рассекречиванию архивов, возвращению классической литературы XX века, снятию исторического табу. При этом оба эти объяснения не противоречат друг другу – разрешенный материал не самого важного исторического значения появился в газете тогда, когда общественная ситуация теряла стабильность перед страхом нового этапа, новых реформ, новых потрясений. В том же номере размещены публикации аналитического характера в период предвыборной кампании 1996 года. Авторы ожидают серьезных изменений во всех сферах общества. Эта позиция отражается и в заголовках «Затишье – 2», «Что ожидает экономику после выборов», «Третий путь развития отечественного здравоохранения», «Новая экономическая политика для России» и др. Таким образом, публикация дневника Минцлова оказывается встроенной в общую тему номера – размышление о будущем страны в контексте грядущих изменений. С точки зрения литературного процесса биографическое предуведомление в начале публикации открывает читателю имя неизвестного

²³ Никоненко, С. Сергей Минцлов. Былое. Русская революция в Финляндии. Фрагменты дневника 1917-1918 годов // Независимая газета. 1996. № 119. С. 8.

²⁴ Никоненко С. Сергей Минцлов. Былое. Русская революция в Финляндии. Фрагменты дневника 1917-1918 годов // Независимая газета. 1996. № 119. С. 8.

широкой публике писателя-беллетриста и исторического романиста Сергея Рудольфовича Минцлова, чье литературное наследие первой трети XX века оказывается актуальным и в 1990-е годы.

Литературная история, рассказанная авторами на страницах газеты, проникает в современность: журналисты находят в ней связи с текущим общественно-политическим процессом. Смутные ожидания журналистов «Независимой газеты» по поводу предстоящих выборов получают свое развитие в № 123, вышедшем уже после победы Б.Н. Ельцина и продления его президентских полномочий. В той же рубрике «Стиль жизни» Игорь Доровских публикует статью «Царь, поэт, литература. К 200-летию со дня рождения Николая I» об отношении монарха к свободной литературе, А.С. Пушкину, а также о взглядах самого Пушкина на современный ему литературный процесс. Автор статьи с образом Пушкина соотносит писателей и журналистов второй половины 1990-х годов, а с образом Николая I – вновь избранного президента. И в этом случае возникает опасение иного рода – не будет ли президент ущемлять права неугодных ему писателей и журналистов. В целом публикация, несомненно, носит тот же характер, что и дневники Минцлова, но посыл ее направлен уже в сторону правящей власти, а не в сторону смущенного народа. При этом факт публикации на страницах общественного периодического издания, несомненно, дает читателю возможность определить уровень озабоченности журналистов «Независимой газеты» складывающейся ситуацией.

Одним из важнейших направлений газетной критики исследуемого периода становится процесс осмысления себя в новой системе координат, понимания новых тенденций и направлений работы на «тесной» и очень «быстрой» газетной полосе. Дискуссии об этом рождаются в разных общественно-политических изданиях, они носят, как правило, полемический характер, поскольку проблема самоопределения и самоидентификации является одной из принципиальных в процессе встраивания критики как социального явления в новую парадигму отношений, в том числе и рыночных.

Ощущая в себе наследие критиков перестройки, представляющей собой яркий пример полемического задора и активной дискуссионной основы текста²⁵, молодые критики в общественно-политических изданиях используют некоторые приемы, призванные, однако, в большей степени, развлечь читателя словесной игрой, а не привлечь внимание к актуальной проблеме, как было в эпоху гласности. Чаще всего словесная игра находит воплощение в конструировании заголовков публикаций: «Рифмуй, скандируй и кричи», «Что это за страна?», «Болотная мать», «Что писал Булгаков о Зюганове?». Первые три заголовка, основанные на особом рубленном стиле лозунгов советской эпохи с характерными вопросительными конструкциями, обращенными к сознанию массового читателя, высмеивают стилистику советской печати. Они полны пародийного пафоса, предопределяющего отношение к публикации: готовность едко рассмеяться, иронизировать и остро отзываться на вопросы, поднимаемые в статье. При этом читатель не находит в тексте ни одного момента, связанного с броскостью заголовка: в статьях нет аналитических рассуждений журналиста на заявленную тему, отсутствует ирония, не оправдывается пародийность, утверждаемая в заголовке.

Такой журналистский подход снижает уровень читательского доверия к данному автору и к цеху в целом. Имея в виду массового потребителя информации, мы понимаем и тенденции к обобщению, присущие обычному журналисту. В итоге формируется понимание неоднородности и некоторой разобщенности в среде критиков. То есть там, где обычный читатель ищет помощи и поддержки в выборе и расстановке приоритетов относительно современной ситуации, он находит её измененной в большей степени философскими идеями хаоса в новом социальном пространстве, но отчасти и факторами внелитературными, не имеющими отношения к культурной жизни (особенностями издательского дела и рыночной экономики, например). Читатель в одиночестве противостоит громкой толпе очень по-разному

²⁵ Ерохина М.В. Приемы и функции полемики в журнальной литературной критике второй половины 1980-х годов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. С. 19.

рассуждающих адептов культа литературоцентризма: «Среда литературы изменилась, и <...> литература меняет некоторые свои функции <...> В этом процессе есть обретения и потери»²⁶.

В то же время изменений ожидают и журналисты-критики, активно участвующие в литературном процессе, и те литераторы, которые появляются в газетной периодике в качестве ньюсмейкеров, персон, у которых берут интервью по актуальным вопросам: «Да, эти журналы, конечно, влачат сейчас жалкое существование. Но мне почему-то кажется, что будущее у них есть. Потому что они необходимы. У нас страна очень большая и невероятно разобшенная в культурном отношении. Выписывая и читая толстый журнал, человек, живущий в провинции, – а мы таких людей не очень хорошо даже себе представляем, – как бы входит в некоторое поле, узнает, что сегодня читают в прозе и в поэзии, из отдела критики он узнает, что пишут в других журналах, какие выходят книжки и так далее. В противном случае мы останемся посреди чистого поля, где расставлены миллионы лотков, на каждом лотке лежат пятьдесят книг: некоторые обложки похожи друг на друга, некоторые не похожи – и все. Миллион лотков не обойдешь, и мы все окажемся людьми разных лотков, и нам не о чем будет разговаривать за праздничным столом»²⁷. Здесь, на страницах газеты, писателей, осваивающих близкое по роду деятельности ремесло журналиста-газетчика, ожидает необходимость изменения стиля и подхода, методов анализа произведений и литературного процесса, но вслед за этим они получают большее число читателей, большую периодичность, большую стилистическую и тематическую свободу.

В русской литературной критике, так же, как и в русской литературе, с середины 1990-х годов зреет новое понимание измененной идеологической, культурной, социальной парадигмы. Наблюдается медленный, но

²⁶ Костырко, С. О критике вчерашней и «сегодняшней» // Новый мир. 1996. №7. С.213.

²⁷ Климова М. Люди разных лотков. Самуил Лурье: «Литература - это прислушивание к своему внутреннему голосу» // Независимая газета. 1998. №10. С. 7.

целенаправленный отход от теории хаоса и разрушения, «хмурого утра неясного дня», навязываемых авторитарными критиками-восемидесятниками, в сторону приятия теории плюрализма взглядов и подходов к осмыслению не только самой действительности, но и ее отображения. Активный, беспринципный постмодернизм в отечественной словесности второй половины 1990-х годов постепенно исчерпывает себя и уступает место концепции постреализма²⁸, в которой выражается тоска по смыслу. То же происходит и в сфере толстожурнальной и газетной литературной критики: «Ее авторы серьезны, им не до иронического кайфования, их пафосность, высокий слог в кульминационных абзацах не имеют ничего общего с гедонистической эксплуатацией словесных красот критиками-постмодернистами»²⁹. Процесс осмысления затрагивает не только область сугубо профессиональную, но выходит напрямую к читателю посредством публикации дискуссионных материалов, статей, направленных на утверждение своего места в цеху критиков на страницах общественно-политических изданий. Читатель вовлекается в процесс обсуждения важнейших вопросов функционирования литературы в обществе, её значительных составных компонентов, он становится иногда невольным, но чаще специально приглашенным зрителем на поле битвы консерваторов – постмодернистов и новаторов – постреалистов, определяющих в исследуемый период основное направление развития литературно-критической журналистики в России.

Форма газетной публикации, жанры информационной заметки, режэ – обзора или развернутого комментария становятся наиболее популярными и востребованными читателями. В большей степени смена основных векторов – от толстожурнальных развернутых критических высказываний к более узким, концентрированным газетным публикациям – объясняется новой читательской потребностью – быстро и в максимально сжатой форме получить как можно

²⁸ Лейдерман Н, Липовецкий М. «Жизнь после смерти или Новые сведения о реализме» // Новый мир. № 7. С.74-79.

²⁹ Ермолин Е. Собеседники хаоса // Новый мир. 1996. № 6. С.89.

больше информации за короткий промежуток времени: «С 1992 года произошло массовое перемещение литературной критики в ежедневные, еженедельные газеты и глянцево-журналы. Книга критика, занимавшая в советское время прочное место в литературной жизни, просто исчезла <...> темп и динамика написания публикации произведений литературных критиков чрезвычайно возросли, от четырехмесячного производственного цикла журналов до еженедельного и ежедневного ритма газет»³⁰.

С другой стороны, сам литературный процесс стремительно движется в сторону коротких и емких форм: «Судьба отечества – сегодня об этом можно говорить без помощи эпопеи и обзорных статей, в ходу жанры-флешки. Шпенглер и Толстой самовыражались томами – Владимир Мартынов в книге о закате русской литературы отделался «пересказом» задуманного труда, а роман Елены Чижовой о том, как закончилась отечественная война вместе с русским миром, едва ли потянет размахом на домашнюю вечеринку Ростовых»³¹.

Однако стоит отметить, что это высказывание критика Валерии Пустовой относится к литературному процессу середины 2000-х годов, тому времени, когда в толстых журналах и специализированных газетах³² начинает вестись активная полемика по вопросу необходимости литературной критики и её актуальности в контексте развития литературы на новом этапе. При этом участники данного спора закономерно выделяют самые громкие имена, успевшие за десятилетие, с середины 1990-х по середину 2000-х, заработать себе славное имя и войти в хроники литературной жизни нового тысячелетия. Среди них Светлана Магидсон,

³⁰ Менцель Б. Перемены в русской литературной критике. Взгляд через немецкий телескоп // Неприкосновенный запас. 2003. № 4. С. 256.

³¹ Пустовая В. Толстая критика. Российская проза в актуальных обобщениях. М.: РГГУ, 2012. С.196.

³² См. об этом: Аннинский Л. Чего ищете? Критика: самоубийство жанра? // Литературная газета. 2004. № 20. С. 7., Басинский П. Стерильный критик // Литературная газета. 2003. № 42. С. 7., Е. Подбельский Сумерки жанра? Современная критика: "за" и "против" // Сибирские огни. 2003. № 11. С. 204 – 210., Иванова Н. Кому она нужна, эта критика // Знамя. 2005. №6. С. 73 – 79., Менцель Б. Перемены в русской литературной критике. Взгляд через немецкой телескоп // Неприкосновенный запас. 2003. № 4. С.254 – 258., Дубин Б., Рейтблат А. Литературные ориентации современных журнальных рецензентов // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 557-570., и др.

Игорь Зотов, Мэлор Стуруа, Максим Соколов, Александр Скидан, Григорий Заславский, Николай Александров. В это же время на страницах газетной периодики публикуются уже известные с 1980-х годов критики – Ирина Роднянская, Александр Архангельский, Андрей Немзер, Михаил Айзенберг и многие другие³³. Исследуемый же нами период второй половины 1990-х годов не богат на широкие дискуссии по вопросу самоопределения критика в литературном процессе, редкие случаи полемических статей встречаются только в главных толстых журналах – «Новый мир», «Звезда», «Октябрь», их авторы всегда очень осторожно обходят острые вопросы, связанные с изменением роли критики и критиков в процессе формирования общественного сознания³⁴.

Но все они отмечают растущую роль газетной критики, которая формируется в отдельное явление литературного процесса, оперативно отзывается на события, обретает более тесные связи с общественной жизнью и гармонично вписывается в социальный контекст: «Конец литературоцентризма естественным образом совпал с расцветом журнализма. Новое время востребовало новый язык – прямой, информативный, ясный, безо всяких там эзоповых фиоритур <...> Вспоминается первый период жизнедеятельности "Независимой". К радости окружающих (нормальных) критиков всех поколений – открытость, "гамбургский" счет, изящество рубрик, неподдельная образованность, культурологическая игра, отсутствие пафоса. Элегантный, остроумный стиль: именно он и делал музыку заметок Бориса Кузьминского, парадоксов Владимира Новикова и обзоров Андрея Немзера, рецензий Константина Поливанова»³⁵.

Главной приметой «Независимой газеты» второй половины 1990-х годов является поиск новых форм, работа с современным и историческим литературным

³³Иванова Н. Кому она нужна, эта критика // Знамя. 2005. № 6. С. 73.

³⁴ См. об этом: Иванова Н. Между // Новый мир. 1996. № 1. С. 203-2014., Архангельский А. Пепел остывших полемик // Новый мир. 1996. № 1. С. 2015 – 217., Басинский П. Мужики и баре // Новый мир. 1996. № 4. С. 173 – 177., Курицын В. Моя маленькая трепанация черепа // Октябрь. 1996. № 5. С. 109 – 114.

³⁵ Иванова Н. Между // Новый Мир. 1996. № 1. С. 203.

контекстом, обращение к именам классиков, писателей второго ряда, литературным деятелям с целью просвещения аудитории. При этом чаще всего просветительская функция находит свое воплощение в газетных публикациях, исполненных в развлекательной манере. Это, в первую очередь, игра с читателем «НГ», правила которой, во многом, диктуются самим адресатом журналистского текста: идеи о пути развития современной литературы облекаются в форму саспенса, многие публикации обретают новое звучание в контексте целого номера, особое значение получают интертекстуальные связи внутри одного выпуска и, более широко, в пространстве всей информационной политики газеты.

«Независимая газета» определяет своей главной задачей не только пристальное внимание к общественно-политической ситуации в стране, но и постоянное обращение к вопросам культуры и искусства. Корреспонденты этого издания настаивают на неразрывной связи процессов, происходящих в обществе, с литературной жизнью.

Газету «Сегодня» отличает приверженность традиционным литературно-критическим формам и жанрам, весьма консервативным задачам управления читательским мнением и читательским вкусом, основательная и скрупулезная работа с произведениями современной литературы, которая была во многом призвана исправить ситуацию, когда «современную литературу предали»³⁶.

Журналисты, пишущие о литературе, и литературные критики, публикующиеся на страницах общественно-политических изданий, предпринимают попытки уйти от родившейся в первые пять лет после распада СССР и прогрессирующей во второй половине 1990-х одноуровневой культуры в сторону литературного многообразия. Эта высокая миссия пишущего о литературе реализуется, в первую очередь, через желание продемонстрировать читателю огромное значение русской культуры в мировом и национальном контекстах. Отсюда постоянное обращение к литературе и литературной классике – А.С. Пушкину, Н.В. Гоголю, Ф.М. Достоевскому, Л.Н. Толстому, А.П. Чехову;

³⁶ Немзер А. Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е. М.: Новое литературное обозрение. 1998. С.6.

желание определить системность и выявить среду, в которой великая литература формировалась и развивалась; постоянные сравнения эпох через констатацию социальной нестабильности и огромной роли литературы в регулировании главных общественных вопросов.

Ирина Роднянская спустя почти полтора десятилетия, резюмируя попытки литературной критики поддержать эволюционный путь развития культуры, так описывает период второй половины 1990-х: «Ситуация посттоталитарного "железного века", когда оказалось, что нельзя вернуться к прежнему и ухватиться за оборванный конец, "как будто ничего не произошло"»³⁷.

1.2. Инструменты формирования литературной культуры на газетной полосе

Новый текст, рожденный на стыке нескольких других текстов, – явная примета постмодернизма, – во второй половине 1990-х годов все еще определяет глубину и самобытность газетной литературной критики. Очень многие издания так или иначе обращаются к литературе как основному механизму формирования новых культурно-эстетических ценностей, чаще всего своей миссией они видят просвещение и избавление читателей от дурновкусия. Есть и совершенно иной подход к литературе – она становится простым объектом информационного сообщения в коммерческом издании. И эта ситуация совсем не нова в отечественном медиапространстве. Еще столетие назад М.Е. Салтыков-Щедрин «устанавливает прямую связь капитала и газетного заказа, когда профессия журналиста воспринимается как удачный бизнес»³⁸. В исследуемый период некоторые журналисты активно спекулируют на литературе: здесь и Пушкин – герой рекламы компании «Кока Кола», без него же невозможно представить часы

³⁷ Роднянская И. Пророки конца эона. Инволюционные модели культуры как актуальный симптом // Вопросы литературы. 2010. №1. С.5.

³⁸ Елина Е.Г. Щедринские типы в современной журналистике // От девятьсот двадцатых к двухтысячным. Литература, журналистика, литературная критика. Саратов, 2012. С.225

марки «Брегет», Евгений Онегин – модник для глянцевого издания, а Достоевский по совсем непонятному сближению рекламирует новую марку стационарных телефонных аппаратов и факсов. То есть литература как часть культурного пространства в таком случае не существует, она становится бытовым элементом общественной жизни: книга – это просто книга (издание, его тиражность, распространение), автор – просто автор (сколько премий и наград он уже получил, какое направление представляет), литературная премия – просто «тусовка» самых популярных писателей и артистов. Этому есть объяснение – «в литературе, создающейся в условиях активно развивающейся мультимедийной среды, коренным образом меняющей представление об искусстве, медийные тенденции влияют на весь этико-эстетический облик литературы»³⁹, т.е. гипертекстовая постмодернистская культура, позволяющая тексту безгранично проникать в текст, даёт журналистам возможность отвергать сакральность художественного произведения: «В иных случаях герой Пелевина контаминирует созданную им бесстыдно-зазывную рекламную продукцию с классической цитатой: “И дым отечества нам сладок и приятен. Парламент” (реклама сигарет); “Умом Россию не понять, в Россию можно только верить” (реклама водки “Smirnoff”). Так по воле автора, фраза из классического произведения наделяется амбивалентной сущностью. <...> И вот уже Гамлет рекламирует “Calvin Klein”, а Чехов – новую сеть магазинов»⁴⁰. Принимая во внимание еще одно неотъемлемое свойство постмодернизма в литературе – пародийную, высмеивающую природу текстов, можем заметить, что в ситуации принудительной девальвации наследия отечественной словесности участвуют обе стороны – и литераторы, и журналисты. Таким образом, нивелируется понятие литературной культуры, а литература оценивается в этом случае через призму исключительно ее

³⁹ Солдаткина Я. В. Медийные тенденции в русском литературном сознании XX XXI веков: к постановке проблемы / Солдаткина Я.В. // Современная словесность: актуальные тенденции в русской литературе и журналистике. М.: МПГУ. 2015. С. 140.

⁴⁰ Елина Е.Г. Цитата в современном художественном тексте (на материале романа В. Пелевина «Generation “П”») // От девятьсот двадцатых к двухтысячным. Литература, журналистика, литературная критика. Саратов, 2012. С.215

вещественной формы и становится объектом информационных заметок и рекламных объявлений, способом привлечения внимания (через броские и узнаваемые заголовки, включающие в себя элементы прецедентных литературных текстов⁴¹) в «Коммерсанте», «Известиях», «Российской газете», «Независимой газете» и др.

Кроме того, максимальное приближение классика отечественной словесности к современности является механизмом привлечения широкого внимания к актуальной современной проблеме. Имя Пушкина является универсальным инструментом, который журналисты используют, чтобы говорить о социальных вопросах. Рассмотрим статью «Огонька» «Эх вы, племя младое. Путешествие на родину Пушкина» Анны Сокольской. В ней автор совершает короткую экскурсию по району Москвы, где родился А.С. Пушкин. Бывшая Немецкая слобода находится в состоянии запустения: «Достаточно выйти из метро «Бауманская» и пройти по Бауманской (бывшей Немецкой) улице, сворачивая в переулки: Аптекарский, Посланников, Бригадирский, Денисовский. Если вы не провалитесь в водопроводный люк, не поскользнетесь на куче мусора и на голову вам не свалится кусок стены, можете увидеть много интересного»⁴². Обращаясь к чиновникам, автор удивляется: «Казалось бы, что мешает устроить здесь туристический рай? Масса Памятников: парк, дворцы, особняки. Весь район – памятник единственным в России осуществленным реформам Петра I. Говорят, что в мэрии принята программа создания к 200-летию со дня рождения Пушкина мемориальной зоны. Доживут ли остатки прежней красоты до начала работ или погибнут под грудой мусора»⁴³. Пафос этого высказывания формулируется простой мыслью – если даже имя А.С. Пушкина не может стать символом

⁴¹ Например: «Кричали школьницы «ура»...», «Праздник, который все-таки увезли с собой», «Сказка – ложь, да в ней намек» (газета «Коммерсант», 1996), «Все, Солнце русской поэзии накатило!» («Независимая газета», 1999), «Большой брат и теперь живет всех живых» (газета «Комсомольская правда», 1999)

⁴² Сокольская А. Эх вы, племя младое. Путешествие на родину Пушкина // Огонек. 1997. С.5

⁴³ Там же.

возрождения, в данном случае, части района, в котором прошли детские годы поэта, что тогда может решить насущную проблему.

На этом фоне в формировании литературной культуры особенное место занимают газета «Сегодня» и «Независимая газета». Среди рассматриваемых нами материалов литературные критики этих изданий наиболее изящно и эффективно работают с литературными темами: они изобретают новые способы и технологии работы с текстом, общения с читателем, им присуща особая тщательность в проработке тем, посвященных литературной жизни. Со своей серьезной и четко сформулированной общественной позицией журналисты этих периодических общественно-политических изданий не только утверждают великую мощь литературы, не только напоминают читателю об основополагающих именах русской национальной культуры и говорят, что стоит читать, а что – нет, они предлагают ему нечто принципиально новое для журналистики нового времени, а именно – качественный анализ литературного текста, тщательно проведенный газетным литературным критиком, означающий главенство художественно-образного, эстетического над бытовым и вещным в литературе.

Наиболее простым и привычным способом включения читателя в литературный процесс остается публикация рецензий на новые литературные произведения и дайджестов литературно-художественных общественно-политических журналов. Здесь главное место, несомненно, занимает Андрей Немзер, один из авторов отдела «Искусство» ежедневной деловой газеты «Сегодня». Он скрупулезно исследует, тщательно отбирает из огромного потока литературных и паралитературных новинок самые яркие (не всегда в положительном значении этого слова) и самые интересные примеры художественных произведений современной отечественной словесности и презентует их широкому читателю. Публикуя рецензии на новые книги, А. Немзер использует два основных способа их презентации: первый – короткая рецензия с емким и, чаще всего, едким комментарием в авторской рубрике «Крок» в отделе «Искусство». Здесь он, выступая под псевдонимом Крок Адилов,

представляет обычно три-четыре книги, не объединенные ни общей темой, ни направлением, ни художественным методом, а только примерно одинаковым временем выхода в свет. Например, в указанной рецензии под общим названием «Филологические сочинения» Немзер представляет книгу А. К. Жолковского и М.Б. Ямпольского «Бабель» и собрание переведенных «Дневников и писем сестры Пушкина». Представляя их как «очень своевременную книгу»⁴⁴ (о «Бабеле») и «любопытные штрихи семейных отношений и колоритные детали петербургского и варшавского житья»⁴⁵ (о «Дневниках...»), Андрей Немзер с явным намерением заинтересовать читателя в вышедших книгах, пишет о небольших изъянах, которые в них нашел, раскрыл и теперь показывает читателю, чтобы тот в свою очередь еще более внимательно всмотрелся в них и постарался с азартом найти еще что-нибудь интересное и неожиданное для себя.

Второй способ – это полновесная рецензия на наиболее значимую и любопытную, совсем недавно вышедшую книгу. Так, обращаясь к семитомнику произведений Марины Цветаевой или к публикации в «Знамени» нового романа Чингиза Айтматова «Тавро Кассандры», Немзер не добавляет ничего нового к жанру рецензии и также убедительно и точно, скрупулезно и эмоционально разбирает книгу за книгой, роман за романом, предоставляя читателю не столько право выбора, сколько безупречный список той литературы, которую читать надо, то есть происходит своеобразное управление читательскими литературными вкусами. Кроме Андрея Немзера, в газете «Сегодня» подобными способами пользуются Борис Кузьминский и Вячеслав Курицын. В более упрощенном, сжатом виде в газете «Коммерсант» – Татьяна Щербина, Екатерина Деготь, Михаил Новиков, в «Общей газете» – Мария Ремизова и многие другие газетные литературные критики.

Уникальную позицию занимает журнал «Огонек». Здесь публикуются исторические документы, связанные с литературой, фрагменты из дневников писателей разных эпох, фрагменты переписки. Все эти формы материалов о

⁴⁴ Адилов Крок Очень своевременная книга // Сегодня. 1996. № 19. С.9

⁴⁵ Там же.

литературной жизни открывают перед читателем образ реального писателя в бытовом жизненном контексте.

В «Огоньке» публикуются письма С. Довлатова к Юлии Губаревой. Журнал уведомляет: «Публикуя частные письма Сергея Довлатова, мы не стремимся привлечь внимание читателя к каким-то пикантным моментам его биографии. Довлатов – пожалуй, единственный сегодня современный писатель, прочно возведенный самими читателями в ранг классика. А про классика интересно знать все»⁴⁶. В этом вступлении сформулирована очень важная позиция журнала – публиковать о литературе все то, что будет интересно его потенциальному читателю. Поскольку сам журнал ориентирован на очень широкую аудиторию, то здесь на соседних полосах, в близких номерах встречаются имена Виктории Токаревой, Виктора Пелевина, Доценко, Довлатова, Пушкина, Бродского и многих других прозаиков и поэтов, чья литературная деятельность широко востребована читателем.

В переписке Довлатова с Юлией Губаревой читатель находит имена В. Аксенова, В. Войновича и И. Бродского, которого Довлатов навещает после операции на сердце: «Вот вы тут болеете и зря. А Евтушенко между тем выступает против колхозов. ... Бродский еле слышно ответил: - Если он против, я – за»⁴⁷. В «Огоньке» опубликованы 6 писем Довлатова с 1988 по 1989 годы. В них он представляет общую картину русской литературной эмиграции в Нью-Йорке: отсутствие денег, плохие продажи русских книг, при этом большое количество советских граждан вокруг. Представляя жизнь писателей, он со свойственной ему иронией сообщает о бытовых моментах жизни писателей за границей: поиски дома, курьезные случаи, связанные с незнанием языка, анекдоты о жизни его коллег по перу. В письме от 26 сентября 1989 года он пишет: «Здесь Женя Рейн, дня за три до него прилетел Толя Найман, 1 октября прилетает Кушнер, из Калифорнии на похороны Генки Шмакова явилась Ася Пекуровская, Бродский по тому же грустному поводу (Шмаков умер от СПИДа) вернулся из Лондона, в

⁴⁶ [Б.п.] Письма Довлатова // Огонек. 1997. № 22. С.42.

⁴⁷ Там же. С. 43.

общем – сошлась вся улица Рубинштейна»⁴⁸. Публицистическая легкость, откровенность и искренность, свойственная жанру письма, деликатная раскрепощенность и самоирония создают образ русской писательской эмиграции последней четверти XX века. В это же время публикуются и материалы, подтверждающие стремление писателей эмиграции вернуться на родину, в свою страну⁴⁹.

Писатель на страницах журнала «Огонек» воспринимается как лицо абсолютно реальное. Демифологизация особенностей жизни писателей, их элитарности происходит путем раскрытия фактов их бытовой жизни. Здесь и Виктория Токарева, рекомендующая рецепт домашних оладий, и Сергей Довлатов, в переписке представляющий бытовые факты обыденной жизни. К инструментам демифологизации также относятся и публикация личных фотографий писателей, обращение внимания на его семью, жену, детей и т.д.

Несколько иначе работают с читателем и формой литературной публикации журналисты «Независимой газеты». От системы управления читательским вкусом «НГ» переходит к его формированию путем погружения читателя в собственно литературный процесс. В ежедневных публикациях на седьмой полосе, на которой расположена рубрика «Культура», в подрубриках «Другие берега» и «Кафедра», критики и литературоведы подробно разбирают классическую и современную литературу. В первом январском номере за 1996 год филолог Александр Пятигорский публикует развернутую статью – эссе «О постмодернизме. Как написать историю настоящего». Эссе представляет собой авторское размышление над литературным явлением постмодернизма, о влиянии его на национальную и мировую культуру, о его потенциале и возможностях. «Когда этот момент, во многом исторически определивший модернизм прошел, то оставалось придумать название для того, что осталось, для самих себя, оставшихся без марксизма, без коммунизма, без Сталина, без Мао, без Сартра и

⁴⁸ Там же. С.46.

⁴⁹ Войнович И. В Москву, в Москву – с любовью // Огонек. 1997. № 21. С. 34-35.

Альтюссера. Оно было придумано: постмодернизм»⁵⁰. Автор таким образом выражает свою позицию по отношению к литературному явлению. Упоминание фамилий, к которым обращается Александр Пятигорский, в данном случае не только несет образовательную функцию, но и является механизмом, определяющим круг читателей, близких автору по культурным и идейным параметрам: читатель «Независимой газеты», скорее всего, знает каждого исторического и литературного персонажа из перечисленных автором. В статье упоминаются, кроме указанных, имена Лиотара, Бодрияра, Гирша, Кери, Дюма и т.д. Автору важны эти фамилии как символ разрушенного представления о стройности и стойкости тоталитарной идеи всеобщего равенства и братства, через них он показывает основную проблему российского и мирового сообщества – крушение идеалов, разрушение всего бытового уклада каждого члена любого общества, подвергшегося социалистической или коммунистической реструктуризации. Социальная проблема, явившаяся катализатором радикальных изменений в литературной среде, выдвинутая Пятигорским на первый план в данной статье, является лучшим доказательством тесного контакта литературы и общества, контакта, в который сегодня отказываются верить и закрывают глаза на серьезные социально-литературные проблемы. Александр Пятигорский – философ, филолог, один из основателей Тартуско-московской семиотической школы – обращается к общественности со страниц печатного СМИ. Смысл его материала заключается не в научном разыскании по поводу литературного вопроса, а в переложении результатов исследования на общесоциальную почву, рассмотрение общества через призму литературы. Этот способ интерпретации действительности и рассказ широкой аудитории о результатах научного поиска становится для ученого-филолога и философа одной из основных объективно значимых задач. Собственно вся серьезная научная работа имеет одной из основополагающих целей выход к читателю. Периодическое общественно-

⁵⁰ Пятигорский А. О постмодернизме. Как написать историю происходящего // Независимая газета. 1996. №1. С.5.

политическое издание, в данном случае «Независимая газета», дает автору такую возможность.

Восьмая полоса издания также имеет непосредственное отношение к литературной жизни. Здесь в рубрике «Стиль жизни» многие авторы печатают свои публицистические произведения. В том же номере от 5 января читатель находит очерк Мэнора Стуруа «Вошь как символ эгалите». Автор публикации использует имя известного советского писателя Льва Кассиля, приводя цитату из его «Кондуита и Швамбрании»: «Точка и ша. Уничтожим вша» – в качестве объяснения восприятия юным Стуруа в школьные годы вшей как символа низкого классового происхождения: «Я верил, как в дедушку Ленина, в то, что вши – субстанция классовая. Вши заводятся у бедняков, которых эксплуатируют богатые»⁵¹. В рассуждении журналиста мы не находим более ни одной ссылки на упомянутое литературное произведение, но цитата в самом начале статьи имеет очень важный смысл для восприятия всего материала. Умозаключение о детском впечатлении по поводу классового неравенства и взаимосвязи его с насекомыми так и осталось бы умозаключением, не приведи автор статьи в подкрепление к нему цитату из классического детского литературного произведения. Цитата тем более важна, что она подчеркивает суть воспитания Стуруа-ребенка. Позже это восприятие, построенное во многом на социалистическом представлении о классовом равенстве, будет разрушено профессором истории Эпштейном, утвердившем в Стуруа-студенте представление о том, что вошь – не символ неравенства, а наоборот – равенства.

Здесь же, на восьмой полосе, с разной регулярностью публикуются обзоры недавно вышедших книг. Они очень похожи на обзоры Андрея Немзера в рубрике «Крок» газеты «Сегодня». Автор рубрики «Книготорговля» в «НГ» Александр Панов разбирает несколько новых изданий. В первом номере от 5 января 1996 года, к примеру, колумнист рассказывает читателю о новинках: «Выражение и смысл» Валерия Подороги, «Избранная проза» Джека Керуака, «Кэрель» Жана

⁵¹ Стуруа М. Вошь как символ эгалите // Независимая газета. 1997. № 12. С.5

Жене и «Разговоры с Вячеславом Ивановым» Моисея Альтмана. Форма подачи материала близка к литературно-критическому жанру рецензии, однако недостаток места на полосе не позволяет Панову развернуть в полной мере свой литературно-критический талант. «Умиротворенному после сладостных празднеств читателю предлагаем сразу окунуться в соляную кислоту сегодняшних книжных новинок, специально и, надеемся, со вкусом подобранных вашим рецензентом. Чтобы интеллектуальная жизнь медом не казалась»⁵². Автор в своем критическом монологе подбирает яркие иронические метафоры, саркастически высказываясь о литературном процессе, издательствах и авторах. Сказуемые и обращения, используемые Пановым, не могут оставить статью без внимания читателя. «Фонит, господа! – повторяет рецензент, – так вот, герои нашего обзора этим самым измерением обладают тоже. Выбиваются, подрывают и фонят»⁵³.

Автор рецензии тщательно подбирает разговорные, просторечные и устаревшие слова для определения вектора развития литературного процесса, среди них – «тиснул», «окромя» и прочие.

Особое место в системе межтекстовых взаимоотношений на газетной полосе занимают литературные материалы, появляющиеся в колонке «Мизантропия», ведущий колонки – вымышленный персонаж Титус Советологов. От номера к номеру он хаотично меняет свое порядковое число – в номере от 6 января он 12-й, а в газете от 10 января – 3-й. Всего Титусов Советологовых в «Независимой газете» с 1996 по 1998 годы было 52. Под псевдонимом скрывались фельетонисты «Независимой газеты», публикующие едкие, сатирические, близкие к жанру фельетона материалы, обладающие неоспоримой ценностью как для газеты в частности, так и для всей структуры общественно-политической журналистики того времени в целом. Связано это не только с положением в газете – колонка выходит ежедневно на первой полосе сразу под заголовочным блоком,

⁵² Панов А. Индивидуальное коммуникативное измерение // Независимая газета. 1996. № 1. С. 8.

⁵³ Там же.

а не в подвале, как это обычно бывает в газетах «Известия» или «Коммерсантъ», но и с тем, что в популярных общественно-политических изданиях указанного периода жанр фельетона встречается крайне редко. Эмоциональный стиль и тонкая игра слов, точно выраженная литературная позиция автора фельетона «Страна Лимония. Рождественские подарки о Юрия (Черниченко) российскому народу» (книга является очередным сводом популярных объяснений сути Евангелия и Православной веры, раздаваемых бесплатно с киоска, продающего копченых кур) возвращают читателю забытый жанр. Материал, подписанный Титусом Советологовым 12-м, вышел из-под пера заместителя главного редактора «Независимой газеты» и главного редактора книжного приложения «Ex libris» Игоря Зотова. «Закончить чтение рассчитываю в сочельник. И предвижу: раскроются перед нами эдемские кущи, войдем мы туда все (т.е. домашние мои) без остатка. А там кур копченых видимо-невидимо и Педигри Пала немерено! Я, кстати, всегда понимал, что в четырех Евангелиях есть некоторая незавершенность, ввиду четности их числа. Не хватало точки опоры. Пятого угла. О. Юрий (Черниченко) дал нам его. Бесплатно. Под Рождество. Божественный подарок»⁵⁴. Характерный для фельетона рубленый стиль написания и небольшой объем материала привлекают внимание читателя, приступающего к прочтению «Независимой газеты» от 6 января 1996 года.

Использование псевдонимов в истории новой российской журналистики является фактом общепринятым. Большинство журналистов публикуют свои материалы под вымышленными именами. Например, в газете «Сегодня» Андрей Немзер использует для своей рубрики коротких рецензий «Крок» псевдоним Крок Адилов. Фельетоны в «Независимой газете» намеренно подписываются парадоксальными именами, структурой своей напоминающими наименование римских патрициев. При этом чаще всего подобные статьи носят автобиографический характер, имеют непосредственное отношение ко дню

⁵⁴ Титус Советологов 12-й. Страна Лимония. Рождественские подарки о Юрия (Черниченко) российскому народу // Независимая газета. 1996. № 2. С. 1.

сегодняшнему, актуальны и не имеют отношения к историческим событиям античности. Такого рода изначальное противоречие имени автора и содержания фельетона усиливает его эмоциональную нагрузку, интенсивнее влияет на читателя, концентрирует его внимание и заставляет сосредоточеннее относиться к материалу. Эффект усиливается еще и благодаря порядковому числу, приписываемому к имени. Создается ощущение некоторой мистификации самого материала.

В отечественной общественно-политической периодике 1990-х годов одним из важнейших вопросов функционирования общества, рассматриваемых через призму литературной жизни, является недостаточная оценка классической, преимущественно русской, литературы XIX века. Авторы публикаций выносят на обсуждение незамеченные или не до конца исследованные философские и культурно-эстетические категории классиков XIX века.

Одним из примеров может послужить исследование Игоря Зотова в «Независимой газете» в статье «Современный бобок»: «Состояние неосознанной, точнее – принципиально непознаваемой, но полнейшей бессмыслицы (хотя, отнюдь, не напыщенного "абсурда") бытия на пороге, на самой кромке порога перед обвалом в небытие. Если учесть, что мы внезапно смертны, то категория "бобок" приобретает окончательную всеобщность. Впрочем, о чем говорить, когда ни один, даже самый полный словарь русского языка не содержит этого понятия. И знаменитый словарь языкового расширения Александра Солженицына тоже. А зря»⁵⁵. С одной стороны, автором подчеркиваются тонкости особенной русской душевной организации, он не напрасно упоминает имя Ф.М. Достоевского. Зотов находит в его системе важнейших человеческих характеристик одну, «недообследованную» литературоведами, а именно – «бобок». И находит он её неслучайно, дело в том, что во второй половине 1990-х годов в отечественных литературных и

⁵⁵ Зотов И. Современный бобок // Независимая газета. 1997. № 117. С.7.

общественно-политических периодических изданиях наблюдается уникальная тенденция поиска новых категорий путем пересмотра уже устоявшихся оценок классических произведений и авторов. Этот поиск образует серьезный контекст, последний, пожалуй, в русле развития массового литературоведения в печати.

В журналах, естественно, процесс искания вех самоопределения выходит совсем на другой уровень – многочисленные работы критического толка, рецензии, очерки, исследования, оправленные в систему непрерывно развивающегося творческого литературного процесса новой России, предлагают полную системную картину литературной жизни изучаемого периода. В общественно-политических изданиях контекст функционирования материалов о литературной жизни совсем иной – материалы, в основном, политического толка, обнимающие своей сухостью и сугубой информативностью статьи на тему литературы, связывающие их не столько с литературным процессом вообще, а с социальными взаимоотношениями внутри страны, внутри нации. И в этом случае культура, к которой, без сомнения, относится литература, выступает не в качестве среды, в которой можно свободно говорить о литературе, а как один из механизмов развития общества. Авторы литературных материалов на страницах общественно-политических изданий имеют дело с категорией культурного наследия, которое они не подвергают подробному анализу, а вписывают его в современный социальный контекст. Важным оказывается не доскональное обследование текста с детальным рассмотрением его элементов, а поиск ответа на вопрос – что будет дальше? Отчасти и поэтому так сухо и коротко в небольших литературных рубриках рецензенты публикуют крохотные отзывы о современной литературе, о современных писателях, низводя их до уровня бестолкового читателя.

Открытое презрение к современному литературному процессу в газетах является одним из знаковых показателей исследуемого периода. Весь пафос, сопровождающий богемную жизнь в области литературы, неприятен авторам

общественно-политических изданий. «Независимая газета» в этой ситуации настроена достаточно агрессивно. О презентации первого тома «Всемирной литературной коллекции» в репортаже «Вам, новые русские», автор, скрывшийся за псевдонимом Ю.М., с некоторым возмущением и сарказмом замечает, что цены на данные книги несоизмеримо высоки – один экземпляр предполагается продавать за 300 долларов США. Он замечает, что вообще подобного рода затея – одна из возможностей использовать литературу в качестве украшения нуворишей, поскольку в данном издании предполагается 20 серий по 10 книг в каждой, а значит, покупка полной «Всемирной литературной коллекции» обойдется читателю весьма дорого, попросту обычному читателю – не по карману. Таким образом, материал о литературной жизни очень плавно переходит в плоскость социальную – здесь автор пишет и о заметном расслоении общества, о серьезном разрыве между этими слоями и о том, чем становится литература, современная и классическая, в новое время.

Такого рода переходы естественным образом отодвигают публикации о литературной жизни от основательного, вдумчивого анализа и приближают их к массовому читателю, на которого и рассчитано то или иное издание общественно-политического толка.

Однако при всей разнице между массовым газетным чтением о литературе и развернутыми критическими статьями, обзорами, вдумчивыми рецензиями в толстых журналах существует одно соединяющее их звено. Это стремление отразить и проанализировать литературный процесс.

Процесс перехода критики из толстых журналов на страницы более оперативных общественно-политических газет сопряжен с большими трудностями, в первую очередь, экзистенциального характера. Литературный критик должен изменить свой стиль, адаптировать свою писательскую манеру под формат издания и под запросы читателей. Портрет аудитории газетной периодики принципиально отличается от того, на который привыкли обращать внимание авторы толстых журналов: «В литературном издании критик, по

замыслу, пишет для тех, кто сам уже прочитал некий текст и теперь интересуется мнением профессионала, а в обычной газете его задача иная – побудить читателя взять хотя бы в руки журнал или книгу и поинтересоваться»⁵⁶.

Огромное влияние на изменение стиля критика оказывает и быстро меняющаяся окружающая действительность, главным образом – запросы рынка и новые читательские интересы. Об этом говорит Дмитрий Ольшанский: «Существует, с социологической точки зрения, некий круг авторов, в особенности это касается прозы, которые не могут не быть замечены. Их обязательно нужно отразить, дать рецензии. Таких авторов не так много <...> Даже если, допустим, я не очень люблю Сорокина, для меня невозможна ситуация, что я о нем не напишу»⁵⁷. При этом существует так называемая нишевая, личностная литературная критика в газете, субъективно формирующая читательский вкус, но не направленная на формирование литературного пространства, не определяющая основной вектор развития литературного процесса: «Кроме статусных, как это модно теперь говорить, имен, все остальное, что я отбираю для рецензий – плоды моих личных наблюдений, моего личного вкуса, моих разысканий в книжных лавках»⁵⁸.

Одним из главных мотивов литературно-критического высказывания в газете становится мотив комфортного чтения, который объясняет современный процесс общения читателя с произведением: «Книга читается залпом – в метро, на диване, в сортире, на лекции – словом, из тех, которую листаешь, проверяя, сколько страниц осталось – в надежде "на большее"»⁵⁹.

В данном случае основная форма рецензии – описательность: «Нынешнюю книжку открывает московская повесть "На Нижней Масловке"

⁵⁶ Иваницкая Е. Поиски замерзшего сироты. Литературное время в зеркале газетной критики. Круглый стол // Дружба народов. 2001. № 6. С. 65.

⁵⁷ Ольшанский Д. Поиски замерзшего сироты. Литературное время в зеркале газетной критики. Круглый стол // Дружба народов. 2001. № 6. С. 65.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Шульпяков Г. Небесный конвой // НГ Ex libris. 1998. № 2. С. 2.

<...> Автор забрасывает нас в сорок градусов по Цельсию Израильской эмиграции <...> Из Израиля – далее – мы попадаем в Ташкент <...> Далее следует рассказ "Один интеллигент уселся на дороге" <...> Завершает книгу рассказ "Яблоки из сада Шлицбутера"⁶⁰. Автор статьи использует прием последовательного перечисления событий в книге, тем более, что рецензируемый объект – сборник рассказов и повестей Дины Рубиной. Благодаря этому приему у читателя рождается ощущение динамики, он начинает наблюдать за сменяющимися мотивами книги (именно за ним он привык наблюдать вообще в СМИ). Несмотря на то, что «НГ Ex Libris» является литературным приложением к «Независимой газете», оно поддерживает динамику основного общественно-политического издания, настраиваясь с читателем на один общий лад, входя с ним в единый темп чтения и восприятия написанного текста.

Однако факт опубликования рецензии здесь, на страницах специального приложения, утверждающего основной своей задачей разговор о литературе, позволяет автору распространить сведения о рецензируемом писателе, попытаться ввести его в контекст: «Дина Рубина дебютировала в "Юности" (оба смысла уместны), когда на дворе стояли 1970-е. Позже ее повести и рассказы печатались во "взрослых" журналах»⁶¹. В этом представлении есть обращение к неискушенному читателю, еще не знакомому с автором. И вслед за этим простым представлением Г. Шульпяков добавляет: « <...>термин "семидесятники" говорит скорее о количестве оных, чем собственно о времени. Дина Рубина – при наличии традиционного полулиберального реквизита "интеллигенции" – той самой "интеллигентности" избегает»⁶². У читателя, который впервые берет в руки приложение «НГ Ex libris», несомненно возникает вопрос – кто такие семидесятники и что имеет в виду автор под понятием «полулиберальный реквизит»? Шульпяков на этот вопрос

⁶⁰ Шульпяков Г. Небесный конвой // НГ Ex libris. 1998. № 2. С. 2.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

не отвечает, но говорит, чем Рубина выделяется, как ей удастся избежать этого «клейма» интеллигентности: «<...> она может позволить себе смеяться над другими только после того, как посмеялась над собой и рассказала, как смеялись над ней»⁶³. Таким образом, оценочное суждение о полулиберальных интеллигентах с их особенным «реквизитом» выстраивается на основе противопоставления – значит, они могут смеяться над другими, осуждая и не принимая шуток в свой адрес, отрицая саму возможность смеяться над их жизнью. Этот второй пласт простого, казалось бы, разговора о литературных группах и организациях семидесятников напрямую связан с литературной ситуацией второй половины девяностых годов, когда продолжается борьба либералов и консерваторов в пространстве литературного процесса. Для Шульпякова, однако, важной характеристикой семидесятников, к которым он причисляет, хоть и с большими поправками на особый метод самопознания, Дину Рубину, является мотив исхода, мотив побега и мотив возвращения.

Он замечает его и определяет через сравнение с гомеровской «Одиссеей», формирует особенный строй своей рецензии, с первых строк обозначая этот мотив: «ЭТА КНИЖЕЧКА – эквивалент "Одиссеи": спустя, как известно, десятки веков. Итак играет здесь наша столица, за Трою, Цирцею – Ташкент и Израиль. В роли Одиссея – сама героиня»⁶⁴. Мотив возвращения Глеб Шульпяков находит не напрямую в тексте, а в гипертекстовом пространстве (тем более, что речь в рецензии идет о сборнике рассказов и повестей): «Героиня становится – дорастает – до автора, и самоидентификация подобного рода – еще одна метафора возвращения»⁶⁵. Завершая рецензию, автор делает вывод: «Говоря высоким слогом, трагедия жизни под конвоем ангела Рубиной в том, что она продолжается»⁶⁶.

⁶³ Шульпяков Г. Небесный конвой // НГ Ex libris. 1998. № 2. С. 2.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

Образ Одиссея, стремящегося домой через все испытания, назначенные волею прогневанного Посейдона, мучимого и страдающего путешественника, разработанный ярче всего в «Итаке» Кавафиса, позднее – используемый Джойсом в «Улиссе», приобретает здесь новые черты: подчеркивает особенную судьбу семидесятников. Меняется осознание пути – от философского приятия дороги, как главного смысла жизни:

Когда задумаешь отправиться к Итаке,
 молись, чтобы долгим оказался путь,
 путь приключений, путь чудес и знаний <...>⁶⁷,
 до трагедии жизни, заключающейся в том, что она продолжается.

Это – третий, очень мощный философский слой литературно-критического высказывания Шульпякова. Его открывает читатель, обладающий достаточным багажом литературных знаний, знакомый с мировым литературным процессом.

При этом стоит отметить, что даже самый первый уровень, который считывается при беглом обращении к рецензии, несет значительную просветительскую функцию – знакомство читателя с автором, со сборником. И здесь же – обещание легкого, захватывающего чтения: «книга читается залпом»⁶⁸. Другие же, более сложные, скрытые слои не являются необходимой надстройкой над базовым. Они находятся в равноправных отношениях друг с другом, располагаются автором так, будто он надеется на удачу – на встречу с глубоким и рассудительным читателем, которого, впрочем, никак не выделяет и обращается к нему так же свободно и без ироничной «интеллигентности», как и к простому, рядовому потребителю информации, пришедшему на страницы приложения с абсолютно дилетантским интересом к литературе.

Некоторые публикации приложения «НГ Ex Libris» и основной «Независимой газеты» совпадают. Публикация «Скорее мертв, чем жив. Еще раз о феномене Дмитрия Галковского» Игоря Чубарова вышла 22 января 1998

⁶⁷ Кавафис К. Итака. Полное собрание стихотворений. М.: ОГИ, 2011. С. 325.

⁶⁸ Шульпяков Г. Небесный конвой // НГ Ex libris. 1998. №2. С. 2.

года одновременно в обоих изданиях. Публикация начинается со слов: «Существует легенда, что Дмитрий Галковский – это инкарнация Василия Розанова и Владимира Набокова в современной русской литературе»⁶⁹. Автор статьи рассматривает феномен «тенденциозного литературного критика и культуролога – редукциониста». Социально-философские рассуждения Чубарова по поводу «Бесконечного тупика» Галковского представляют собой его абстрактно нарисованный портрет на фоне литературного процесса второй половины 1990-х годов. В качестве примеров культурного контекста автор публикации избирает имена Дмитрия Пригова, Владимира Сорокина, Виктора Ерофеева и Венедикта Ерофеева. Он объясняет свой выбор отнесенностью этих литературных деятелей к постмодернистской традиции с её псевдоризоматической организацией текста.

Рецензия на книгу Дмитрия Галковского представляет собой нескончаемый поток иронических высказываний, встраиваемых критиком в систему постмодернистского дискурса: «Галковскому удалось выбить место в переполненной усыпальнице русской литературы, ибо русский язык и есть тот главный тупик, блуждать по бесконечным коридорам которого так мастерски умеет Д.Г.»⁷⁰. Чубаров пытается пересместить пародийную постмодернистскую культуру, использует грубые физиологические сравнения, постоянно иронизирует. Воспринимая автора «Большого тупика» как яркого, но краткосрочного персонажа в современном литературном процессе, Чубаров замечает: «Драма писательской стратегии Галковского состоит в ее принципиальной исторической конечности, ибо любой исторический интерес, вне зависимости от качества его удовлетворения, имеет тенденцию к затуханию»⁷¹.

Посредством иронического эпатажа, использования грубых слов, сложных конструкций и похожего на рецензируемый объект стиля

⁶⁹ Чубаров И. ...Скорее мертв, чем жив // Независимая газета. 1998. № 8. С.8.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

повествования Игорь Чубаров попадает в область специфических философских рассуждений о литературе и литературном процессе. Его едкие, очень острые суждения и оценки при этом оказываются вещью в себе. Читатель «Независимой газеты» здесь вряд ли уловит тонкости игры слов и форм, которые избирает Чубаров. В первых абзацах автором статьи употребляются такие понятия, как «тенденциозная литературная критика», «редукционистская культурология», «псевдоризоматическая организация текста», «нерелевантность» и т.д. Их использование, с одной стороны, поддерживает идею о персмешнической природе рецензии, они фокусируют внимание на серьезной иронии и усиливают саркастический потенциал статьи, но при этом разрушают систему целостного восприятия текста.

В процессе игры со словами, с текстами, именами прозаиков и поэтов Чубаров уходит от своего читателя: «Галковский – великий освободитель современных интеллектуалов от тяжелого мифологического наследия русской культуры. Вернее было бы сказать, что он перистальный орган на ее теле <...> Любят его русофилы и семиты, и шестидесятники, и восьмидесятники. И, пожалуй, только акультурные изуверы <...> могут не признавать большой литературный талант Галковского и его тонкий ум, но и они (по ночам) обращаются к избранным страницам "Тупика"»⁷². Массовый читатель «Независимой газеты» начинает понимать саркастический задор автора публикации, глубину и объективность язвительных строк Чубарова только во второй половине публикации, когда последний объясняет свое негодование по поводу вышедшей книги: «Правда, исторические познания автора «БТ» ограничиваются пределами его богатой домашней библиотеки, слабым местом которой является западная, и особенно современная, литература. <...> Зато Д.Г. может похвастаться сквозным знанием 55-томного собрания сочинений Ленина, 16-томной "Еврейской энциклопедии" <...>»⁷³. Доступное по уровню сравнения и оценки культурного багажа знаний исследуемого автора

⁷² Чубаров И. ...Скорее мертв, чем жив // Независимая газета. 1998. № 8. С. 8.

⁷³ Там же.

высказывание возвращает Чубарову читателя, успевшего засомневаться в собственной компетентности. Здесь критик переходит на понятный широкой аудитории язык, оперирует элементарными терминами, при этом не отказывается от иронии. Он переводит её из плоскости основательного филологического анекдота в область обычной шутки. Говоря о способе написания «Бесконечного тупика», Чубаров замечает: «Помянутый способ достаточно радикален и брутален и состоит в написании нецензурных выражений на предварительно самим же литературным хулиганом изваянном культурном памятнике. Безусловно, это более достойное занятие, чем охранять и почитать уже существующие монументы»⁷⁴.

Для читателя эта часть публикации становится ключом, позволяющим раскрыть содержание критической статьи Чубарова. Не раз упоминая в сравнении имена Пригова, Сорокина, Ерофеева и других, говоря об отличии текстов Галковского от писательских талантов упомянутых постмодернистов, критик раскрывает свое отношение к литературе, активно популяризовавшейся в современный ему период. Подборка грубых физиологических высказываний, излишне натуралистичных реплик Чубарова распространяется на всех писателей, причисляющих себя к цеху постмодернистов, концептуалистов, иронично переосмысляющих классическую традицию русской словесности.

Чубаров разрабатывает свое видение литературного процесса на разных уровнях, обращается не только к профессиональному, подкованному, но и к обычному читателю, дилетанту. При этом ставку делает все же на первую категорию, начиная публикацию со сложных форм, специальных терминов и очень тонкой словесной игры. На обоих уровнях публикации автор не снижает саркастического пафоса высказывания, активно использует полемический потенциал рецензии, высказывается свободно и язвительно, местами злобно, вызывает, иногда грубо и непристойно, своих оппонентов на вербальную

⁷⁴ Там же.

дуэль по актуальному вопросу современной ему литературной действительности. У исследователя возникает вопрос – для чего автор статьи начинает диалог именно с профессиональным читателем, в большей степени имеющим отношение к цеху критиков и исследователей современной литературы? В контексте литературной ситуации исследуемого периода это, скорее всего, происходит из-за навязчивого, стойкого желания вписать свое имя в список успешных, талантливых литературных журналистов, доказать, что и газетная критика является мощным инструментом влияния на общество. При этом автор помнит, что формирование вкуса, просвещение, призыв к конструктивному, серьезному диалогу на сломе генеральных идеологических парадигм есть одна из важнейших миссий газетного критика.

1.3. Просвещение и развлечение в материалах о литературе

Публикации о литературной жизни в общественно-политических изданиях второй половины 1990-х годов носят ярко выраженный просветительский характер, при этом они обладают и чертами развлекательной журналистики. Авторами таких публикаций выступают известные издатели, писатели-беллетристы, культурологи и поэты. В жанрах эссе, заметки или очерка они публикуют работы, основывающиеся на литературных фактах, но ход рассуждения в публикации выходит за рамки простой их констатации или описания того или иного литературного события.

Большинство публикаций подобного рода представляют собой беллетристические очерки, основанные на фактах истории русской литературы. Статьи, о которых идет речь, обладают устойчивыми признаками просветительских публикаций: направлены на открытие новых имен в литературе, рассмотрение особенностей исторического литературного процесса, размышления на тему связей литературы и общественной ситуации. К просветительской функции статей о литературе в газетах и общественно-политических журналах во второй половине 1990-х годов добавляется

развлекательная. Игра с читателем становится необходимым элементом текста, удерживающим его внимание и интерес к литературным публикациям в системе оперативных, динамично сменяющих себя информационных и аналитических публикаций.

Так, в № 183 от 30.09.1997 г. писатель-беллетрист и издатель Светлана Магидсон публикует статью «Приключения "Опасного соседа". Как обрусевший немец дал жизнь поэме Василия Пушкина». Материал представляет собой многоплановое беллетристическое произведение, с одной стороны, посвященное персоне издателя, академика, военного Павла Шилинга фон Конштадта, с другой – описывающее важную часть литературной жизни конца XVII – первой половины XIX века в России – кружки, литературные салоны, их борьбу и противостояние: «Но в аристократическом доме, о котором мы говорим, выковывались и гуманные идеи нового века, а иногда слышались и литературные отзвуки далеких, но лучших эпох. Когда сходились вместе "староверы", объединенные в "Беседе любителей российской словесности", и "новое племя" друзей смелых муз "Арзамас", шли настоящие словесные баталии. Так, старый моряк, величавый седой адмирал Шишков, президент Российской академии, этот яростный защитник древних правил российской словесности, ненавидел нового историка и "романтического поэта" Карамзина, заботившегося об обновлении русского языка, о новых правилах русского стихотворения. Как они умопомрачительно спорили, когда сходились в доме братьев Тургеневых в Петербурге или в Москве, на Маросейке... Ах, как весело высмеивали арзамасцы президента академии»⁷⁵.

История героя начинается с рассказа о рисунке, появившемся в альбоме сестер Ушаковых, автором которого был А.С. Пушкин. В статье автор размышляет о связи с литературой видного военного деятеля, проложившего подводную линию электромагнитного телеграфа между Санкт-Петербургом и Кронштадтом, внедрившего в России литографию. Описывая историю гения

⁷⁵ Магидсон С. Приключения «Соседа». Как обрусевший немец дал жизнь поэме Василия Пушкина // Независимая газета. 1997. № 183. С.8.

первой четверти XIX века, Светлана Магидсон обращает особенное внимание на влияние П. Шиллинга фон Конштадта, которое он оказал на развитие литературной жизни всего XIX века. Несмотря на свой титул военного, он активно участвовал в литературной жизни начала XIX века, будучи членом-корреспондентом Петербургской академии наук (по разделу литературы и древности): «Шиллинг, остроумный и дерзкий, решил не только показать во всем блеске свою первую литографическую работу, но и весело посрамить несговорчивых сановников. Поэтому его выбор предмета литографирования и пал на "Опасного соседа" Василия Пушкина. В то время поэма не могла быть пропущена цензурой, но все же остроумная, написанная, по выражению поэта Батюшкова, "сильными стихами" она разошлась по России в тысячах рукописных списков»⁷⁶.

Представление историко-литературного факта в виде самостоятельного литературного произведения, в данном случае исторического очерка, переводит саму суть высказывания на принципиально иной уровень. Действительные факты изложены игриво, свежо, оригинально, при этом читатель вступает в диалог не только с исследователем истории, с текстологом, но и с писателем, который за маской беллетриста скрывает исследовательскую натуру. Нельзя сказать, что подобного рода заигрывание с читателем воспроизводится только для того, чтобы привлечь его: на наш взгляд, автор преследует иную цель – просто и доступно разъяснить аудитории исторические, далекие от массового сознания факты, значимые для общего развития вопросы.

В исследуемой публикации соединяются две журналистские составляющие, которые должны доставить читателю удовольствие. Первая из них – это естественное авторское желание создать интересный информационно насыщенный текст, не отягощенный сложными научными терминами и синтаксическими конструкциями. Рассматриваемая нами публикация представляет собой небольшую часть литературного исследования, ограниченного историческими рамками первой половины XIX века. Автор

⁷⁶ Магидсон С. Приключения «Соседа». Как обрусевший немец дал жизнь поэме Василия Пушкина // Независимая газета. 1997. № 183. С.8.

виртуозно воссоздает контекст, обладая серьезными документальными материалами, подчеркивающими и подтверждающими достоверность объекта повествования. Вторая – счастливое обретение читателем этого текста. Исследуемая публикация Светланы Магидсон является успешным соединением читательского настроения и авторского волеизъявления. Читатель будто бы ждет от автора легкого, незамысловатого по форме, но серьезного по содержанию высказывания, а автор при этом с большим удовольствием его создает. Подобное сочетание происходит крайне редко, оно рождается только тогда, когда и автор, и читатель обладают определенными косвенными профессиональными компетенциями. Почти всегда журналист, хотя бы в общих чертах, представляет себе образ читателя, но не пишет «под него», не снижает качество своего материала, а лишь ищет то издание, которое способно предоставить ему такого читателя. При этом автор статьи ненавязчиво играет со своей аудиторией, словно выражает ей благодарность за внимание к публикации. Часто это проявляется в форме постановки факультативных вопросов, которые обладают чертами риторических фигур⁷⁷. С их помощью журналист выстраивает диалог с читателем, разбивает строгость и тяжесть монологического журналистского текста: «Почему же Пушкин так весело, так шутливо называет Буянова "братцем задорным"?»⁷⁸ или «Но почему же Шиллинг так и не сказал Василию Львовичу Пушкину о литографическом исполнении его "Опасного соседа"?»⁷⁹.

Еще одним приемом привлечения внимания, реализующимся, в первую очередь, в публикациях о литературе и литературной жизни, является постановка риторического вопроса, на который ни журналисту, ни читателю нет нужды и возможности ответить, но его наличие уравнивает их в праве на рассуждение, размышление, анализ ситуации: «Но Василий Львович Пушкин всего в двух десятках строк показал такой яркий колорит этой литературно-общественной

⁷⁷ Тимофеев Л. Риторический вопрос // Литературная энциклопедия. в 11 т. Т. 9. М., 1935. С. 703 – 704.

⁷⁸ Магидсон С. Приключения «Соседа». Как обрусевший немец дал жизнь поэме Василия Пушкина // Независимая газета. 1997. № 183. С.8.

⁷⁹ Там же.

борьбы да и все ее перипетии. Кажется, это актуально и сегодня?»⁸⁰ Функция данных журналистских приемов реализуется на нескольких уровнях общения читателя и журналиста. Риторические фигуры, выстраивающие прозрачную схему общения между автором и собеседником (читателем), очень важны на начальном этапе знакомства аудитории и журналиста. Здесь они снимают некоторое напряжение, присущее человеку в процессе первого схождения на почве общих интересов, в данном случае, литературы.

Далее, после обретения газетным литературным критиком читателя, а читателем – своего автора, начинается долгая история взаимоотношений журналиста, издания и аудитории. Знакомый с авторским стилем читатель, обладая теми или иными интересами, определенными потребностями, которым отвечает формат выбранного издания, с большим удовольствием читает материал, построенный в виде диалога.

При рассмотрении любого журналистского материала исключительно важно понимание того, что читатель, вступая в диалог с журналистом, невольно начинает ассоциировать его со всем изданием в целом. Особенно подобная экстраполяция читательского представления о том, что является собой всё издание целиком, через впечатление только от одного прочитанного материала видна на примере полновесных журналистских текстов, написанных в аналитических или художественно-публицистических жанрах рецензии, статьи, обзора, эссе, очерка.

1.4. Публицистичность литературно-критического высказывания на газетной полосе

Яркой приметой литературной статьи в общественно-политическом издании является ее публицистичность. Критик в этом случае расширяет свою функцию – рассуждая о литературном явлении, он выходит за рамки

⁸⁰ Там же.

филологического, смыслового, текстового или интертекстуального исследования. Для него становится значительным социальный контекст, в котором функционирует литературное произведение: «Казалось бы, вечная изоляция России и Запада осталась позади. В последние годы контакты россиян с Западом возросли неимоверно <...> Александр Зиновьев предложил нам свой взгляд на Запад в надежде, что ему удалось преодолеть предрассудки. <...> Так или иначе, Зиновьев остается общественной фигурой»⁸¹. Автору этой публикации очень важен образ писателя, чье имя стало культовым после выхода книги «Зияющие высоты». Александр Кустарев анализирует не само произведение, а именно личность его автора, он наделяет его качествами демиурга, несущего полную ответственность за свое творение: «И вот три с половиной года злополучный Зиновьев тянет ляжку и снабжает газету каждую неделю чем-нибудь этаким про "жизнь" <...> Зиновьев строил Вавилонскую башню с помощью технологии возведения монгольской юрты»⁸². Критик с большим удовольствием разоблачает знаковую фигуру конца семидесятых – начала восьмидесятых годов XX века. Рецензия Кустарева больше похожа на сведение счетов с литератором, который по мнению большинства «перешел обратно на сторону советской власти»⁸³. Он не только разоблачает, но и низвергает его: «Я не вижу, какие интеллектуальные преимущества дает версия Зиновьева <...> Далее Зиновьев вводит довольно неуклюжее и даже комичное понятие "внутриклеточной" и "внеклеточной" жизни человека»⁸⁴. При этом автор критической статьи выражает и другую, положительную, оценку: «Вообще симпатичная сторона зиновьевской журналистики – это здравый смысл и трезвость. Зиновьев довольно часто ведет себя, как знаменитый мальчик, оповестивший всех, что "король голый"». Он уравнивает отрицательные и положительные оценки

⁸¹ Кустарев А.С. Совок и Западня // НГ Ex libris. 1998. № 3. С. 3.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

новой работы известного писателя и его личности, но на первый план выдвигает все же негативные суждения. Критик никак не обосновывает причины, по которым он сначала говорит «гадости», а только потом переходит к комплиментам, лишь утверждает: «Сначала мы займем неблагоприятную для Зиновьева позицию, а потом, наоборот, благожелательную». Однако с точки зрения читательского восприятия газетного материала именно «неблагожелательная» позиция становится в статье доминирующей. Читатель сначала знакомится с «отрицательным» Зиновьевым, а только после этого получает некий оправдательный приговор по его делу. Данный пример очень ярко демонстрирует авторскую стратегию критика, строящего свою рецензию по его собственным законам. И эта стратегия лежит не в плоскости просветительского рассказа или объективного рассуждения о достоинствах и недостатках писателя и его литературного произведения, а, наоборот, в плоскости нарочитой разоблачительности, формирующей необъективную картину литературной действительности. Кроме того, анализируя литературное произведение, Кустарев навязчиво рассказывает о неправильном восприятии Запада российским человеком. Постулирование единственно верной, принадлежащей автору критической статьи, позиции реализуется через обращение к личному опыту Кустарева: «Когда я приехал в Америку почти 15 лет назад и жаловался американцам на обстановку в советских учреждениях, они часто смеялись и спрашивали меня: откуда я взял, что на Западе дело обстоит иначе? Я быстро убедился, что они были правы»⁸⁵.

Способ навязывания авторской точки зрения посредством повествования о собственном опыте очень эффективно работает, особенно на страницах общественно-политического издания, поскольку элемент документальной журналистики, в данном случае – фактически мемуарная зарисовка, обладает исключительным влиянием на восприятие и анализ информации. С помощью этого приема автор обращается к читательской

⁸⁵ Кустарев А.С. Совок и Западня // НГ Ex libris. 1998. №3. С.3.

эмпатии, чувству осознанного сострадания и сопереживания личному опыту. Для Александра Кустарева такой способ общения с читательской аудиторией является не новым, а отработанным в процессе его редакторской деятельности на телеканале Би-би-си. Кроме того, большой опыт работы автора за рубежом в сфере литературной тележурналистики объясняет особенность критического темперамента: устойчивый, напористый, уверенный в себе Кустарев – представитель западной традиции, а, к примеру, Чубаров или Шульпяков – несколько нервный, крайне темпераментный, иррациональный тип российского критика. В этом сравнении в очередной раз выявляется неустойчивость критической парадигмы, манеры поведения и способов общения с аудиторией молодых отечественных журналистов, пишущих о литературе на страницах общественно-политических изданий второй половины 1990-х годов.

С этим связаны споры о том, какое место занимает литература в общественной жизни и какое отношение к этому имеет критик, возникают и в газетах, и в толстых журналах. Но в последних полемический накал по этому вопросу значительно выше, чем на страницах общественно-политических изданий. Дискуссия становится главным инструментом самоопределения критиков переходного периода, однако, в связи с острой актуальностью проблемы, и этот способ выходит за рамки конструктивного обсуждения: «Наверно, самый непродуктивный способ мышления – это спор: слишком много энергии уходит в пар и свисток»⁸⁶.

Принимая ту или иную сторону, критики пытаются, при всем своем стремлении отыскать золотую середину в вопросе современного положения вещей, занять радикальную позицию по отношению к оппоненту – об этом пишет Сергей Костырко в «Новом мире», обращая внимание на недопустимость громких, почти скандальных заявлений: «Если у Ермолина пусть хмурое, но все же – утро, то у Басинского – черная мгла опускается на

⁸⁶ Костырко С. О критике вчерашней и «сегодняшней». По следам одной дискуссии // Новый мир. 1996. № 7. С. 3.

литературу. <...> Нынешние журналы и литература, в них представленная, – это жизнь после смерти»⁸⁷, он пытается перевести их в конструктивное русло. Каждый раз останавливаясь на узловых моментах, постулируемых Ермолиным и Басинским, Костырко как третейский судья старается снизить пафос их высказывания, обеспечить спокойный, плодотворный разговор: «И потому вот здесь, тормозя разбег в самом начале, я вынужден остановиться и выступить в роли зануды. <...> Важно не проскочить бездумно мимо таких общеизвестностей. Потом спорить будет поздно»⁸⁸. Автор статьи понимает, что спор, который он собирается рассудить, не только не утихнет в скором времени, но только что начал разгораться, и дальнейшие громкие высказывания не смогут привести к адекватным результатам. Он соглашается с обоими респондентами, допускает различные точки зрения, несмотря на то, что они, в сущности, не противоречат друг другу, при этом выдвигает свою собственную, третью концепцию отношения литературной критики в России. Объективно и рассудительно Костырко убеждает сначала своих оппонентов, а потом уже и читателей в том, что нынешнее положение вещей никак не противоречит нормальному развитию литературы и критики. «Журналы как бы молча согласились на лидерство газет в оперативной практической критике. К этому понуждали, во-первых, многообразие и динамичность новой культурной жизни, нехватность её для любого ежемесячника. Во-вторых, журналисты оставили за собой ту работу, которую могут делать только они. А именно анализ составных нынешнего литературного процесса в "концептуальной" статье и развернутой рецензии <...> Взаимоотношения той и другой (газетной и журнальной критики – прим. Р.П.) отдаленно могут напоминать взаимоотношения между фундаментальной наукой (журнальная критика) и прикладной»⁸⁹. Газетная критика во второй половине 1990-х годов

⁸⁷ Костырко С. О критике вчерашней и «сегодняшней». По следам одной дискуссии // Новый мир. 1996. №7. С.3.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

представляет собой в большей степени информационные заметки по какому-либо поводу, некрологи, анонсы и мини-рецензии, не основанные на глубоком изучении предмета, а скорее имеющие непосредственное отношение к вкусовым предпочтениям того или иного журналиста или критика.

1.5. Способы удержания читательского внимания в публикациях о литературной жизни в газете

Уже в середине 1996 года наблюдается тенденция превращения материала о литературной жизни в некоторое увлекательное расследование – жанр, который способен привлечь читателя своей простотой, открытием новых сенсационных фактов литературной жизни. Вторая половина 1990-х годов – это начало времени формирования журналистского саспенса в России, ставшего исключительно популярным в середине 2000-х годов. Так в № 120 «Независимой газеты» в рубрике «Культура» вышла статья Евгении Ивановой «Философ в железном веке. Над страницами бахтинского журнала и при свете лампы», рассказывающая о витебском журнале «Диалог. Карнавал. Хронотоп», посвященном научным разысканиям про биографию, теоретическое наследие и эпоху М.М.Бахтина.

Литературовед Евгения Иванова, размышляя о журнале, испытывающем серьезные финансовые трудности, обращает внимание на значимость публикаций о творческом наследии Бахтина и секретах его биографии. Подзаголовки публикации призваны привлечь внимание читателя, определить основные вехи размышления автора статьи: «Загадки Биографии», «Маски», «Дворянин или купец?». Евгения Иванова рассказывает об интересных и загадочных историях, найденных в том самом бахтинском журнале. «Тем не менее, именно биография преподнесла самые большие сюрпризы... Михаил окончил в лучшем случае пять классов гимназии. Никаких других следов продолжения учебы не обнаружено, и

вся огромная научная и общекультурная эрудиция – плод самообразования»⁹⁰. Далее автор размышляет над вопросом авторства книг «Марксизм и философия языка» и «Фрейдизм», вышедших под именем близкого друга М.М.Бахтина Валентина Волошинова, а также «Формальный метод в литературе», вышедшей под именем Павла Медведева. Ученые спорят по этому вопросу в том числе и на страницах журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп». Биографы отстаивают право на авторство М.М. Бахтина, защитники Волошинова и Медведева занимают слабую позицию, уповая на тот факт, что имя Бахтина не забудется без авторства указанных книг, а имена двух других ученых могут уйти в забвение. Журналист увлечен еще одной загадкой биографии Михаила Бахтина, а именно его происхождением. «Полемический подтекст этого сюжета касается Михаила Бахтина лишь косвенно: о дворянстве Бахтиных писал английский биограф старшего брата Николая. Вот его-то и поправляет Семен Конкин – с документами в руках, согласно которым братья Бахтины по рождению принадлежали к купеческо-мещанскому сословию...»⁹¹

Стиль этой публикации существенно отличается от других, посвященных особенностям литературного процесса. Он явно проще, рассчитан на самую широкую аудиторию. Автор материала избегает специальных терминов, нуждающихся в пояснении, в те моменты, когда говорит о научных работах Бахтина. В публикации личность серьезного ученого выступает в качестве объекта для разговора в стиле скандальной журналистики. Автор понимает важность своей статьи в русле приобщения читателя к жанру журналистского расследования. Несомненно, биография братьев Бахтиных полна «белых пятен»⁹², но способ преподнесения информации не предполагает авторского уважения к личности М.М. Бахтина, как великого ученого, философа и литературоведа.

⁹⁰ Иванова Е. Философ в железном веке. Над страницами бахтинского журнала и при свете лампы // Независимая газета. 1996. № 120. С. 7.

⁹¹ Иванова Е. Философ в железном веке. Над страницами бахтинского журнала и при свете лампы // Независимая газета. 1996. № 120. С. 7.

⁹² Там же.

Подобное изложение информации очень близко к понятию «инфотейнмента», прочно укрепляющемуся в системе журналистского метода того времени. Обучение через развлечение, восприятие сложной информации через простые игровые формы с неизбежным ущемлением ее значимости – это основные приметы «инфотейнмента». Для этого метода характерны броские заголовки, например, «Философ в железном веке. Над страницами бахтинского журнала и при свете лампы». У читателя тут же возникают вопросы, почему век назван железным, почему бахтинский журнал автор читал при свете лампы, скорее всего настольной. Не менее значимы и подзаголовки в виде вопросов, например, «Дворянин или купец?». У читателя возникает естественное желание прояснить этот вопрос, тем более что он оказывается особенно актуальным в во второй половине 1990-х годов, когда понятие о родовой принадлежности становится принципиально значимым для отдельных слоев населения. Архивный поиск и описание генеалогической истории семьи является очень популярной социальной тенденцией в исследуемый период. Все эти способы вместе с сенсационными подтверждениями или опровержениями уже известных фактов, открытием новых, неизученных представляют собой общую картину материала, направленного на удивление аудитории. На примере статьи Евгении Ивановой мы наблюдаем, как впервые на страницах «Независимой газеты» в публикациях, посвященных литературной жизни, появляется новый метод, который ожидает большое будущее в современной журналистике. Он похож на метод, используемый в жанре саспенс, но все же уступает ему по внутренней напряженности и яркости развязки.

Литературные и околослитературные исследования, являющиеся основой журналистских публикаций о литературной жизни и литературном процессе, несомненно, ценны для читателя. Они открывают ему новые, до этого неизвестные широкой публике страницы истории литературы, определяют условия, в которых развивалась литература и литераторы, а, значит, удовлетворяют основным читательским потребностям, связанным с совершением

новых открытий, обретением утраченных или неизвестных до этого фактов, возможностью дальнейшего осмысления литературы в свете новых сведений.

Информация об историческом контексте, в котором развивалась и развивается отечественная словесность в последние два столетия, и комментарии по этому вопросу являются основой, информационным поводом для создания и опубликования журналистских исследований. Однако цель, которую они преследуют, отличается от той, которую ставят перед собой авторы статей в толстых журналах и, тем более, в авторитетных изданиях – академических, полных академических собраниях сочинений. С точки зрения литературоведения, исследования, которые проводят журналисты в своих статьях, представляют лишь частичную информацию о творческом процессе того или иного автора, его окружении и некоторых условиях становления и развития литераторов. Между тем сведения, носящие в большей степени биографический характер, определяющие историко-культурный контекст, в котором писатель находится или находился, придают, с одной стороны, объемность звучанию несмелым журналистским высказываниям по поводу литературного творчества, а с другой стороны, представляют читателю новые имена, находящиеся на втором плане литературного процесса или связанные с ним опосредованно, но имеющими серьезное влияние на него.

Взаимоотношения читателя и журналиста в контексте разговора о литературе и литературной жизни могут строиться согласно разным схемам, которые зависят от «информационного донора» (журналиста) и «реципиента» (читателя), а также от характера самой информации. Однако принцип косвенной интерактивности, определяющийся на уровне непрямого общения автора и читателя (отсутствует обратная связь, читатели не пишут письма в редакцию с отзывами на ту или иную публикацию о фактах или событиях литературной жизни), является обязательным компонентом публикаций в общественно-политических изданиях. Одним из приемов осуществления косвенной интерактивности является авторское предуведомление, открывающее читателю причины обращения автора к тому или иному вопросу. Им снабжаются

практически все публикации, представляющие собой частичное текстологическое исследование. «ДАВНЫМ-ДАВНО, во времена моей юности, когда мы с трудом добывали друг у друга папиросные листки со стихами Осипа Мандельштама, я помню, как меня и моих друзей наповал сразило одно сравнение:

Умывался ночью на дворе.

Твердь сияла грубыми звездами.

Звездный луч – как соль на топоре.

Стынет бочка с полными краями.

Помню, как ходили мы и твердили нараспев: Звездный луч - как соль на топоре... Сравнение завораживало, казалось прекрасным и непостижимым. Еще тогда я задумал написать о нем эссе⁹³, – так начинается статья Александра Кацуры «Соль, топор и пространство. Заметки о лучшем сравнении в поэзии XX века». В публикации автор размышляет над важнейшими проблемами исследования литературных текстов, оценивает их достоверность и ставит под сомнение желание современных исследователей подгонять текст и соответствующий ему документальный материал под новую концепцию, укрепляя и расширяя её. «Валентина Мордерер и Григорий Амелин опубликовали в "Независимой газете" (18.12.96) интереснейшую статью о немецких корнях русских стихов, где большей частью говорится о стихах Мандельштама. Авторы раскопали множество любопытнейших аллюзий, скрытых каламбуров и шарад, нашли в русской речи поэта запрятанные немецкие корни. <...> Правда, за бортом остались и Бранд, и Рат, и, Бог знает, сколько еще корней – немецких, английских, латинских. А из имени Лермонтов авторы вычислили только "лернен" (учить). Но ежели следовать их аналитической фантазии, то ведь нетрудно вытащить на свет Божий сначала, конечно, "монт" (гора по-латыни), а уж Лермонтов и горы – это целая поэма (и кремнистый путь, и звезды, и космический взгляд на землю откуда-то сверху). В общем, из этого имени можно вытащить все – от шубертовского лееркастена до последнего романа Юрия Буйды ("Ермо"). Все это

⁹³ Кацура А. Соль, топор и пространство. Заметки о лучшем сравнении в поэзии XX века // Независимая газета. 1997. № 132. С.8.

замечательно, я только в одном с авторами не согласен, боюсь, что в самом главном. Не пишутся стихи (настоящие), как шарады. Природа совпадений здесь иная. Побудительным мотивом для поэта выступает некая словесная музыка, но о возникающих в глубинах текста языковых пересечениях он обычно догадывается смутно»⁹⁴.

Авторская точка зрения, оформленная в виде литературно-критического высказывания с явными добавлениями текстологических выводов, при всей её значимости и полемичности, обозначается как «Заметки» и «Истолкования». Александр Кацура раньше предуведомления определяет градус разговора с читателем, настраивая его на непринужденную беседу, на ясный и благоприятный разговор без претензии на глубокое филологическое исследование. Личность автора, знакомая или незнакомая читателю, ярко проявляется в ходе дальнейшего разговора о предмете, который интересует журналиста. О себе в автобиографии, спустя почти десятилетие после публикации статьи в «Независимой газете» он пишет: «Каким был я раздвоенным, таким и остался — одной рукой пишу стихи и прозу, другой — философские статейки и эссеистику, а еще размазываю масло по картонам и холстам. Но нет человека, который не мечтал бы преодолеть шизофрению»⁹⁵.

Еще одной важной приметой данной статьи является точная отсылка читателя к ранней публикации, на основании которой Кацура и начинает свой разговор. С одной стороны, это несомненно, проявление журналистской, внутрицеховой этики, с другой стороны, в сознании читателя подобная отсылка рождает чувство связанности, двух удаленных друг от друга по времен текстов, но находящихся на единой временной шкале в процессе чтения последнего. Кроме того, исследуемая статья наполнена полемическим пафосом. Выдвигаемые А. Кацурой постулаты и доказательства, ставящие под сомнение ценность высказывания Валентины Мордерер и Григория Амелина о немецких корнях русских стихов, заставляют

⁹⁴ Кацура А. Соль, топор и пространство. Заметки о лучшем сравнении в поэзии XX века // Независимая газета. 1997. № 132. С.8.

⁹⁵ Кацура А. Автобиография. [Электронный ресурс] // Лаборатория фантастики [Электронный ресурс]. URL: <http://fantlab.ru/autor2356> (дата обращения: 02.03.2013). Загл. с экрана.

читателя согласиться или опровергнуть его точку зрения, вступить в диалог с автором статьи, а также придают динамику журналистскому тексту, делая его более интересным и привлекательным для аудитории.

Журналисты, газетные литературные критики, пишущие о литературе и литературном процессе на страницах «Независимой газеты» второй половины 1990-х годов, избирают разные стратегии общения с читателем. Во многом этот выбор обуславливается жанром публикации. Более строгие и статичные информационные жанры практически не предполагают авторского присутствия в журналистском материале, а значит и диалог с аудиторией в подобных публикациях практически невозможен. Статьи, написанные в аналитических или художественно-публицистических жанрах, обладают большей гибкостью, подразумевают авторское присутствие в тексте, которое реализуется в нескольких направлениях.

В первую очередь, это выбор темы публикации – сложность объекта журналистского описания, подбор фактов, доказывающих авторскую позицию, контекстуальные связи (если в материале присутствует сравнение исторического периода прошлого и современности). Маркером авторского присутствия в тексте является и особенность изложения материала, т.е. стилистические приемы, которые избирает журналист в процессе подготовки публикации (риторические фигуры, обращения к читателю). В зависимости от темперамента автора, различается и градус журналистского высказывания – от спокойного размышления до полемического высказывания.

Литературная жизнь как объект журналистского рассуждения в данном случае предлагает автору различные традиционные формы – создание беллетристического очерка, критической публикации или полемического высказывания. Таким образом, публикации о литературной жизни на страницах общественно-политического издания второй половины 1990-х годов, устанавливая особую связь с читателем, открывают ему неизвестные сведения о литературе, просвещают его, позволяют сформировать положительное мнение о журналистике и распространить его на другие материалы, содержательно перекликающиеся с публикациями о литературе. При этом такие

публикации, за редким исключением, направлены и на развлечение аудитории, они позволяют читателю отдохнуть от нарастающего информационного потока, ускоряющего темп жизни в России периода новейшей истории, привлечь внимание к литературе, являющейся важнейшей частью культурного развития формирующегося общества.

Литературно-критические газетные публикации в системе оперативной периодической печати второй половины 1990-х годов подтверждают факт тесной связи процессов, происходящих внутри литературы, с общественно-политической ситуацией. Пристальное внимание и постоянный интерес журналистов и газетных литературных критиков к наследию отечественной словесности подтверждают факт литературоцентричности российского общества. Анализ литературно-критических текстов и других литературных материалов на газетной полосе, показывает, что из-за их жанрово-стилевого разнообразия, из-за того, что авторами становятся очень разные творческие индивидуальности, именно эти материалы и формируют надежный пласт литературной культуры в российской журналистике 1990-х годов.

Главные силы литературного процесса в это время направлены на непрерывный диалог с читателем, находящимся в поиске новых мировоззренческих установок. Газета, являющаяся одним из самых популярных средств массовой информации, предоставляет возможность идеологам нового культурного пространства открыто высказываться и предлагать пути решения актуальных проблем. Литературная культура, которую прививают читателю газетные критики, выступает одним из механизмов развития социума. Автор литературных материалов на страницах общественно-политических изданий имеет дело с категорией культурного наследия, пытаясь отыскать ему место в границах общественного сознания второй половины 1990-х годов.

В рамках этого поиска газетные критики формируют ряд эстетических позиций и смело их отстаивают. Одна из них – отрицание пафоса, сопровождающего богемную литературную жизнь. Еще одной принципиально важной позицией является приятие процесса смены генеральных координат в

системе литературно-критических публикаций. Авторы публикаций на страницах общественно-политических изданий пытаются подобрать необходимый инструментарий воздействия на читателя, а также понять новые тенденции и направления работы на находящейся в постоянном движении и процессе обновления газетной полосе.

Этот процесс открыто выносится на суд читателей и обуславливает еще одну важную позицию литературного критика в этот период – открытый диалог с аудиторией, носящий иногда прямой характер, т.е. построенный по основным правилам интерактива, а иногда – косвенный, реализующийся через авторские предуведомления к публикациям или постановку риторических вопросов.

Читатель вовлекается в процесс обсуждения важнейших вопросов функционирования литературы в обществе, её значительных составных компонентов, он становится иногда невольным, но чаще специально приглашенным зрителем на поле битвы консерваторов, постмодернистов и новаторов-постреалистов, определяющих в исследуемый период основную динамику развития литературно-критической журналистики в России.

Дискуссии о месте и роли литературного критика на газетной полосе рождаются в различных общественно-политических изданиях, носят, как правило, полемический характер, поскольку проблема самоопределения и самоидентификации является одной из принципиальных в процессе встраивания литературной критики как социального явления в новую парадигму отношений, в том числе рыночных. Обращаясь к наследию критиков эпохи перестройки и гласности, представляющему собой яркий пример полемического задора и активной дискуссионной основы текста, молодые критики часто используют известные лозунги ушедшей эпохи, пародируя и высмеивая стилистику советской доперестроечной печати. Одновременно с этим новое поколение газетных критиков утверждает необходимость плюрализма взглядов и подходов к осмыслению не только самой действительности, но и ее отображения, а значит спорит со своими ближайшими «учителями» и предшественниками, консервативными восьмидесятниками.

Глава 2. Виды литературной критики в публицистическом контексте второй половины 1990-х годов

2.1. Литературная хроника

Одной из самых распространенных форм публикаций о литературной жизни на газетной полосе в исследуемый период является информационное сообщение. Не обладая ни просветительской, ни развлекательной функцией статьи, короткие заметки, представляющие основной корпус информационных материалов на страницах общественно-политических изданий, не подразумевают серьезного и конструктивного диалога между читателем и автором. Написанные в жанре информационной заметки, они имеют своей целью формирование литературной хроники. Среди таких статей, публикуемых на страницах общественно-политических газет, отметим статьи о Букеровской премии, собраниях литераторов и новых книгах, анонсы некоторых литературных событий. Они направлены на информирование, актуализацию информации, не подразумевают прямого или косвенного высказывания журналистского мнения, авторской позиции: «НЕБОЛЬШОЙ зал "Аркадия" ресторана "Серебряный век" был заполнен до отказа – настолько, что даже не всегда удавалось рассмотреть лауреатов. Среди гостей можно было увидеть Марию Розанову, прошлогодних лауреатов Антибукера, министра культуры РФ Наталью Дементьеву, драматургов Михаила Рощина, Алексея Казанцева, режиссера Владимира Андреева, многочисленных журналистов. Второй раз на церемонии присутствовал посол ФРГ господин фон Штудниц, а также посол Великобритании сэр Эндрю Вуд. Главный редактор "Независимой газеты", председатель Оргкомитета и председатель всех четырех жюри без права голоса Виталий Третьяков сообщил, что вручение премии начинается с новой номинации – "Луч света" – за лучшее

произведение в области литературной критики»¹. Данная публикация построена согласно основным правилам журналистского материала в жанре репортажа. Автор, Григорий Заславский, выступает исключительно в качестве прямого фиксатора события – вручения премии «Антибукер»². Он использует публицистический стиль, строит простые предложения без сложных обособлений. Информационным поводом для создания материала является церемония вручения премии. Автор не анализирует литературную ситуацию, но выступает в роли докладчика, информирующего читателя о произошедшем событии. Журналист рассказывает о номинациях и победителях премии, перечисляет имена награждающих и приводит цитаты литераторов, ставших лауреатами.

Публикации такого рода по жанровой принадлежности не предполагают широкого, развернутого комментария, не имеют своей целью построение диалога с читателем, основой репортажа является журналистский метод наблюдения. «Своеобразие публикаций, относящихся к жанру репортажа, возникает прежде всего в результате "развернутого" применения метода наблюдения и фиксации в тексте его хода и результатов <...> Задача любого репортера заключается прежде всего в том, чтобы дать аудитории возможность увидеть описываемое событие глазами очевидца (репортера), т.е. создать "эффект присутствия". А это

¹ Заславский Г. Литературные победы в «Серебряном веке» // Независимая газета. 1998. № 8. С. 7.

² Премия «Антибукер» – литературная премия, учрежденная Виталием Третьяковым и редакцией Независимой газеты в 1995 году. В 1996 году к первой номинации «проза» были добавлены еще две – «поэзия» и «драматургия». В 1997 году была учреждена номинация за лучшее произведение года в жанре литературной критики, которая в 1998 году разделилась на две ветви: литературная критика и литературоведение и non-fiction. Название премии имеет прямое отношение к самой громкой постсоветской литературной премии «Букер»: «Антибукер» был создан в пику ей – предлагал альтернативу единственной значимой литературной премии в России. Лауреатами премии в разные годы были Евгений Гришковец, Тимур Кибиров, Александр Иванченко, Борис Акунин. В жюри входили литературные критики и деятели искусств: Наталья Иванова, Александр Гельман, Евгений Рейн, Олег Табаков др. Председателем жюри без права голоса на протяжении шести лет был Виталий Третьяков, главный редактор «Независимой газеты». Последнее вручение «Антибукера» состоялось в 2001 году.

становится в наибольшей мере возможным только в том случае, если журналист будет рассказывать о предметных ситуациях, событиях»³.

Однако ценность подобного рода статей исключительно важна для понимания особенностей литературной жизни исследуемого периода, поскольку в них журналисты практически всегда предлагают список имен и фамилий современных литераторов и литературных критиков, находящихся в центре литературной жизни. В исследуемой статье мы находим имена литератора и издателя Марии Розановой, издателя Александра Михайлова-младшего, писателя Александра Гольдшейна, драматурга Олега Богаева, писателя, сценариста, драматурга Николая Коляды, драматурга Ивана Савельева, поэтов Тимура Кибирова, Бахыта Кенжеева, Ивана Жданова, писателя, филолога, литературоведа Алексея Варламова, писателя Дмитрия Бакина и прозаика, поэта, критика Ильи Фаликова. Подробно не останавливаясь на личных и творческих биографиях перечисленных участников литературного процесса, автор публикации лишь формирует в сознании читателя контекст, в котором развивается современная русская литература.

Обращение к массовому читателю и перенос читательского интереса с одного материала на весь номер являются самыми явными и простыми обоснованиями функционирования материалов о литературной жизни на страницах общественно-политических изданий исследуемого периода. Область литературного знания является одной из наиболее интересных с точки зрения всего построения номера, находящей отклик практически у каждого читателя газеты. С одной стороны, материалы о литературной жизни носят развлекательно-просветительский характер, обладают необходимым градусом диалогичности. С другой стороны, они имеют непосредственное отношение к современным реалиям, даже если журналист рассуждает в ретроспективном ключе, взаимодействуют с другими материалами газеты, придавая им необходимый гипертекстовый смысл. Газетный литературный критик во второй половине 1990-

³ Тертычный А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие / А. А. Тертычный .— 5-е изд., испр. и доп. — М. : Аспект Пресс, 2014. С. 67.

х годов не направляет читательские интересы: он либо отстраненно информирует о литературной жизни, либо представляет литературу как культурный феномен, постоянно вписывая ее в социально-исторический контекст.

Литература на страницах газет второй половины 1990-х годов представлена разными способами. При том, что она проникает в их информационную среду, очевидной оказывается её значительная трансформация. Во-первых, она становится объектом журналистского исследования в качестве информационного повода (сообщения о литературных премиях, конкурсах, фестивалях, интервью с писателями); во-вторых, писатели и их литературные произведения попадают в поле внимания рекламщиков, становясь не только брендом и элементом кампании по продвижению торговой марки, но и инструментом в политической борьбе.

Одной из главных примет литературной статьи в общественно-политическом издании является ее публицистичность. Критик в этом случае расширяет свою функцию – рассуждая о литературном явлении, он выходит за рамки филологического, смыслового, текстового или интертекстуального анализа.

При этом возникает, так называемая, личностная литературная критика в газете, субъективно формирующая читательский вкус, но не направленная на формирование литературного пространства, не определяющая основной вектор развития литературного процесса.

Публикации о литературе критического толка носят открытый просветительский характер. Со своей серьезной и четко сформированной общественной позицией газетные критики не только утверждают непреходящую значимость отечественной словесности или советуют аудитории ту или иную книгу для чтения, они предлагают нечто принципиально новое для журналистики нового времени, а именно, качественный нефилологический анализ литературного текста, тщательно проведенный газетным критиком. В связи с этим газетные критики разрабатывают особые межжанровые элементы, такие как некрологи-очерки, статьи в жанре саспенс, хроникальные или дневниковые зарисовки.

Маркером авторского присутствия в тексте является и особенность изложения материала, то есть стилистические приемы, которые избирает журналист в процессе подготовки публикации (риторические фигуры, обращения к читателю). В зависимости от темперамента автора различается и градус журналистского высказывания – от спокойного размышления до полемики. Литературная жизнь как объект журналистского рассуждения в данном случае предлагает автору различные традиционные формы – создание беллетристического очерка, критической публикации или полемического высказывания.

Таким образом, литературно-критические публикации и статьи о литературной жизни на страницах общественно-политических изданий второй половины 1990-х годов устанавливают особенную связь с читателем, открывают ему неизвестные сведения о литературе, просвещают его, позволяют сформировать положительное мнение о журналистике и распространить его на другие материалы, соотносящиеся с публикациями о литературе.

2.2. Некрологи

Появившийся еще в Древнем Риме жанр некролога, не теряя своей постоянной востребованности, на протяжении XX веков развития словесности постоянно менял форму и объем в зависимости от задач, которые возникали перед публикующим его журналистом: от сугубо информационных сообщений о смерти видного политического деятеля (в Петровскую эпоху) до развернутых биографических заметок (на рубеже XIX и XX веков). Историко-литературный процесс второй половины 1990-х годов также внес в бытование некрологов на газетной полосе свои коррективы: в статьях объединились главные черты некрологов – смерть писателя стала поводом (информационная функция) для детального исследования его творческой жизни (аналитическая функция), а биографический аспект стал дополнением, создающим фоновое сопровождение (биографический аспект).

Для определения основных характеристик некролога в исследуемый период обратимся к публикациям в общественно-политических изданиях второй половины 1990-х годов.

В это время в газетной периодике некролог представлен в форме подробного жизнеописания. В данном случае читатель соприкасается с жизнью героя и через его судьбу следит за историческим процессом и жизнью целой эпохи. В своей работе, посвященной жанрам периодической печати, А.А. Тертычный причисляет некролог к информационным жанрам, ставит его в один ряд с информационной заметкой, репортажем, информационным интервью, объясняя это тем, что «такого рода тексты выступают основными носителями оперативной информации, позволяющей аудитории осуществлять своего рода постоянный мониторинг наиболее значимых, интересных событий в той или иной сфере действительности»⁴. Однако, на наш взгляд, такое строгое ограничение жанра некролога сугубо информационными требованиями кажется не вполне справедливым. Некролог всегда больше, чем просто информирование читателя о смерти известного человека, это рассказ о его жизни, судьбе, истории дома и условиях творческого становления личности. Несмотря на то, что некролог закрепляется в системе информационных жанров, он часто включает в себя значительный объем дополнительной биографической информации, стремясь к аналитичности.

Авторы некрологов второй половины 1990-х годов обращаются к истории и биографии личностей, имеющих непосредственное отношение к литературным классикам. Журналист или коллектив авторов производит регистрацию жизни потомка известного предка. При этом сам потомок почти всегда имеет собственный серьезный статус в обществе, науке или искусстве. В этом случае соединение двух значимых имен – предка и потомка – призвано не обогатить биографию последнего, но связать два значительных имени разных эпох, показать

⁴ Тертычный А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие / А. А. Тертычный .— 5-е изд., испр. и доп. — М. : Аспект Пресс, 2014. С. 48.

связь между поколениями и подчеркнуть ответственность каждого перед наследием великих литераторов.

Рассмотрим публикации «Независимой газеты» о литературных деятелях, чьи истории позволяют читателю под другим углом взглянуть на современную им действительность и проследить связь литераторов прошлого и настоящего.

В рубрике «Культура» в колонке «In memoriam» опубликован материал «Он не умел жить другой жизнью» – о творческом пути и профессиональных достижениях правнука Льва Николаевича Толстого Никиты Ильича Толстого. Материал подписан учениками и коллегами доктора филологических наук, действительного члена РАН, известного славяноведа и балканиста. Авторами описан трудный путь через войну, сложности научного постижения мира с особой любовью к этнолингвистике и славянским древностям. Однако важно еще и то, что в материале проводится важная параллель между судьбами прадеда и правнука: «...Он говорил о своих учениках, их научных и человеческих судьбах, и было очевидно, что это одна из самых важных сторон его внутренней жизни – учительство и ученики». Статья стремится к тому, чтобы дать широкому читателю возможность увидеть в описании педагогического таланта Никиты Ильича связь с прадедом. То же самое касается и последних строк некролога: «Никита Ильич Толстой умер с мужественным смирением и твердой трезвостью мысли – ясно понимая, что уходит, и безоговорочно принимая Божью волю...»⁵. В самом некрологе много добрых и теплых слов сказано о Никите Ильиче Толстом, достойном потомке великого русского писателя. Такая, в первую очередь, биографическая связь, несомненно, важна в определении самого ученого – этнолингвиста. Но также она важна и для простого читателя, которому позволено обнаружить связь между двумя великими фигурами русской словесности. Подобный материал представляет собой еще и попытку вписать современную действительность в

⁵ Он не умел жить другой жизнью // Независимая газета. 1997. №119. С.7.

историко-литературный контекст, нащупать исторические связи, позволяющие удержаться в русле классической литературы.

Примером развернутого некролога, описывающего не только жизнь в семье, творческие достижения и профессиональные успехи, но и шире – историко-культурный контекст, постоянно и непрерывно окружавший героиню рассказа, является опубликованная в «Независимой газете» в 1998 году статья Натальи Мавлевич «Памяти Лилианны Лунгиной»: «Дом Лунгиных без малого полвека был в любое время открыт, как открыты были сердца его хозяев, всегда готовых и умеющих разделить с близкими боль и радость, выслушать, ободрить, помочь. Здесь не знали табели о рангах, не признавали запретов. Многих из постоянных гостей уже нет в живых: в разное время ушли Виктор Некрасов, Александр Галич, Давид Самойлов...»⁶. Портрет героини, всегда считавшей «своим долгом говорить правду, свидетельствовать о пережитом, не искажая его в угоду тем или иным политическим или конъюнктурным интересам»⁷, не может быть отделен от изображения эпохи. В некрологе, посвященном Лилианне Лунгиной, вторая половина XX века представлена очень схематично, автор использует несколько эпитетов, характеризующих этот период: «Самые тяжелые времена», «политические и конъюнктурные интересы», но при этом читатель понимает, о какого рода трудностях и о каком противостоянии идет речь в публикации. Описание исторического контекста становится важным смысловым и композиционным элементом некролога: «Сама Лунгина олицетворяла присущие этому поколению лучшие черты, прежде всего благородство и энергичность. Ужасало ее и забвение уроков прошлого, которое может привести к повторению ужасов сталинизма и фашизма. Она много говорила и писала на эту тему. К счастью, ее слова успели записать на пленку, так что голос, улыбка, сияющие глаза Лили сохранились не только в нашей памяти»⁸. Доказательством принципиальной значимости описания времени и

⁶ Мавлевич Н. Памяти Лилианны Лунгиной // Независимая газета. 1998. № 5. С. 7.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

эпохи является его расположение в тексте. Имена писателей, формировавших историко-культурный контекст второй половины XX века, перечислены в самом начале некролога, их судьбы теснейшим образом сплетены с судьбой Лилианны Лунгиной – именно в доме Лунгиных все вместе они переживали трудности своего времени, сохраняя при этом мужество и достоинство, находя в себе силы бороться за свободу мысли, слова, поступков. А в финале публикации дан обобщающий вывод, формирующий у читателя образ человека, который не принимал систему, постоянно ей противостоял. Таким образом, композиционно обрамляя общее значительное описание достоинств и достижений героини повествования, эти два важнейших отрывка текста становятся самыми значимыми по степени читательского восприятия.

Образ эпохи в публикации играет значительную, но не главную роль. Главное, что чувствует читатель во время прочтения материала, – бесконечную нежность, с которой Наталья Мавлевич относится к Лилианне Лунгиной. Родной, домашний, теплый образ старшего друга, наставника, учителя создается автором с помощью постоянного обращения к таким чертам характера, как отзывчивость и бесребренничество, стойкость и открытость души. Называя ее Лилей, автор достигает максимального сближения читателя и героя своего повествования.

В некрологе, посвященном Лилианне Лунгиной, соединены два значительных компонента – любовь к человеку, о котором ведется рассказ, и желание вписать его судьбу в контекст времени, с которым ему пришлось бороться.

Авторам некрологов, посвященных литераторам второй половины XX века, свойственно формировать образ писателя – борца с тоталитарной политической системой. Воспринимая демократию новой России как избавление от давления советской идеологии, они неизменно акцентируют внимание на связь литературы и общественно-политической ситуации. Таковым является некролог «Чистое искусство и Советская история», посвященный А.Д. Синявскому, его написал филолог Сергей Бочаров. Статья, подготовленная в

первые дни после смерти писателя, литературоведа, литературного критика, была опубликована спустя год, 25 февраля 1998-го. Рассказывая о судьбе Синявского, автор некролога представляет читателю его биографию. Повествование выстроено в хронологическом порядке – от лета 1965-го года, когда «вышел том Пастернака в "Библиотеке поэта" со знаменитой статьей Синявского, в "Новом мире" прошла серия его выступлений, и он выходил в видные критики в этом главном журнале»⁹ до лета 1987-го, когда Сергей Бочаров встретился с ним в Париже и говорил о конце коммунизма, о возможности нового пути развития России.

Для Бочарова история А.Д. Синявского – это уникальный пример того, как литератор может менять политику: «он так разработал свою литературную личность, что она вмещалась в большую политику и так на нее повлияла, как невозможно было представить в те дни процесса не только нам, свидетелям, но и самим героям»¹⁰. Другим таким же писателем Бочаров считает А.И. Солженицына, ставит Синявского в один с ним ряд. Остановливаясь на ключевых моментах жизни Синявского, Бочаров формулирует главную мысль всей своей статьи: «искусство – единственная свободная сила в нашей политической современности»¹¹. Для того, чтобы такое искусство создавать, нужна сильная личность, осознающая свое место в литературе, готовая бороться с политической системой: «Соппротивление, преодоление, жест – на грани почти юродства, – жест вопреки – и с вызовом, и с эстетическим наслаждением: хорошо»¹². Сергей Бочаров завершает некролог словами: «Синявские оказались тогда (в 1987 году) в Париже почти единственные, кто захотел поверить в серьезность событий. В серьезность событий – именно так, хотя и трезвый скепсис их не оставлял. Но они поехали в Россию и стали участвовать в нашей драме как свои, занимая

⁹ Бочаров С. Чистое искусство и советская история // Независимая газета. 1998. № 32. С. 7.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

позицию»¹³. Этими словами подчеркивается противопоставление советской России и России 1990-х годов, выражая надежду на благополучное будущее страны, в которую после долгих лет тюрьмы, а после – эмиграции приезжает писатель-борец с политической несправедливостью.

Некрологи, написанные литераторами, литературными критиками, филологами отличаются большей погруженностью в историко-культурный контекст. Это связано с тем, что их авторы были участниками или свидетелями событий, о которых идет речь в некрологе. Особое место в системе некрологических публикаций занимают тексты, подготовленные писателями, близко знакомыми с героем некрологической статьи. Если журналисты, воспринимающие чаще всего некролог как сугубо информационное сообщение, формируют поверхностный образ ушедшего литератора, то писатели, как правило, обращают внимание на отдельные моменты его жизни.

Обратимся к текстам некрологических статей журнала «Огонек», посвященных Б.Ш. Окуджаве. На этом примере рассмотрим, насколько тесно в некрологе связываются имена литературных деятелей с социально-политическими особенностями эпохи. «Огонек» очень полно отозвался на смерть Б.Ш. Окуджавы 12 июня 1997 года. Здесь публикуется ряд статей в рубрике «Те, кого мы любили», посвященных жизни, творчеству Окуджавы и воспоминаниям современников о нем. Открывается цикл публикаций воспоминаниями Владимира Войновича «И я судьбу благословил». Он представляет Б.Ш. Окуджаву как человека с широкой душой и чутким сердцем, всегда готового помочь в любой жизненной ситуации, находящегося в оппозиции к любой системе. Для Войновича Б.Ш. Окуджава – не только величайший поэт своего времени, он – близкий человек, друг, чье участие в жизни семьи имело огромное значение: «У нас в доме Окуджава был фигурой культовой, но, поскольку он иногда появлялся живые, моя дочь, тогда малолетняя, спросила однажды, а почему Пушкин никогда

¹³ Бочаров С. Чистое искусство и советская история // Независимая газета. 1998. № 32. С. 7.

не заходит»¹⁴. Воспоминания о поэте позволяют читателю проникнуть в факты личной биографии Окуджавы, увидеть не официальный публичный образ, а настоящего человека, его характер и отношение к людям: «Последние годы он занимался тем, что выискивал в своей телефонной книге какого-нибудь пожилого поэта, бывшего фронтовика, может быть, даже не очень близко знакомого и звонил ему. “Зачем?” – спросил я его. Он ответил: “Просто я подумал, что его давно не печатают, он старый, больной, одинокий, и ему, наверное, хочется, чтобы кто-то ему позвонил и спросил, как дела”»¹⁵. Это желание дарить человеку приятные моменты подчеркивается и историей приезда Окуджавы к В. Войновичу в деревню под Мюнхеном, где он находился в эмиграции в состоянии полного отчаяния. И этот приезд очень растрогал Войновича, находящегося в «шапочно-дружественных» отношениях с Окуджавой, до такой степени, что «на языке все время вертелось пушкинское:

Мой первый друг, мой друг бесценный!

И я судьбу благословил,

Когда мой двор уединенный,

Печальным снегом занесенный,

Твой колокольчик огласил»¹⁶.

Воспоминания Войновича носят очень личный характер, они пронизаны чувством глубочайшей благодарности и признательности Окуджаве за его участие в жизни каждого, кто был ему дорог. Дважды сравнивая его с Пушкиным, вынося в заголовок строку из стихотворения «И.И. Пущину», Войнович подчеркивает значимость Окуджавы не только для себя и своей семьи, но и для многих людей, почитателей его поэтического и музыкального таланта.

Эту мысль продолжает следующая статья номера «И с грустью озираю землю эту...» Ильи Мильштейна: «Как минимум для трех поколений русских людей он был «своим» поэтом, выразителем чувств самых заветных и мыслей

¹⁴ Войнович В. «И я судьбу благословил...» // Огонек. 1997. №27. С. 35.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

самых выстрадавших. Его смерть (для тех, кто дожил и до этой смерти...) стала личной утратой. Невосполнимой, тяжелой и горестной. Каждое поколение воспринимало поэта, по любимому выражению Окуджавы, в меру своей испорченности»¹⁷. Автор акцентирует внимание на романтизме шестидесятников, который неожиданно в начале 1990-х вернулся к поэту, на разрушенных надеждах «очеловечить власть»¹⁸, на горестном ощущении поэта, что «русских вовсе нету, а вместо них – толпа»¹⁹. И. Мильштейн намеренно несколько раз акцентирует внимание на безусловной особенности поэзии Окуджавы – «романтических мечтах очеловечить власть»²⁰, а его уход воспринимает как «взрыв скорби»²¹, после которого «В России начинается настоящая взрослая жизнь. Без жалости, без веры, без пощады»²². Читателю этих страниц «Огонька» в завершении цикла материалов о Б.Ш. Окуджаве предлагается фрагмент расшифрованной записи концерта поэта в Ленинградском ВТО 4 апреля 1985 года, демонстрирующий внутреннюю борьбу поэта-патриота с поэтом-романтиком, влюбленным в свободу и мечтающим о ней.

Одним из важных условий создания эмоционального некролога, вызывающего чувство сопереживания и глубокой тоски по ушедшему, является искренний интерес, возникающий у журналиста, когда он изучает историю и ближе знакомится с судьбой своего героя.

Рассмотрим один из очень показательных примеров «социального» некролога - публикацию Виктории Шохиной «Человек нормы» в «Независимой газете» от 12 января 1999 года. Он посвящен смерти Анатолия Рыбакова, «едва ли не единственного русского автора бестселлеров»²³, – так называет писателя автор публикации. Биографическую составляющую некролога в данном случае журналист обнаруживает в самом начале публикации: «У Анатолия Рыбакова

¹⁷ Мильштейн И. «И с грустью озираю землю эту» // Огонек. 1997. № 27. С 36.

¹⁸ Там же. С. 37.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 38.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 39.

²³ Шохина В. Человек нормы // Независимая газета. 1999. №5. С. 7.

настоящая мужская биография, русский ее вариант – арест, ссылка, война», – и далее В. Шохина пишет о событиях из жизни писателя. При этом главным ориентиром, осью, вокруг которой выстраиваются разные фрагменты биографии Рыбакова, является исторический контекст, в котором создавались произведения писателя: «Для одних он был слишком советским, потому что его печатали и не исключали из партии (в которой он, впрочем, никогда не состоял). Другие считали его западником, поскольку он был евреем. Действительно, в конце 70-х, почувствовав, что начинается очередной виток антисемитизма, он решил писать о евреях»²⁴. Вообще писательская жизнь советского литератора неразрывно связана с особенностями политического строя. Автор несколько раз подчеркивает эту идею, причисляя Рыбакова к «писателям, которые сумели устоять среди идеологических бурь, сохранить чувство нормы и здравомыслие»²⁵. Социальная роль автора «Детей Арбата», «Тяжелого песка» и многих других значительных произведений советской литературы, ставших сегодня классикой, отдельно выделяется журналистом: «Он был русским солдатом, воевавшим с первого по последний день войны, которую, в отличие от писателей – "демократов", всегда называл Великой Отечественной... "Очернение всего и вся – самое страшное, что сейчас происходит", – говорил он, на дух не перенося "звериный антисоветизм", всю разгулявшийся уже после объявления свободы»²⁶. Солидаризуясь с позицией Рыбакова, представляя его одним из тех героев, которые никогда не предавали свои идеи, В. Шохина выражает отношение к оценкам советской истории. Она называет события 4 октября 1993 года, приведшие Российскую Федерацию от советской республики к президентской, «расстрелом Белого дома» и «безумным предприятием», отмечая, что Анатолий Рыбаков не поддерживал эти действия.

Анализ творчества Рыбакова в публикации дан эпизодически. Автор акцентирует внимание на образе Сталина, который создает Рыбаков в «Детях

²⁴ Шохина В. Человек нормы // Независимая газета. 1999. № 2. С. 7. Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

Арбата», при этом рассматривает его не с точки зрения художественной целостности или литературной значимости, а с точки зрения исторической достоверности: «Надо сказать, что Сталин вышел у Рыбакова – лучше некуда! Это, может быть, самый точный из всех Сталиных, созданный нашими писателями»²⁷, и тут же обращает внимание на раскрытие одной литературной мистификации: «Кстати, известную фразу: "Есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы", которую принимают за очередной сталинский *von mot*, придумал писатель Анатолий Рыбаков»²⁸. Для автора некролога объект историко-биографического описания является ценным с точки зрения фактов. Анализ творчества или отдельных текстов Рыбакова оказывается вне задач журналиста. Главная ценность писателя заключается в его исторической принадлежности к значительным событиям советской истории – от принятия Великой Октябрьской революции, участия в Великой Отечественной войне, через гонения и запреты цензуры в середине XX века, к демократическим изменениям 1990-х годов. Основными критериями оценки Рыбакова служат верность идеалам, причастность к группе писателей - «демократов», которые постоянно его окружали, принятие или непринятие тех или иных (диаметрально противоположных) общественно-политических изменений в стране. Все эти критерии оказываются неизбежно важными для автора некролога, потому что Рыбаков для неё – пример того, как человек сохраняет себя и свои убеждения в тоталитарном обществе, а значит, мера оценки исторической и современной действительности.

Главной чертой некрологов второй половины 1990-х годов является их соотнесенность с советской историей. Ушедший писатель представляется как борец с системой, преодолевающий испытания, сохраняющий мужество, достоинство, бесстрашие, человечность, не поддающийся на политические провокации. Общественно-политическая ситуация в России после распада СССР дарит ему свободу, которая ощущается читателем тем острее, чем сложнее были взаимоотношения писателя и советской власти.

²⁷ Шохина В. Человек нормы // Независимая газета. 1999. № 2. С. 7. Там же.

²⁸ Там же.

2.3. Публикации о писательских юбилеях

Обнаруживая видовую схожесть с некрологами, материалы о писательских юбилеях всегда гораздо шире и разнообразнее последних. В отличие от некрологов, в которых подводится итог творчеству писателя, в юбилейных статьях даются более осторожные оценки, подробнее излагаются биографические факты, творчество писателя включается в историко-литературный контекст.

Отдельное место материалы о писательских юбилеях занимают в контексте литературно-художественных журналов. Здесь они имеют все права на полноценное существование, здесь исполняют значительную функцию восстановления читательской памяти и открытия новых биографических сведений о жизни создателей великих произведений литературы. Главным ограничением на пути к разделению воспоминаний о классиках является узкая направленность таких изданий: дело в том, что широкий читатель с середины 1990-х годов более не обращается к «толстым» журналам. Их аудитория – человек, который обнаруживает в себе либо зачатки глубокого интереса к литературе и литературному процессу, либо уже включен в него по профессиональным или иным причинам.

Совсем иначе дело обстоит с газетами, чья специфика (информационность, скорость, сиюминутность) чаще всего не позволяет вторгаться тяжеловесным, наполненным рассуждениями и пояснениями, публикациям в пространство ежедневных изданий. Их читатель – ординарный представитель общества, в большей или меньшей степени включенный в социальный и политический контекст, обращающийся к классической, преимущественно отечественной литературе спорадически в сознательном возрасте, чаще – в школьные годы как к необходимому объекту изучения.

Сама литература в исследуемый период значительно меняет свою функцию особенно на самом простом, бытовом уровне – от необходимой каждому инструкции жизни к одному из способов отдыха. Став доминирующей, рекреационная функция вытесняет серьезную литературу из области

читательского внимания и интереса, вводит на замену беллетристику и бульварное чтиво. В таком измененном состоянии литература по-прежнему считается литературой, а мода на каждодневное чтение становится неизменным атрибутом собирательного портрета человека в 1990-е годы.

Складывающийся подобный образ литературы закономерно не вписывается в общую картину формирования гражданского сознания, и журналистское сообщество, с новой силой ощущая в себе потенциал к формированию магистральных гуманитарных ценностей, активно включается в процесс реставрации литературного наследия и воспитания читательского вкуса. Однако стремительное ускорение информационных потоков и необходимость соответствовать законам нового информационного общества порой ограничивают привычный инструментарий. Это связано главным образом с тем, что читатель каждодневных газет в первую очередь хочет получить актуальную информацию, несущую практический смысл и привлекающую его сиюминутным интересом к происходящему в стране и мире. Именно поэтому главным жанром газеты в эпоху новой, коммерческой, журналистики становится информационная заметка, короткая статья, а не масштабный репортаж или изящный, талантливый очерк.

Оценивая публикации о писательских юбилеях по предложенным параметрам, мы понимаем, что они не соответствуют ни одному из них. Актуальность подобного рода публикаций, конечно, является неоспоримым фактом, поскольку материал о писательском юбилее появляется к дате рождения или смерти автора. И, как правило, он быстро забывается после прочтения или же вовсе откладывается до никогда не случаемого завтра. Однако пристальное вчитывание в текст обнаруживает в нем огромный объем социально значимой, актуальной информации, рождаемой либо контекстом (то есть включенностью писателя в историко-культурное и социальное пространство эпохи), либо мета- или гипертекстом, либо подтекстом (прием мало распространенный во второй половине 1990-х годов).

Статьи, посвященные писательским юбилеям, по форме представляют биографические очерки часто с элементами критического описания творчества автора и часто напоминают некрологи. Однако некрологи с точки зрения привлечения читательского внимания отличаются от юбилейных статей большей актуальностью и потенциалом овладения вниманием читателя. Это связано с последней возможностью обратиться к еще живому и яркому образу писателя, чья земная история заканчивается сегодня. Этот компонент, основанный на «желании успеть в последний раз» и разделяет две формы публикации, близкие по содержанию и смысловому наполнению.

Материал о писательском юбилее предполагает большой спектр оценок юбиляра, позволяет автору искренне и честно выражать свои чувства, эмоции и оценку жизни и творчества писателя. Снимаются табу на широкое социальное использование имени писателя, о юбилее которого идет повествование в статье. Строго говоря, собственно юбилей может и не быть объектом описания, а только поводом для создания более широкого материала или цикла материалов.

Особенным образом звучат публикации о юбилеях писателей, чей жизненный и творческий путь еще не завершены. Яркий пример – материал о 65-летию Б.Н. Стругацкого в «Независимой газете» от 15 апреля 1998 года.

Названный, вслед за научно-фантастической повестью А.Н. и Б.Н. Стругацких, материал «Трудно быть Богом» представляет собой яркое и целостное описание общественной значимости и включенности писателя в непрекращающийся процесс трансформации идейно-нравственных идеалов. Открывая статью словами: «НА свете слишком мало людей, всерьез способных взять на себя и нести груз ответственности за деяния своего поколения. Персонифицирующих собой времена и повороты общественной мысли. Тех, с кого спрашивают за все и кого предпочитают не слышать. Потому как после двух-трех растерянных фраз, вышедших из их уст, все становится с головы на ноги и черное уже никому в голову не придет выдать за белое»²⁹, автор Максим

²⁹ Борисов М. Трудно быть Богом // Независимая газета. 1998. № 66. С. 7.

Борисов обращается главным образом к социально-воспитательной функции литературы вообще. Он создает определенный контекст, в котором братья Стругацкие, и в частности, Б.Н. Стругацкий, стоят рядом с И.Бродским, Б. Окуджавой и др.

При всех очевидных характеристиках подобных публикаций в общественно-политических газетах (постоянная борьба писателя с системой, утверждение определенной кастовости, основанной на интеллектуальном превосходстве, внутренняя, душевная победа над обыденностью и неизбывные страдания индивидуальности), в публикации присутствует очень важный не только для данной статьи, но и для всех статей о писательских юбилеях мотив «вневременного литературного пространства». «Они пришли из шестидесятых. И что еще содержат эти страницы, кроме конкретных ощущений и конкретных ценностей: Дружба, Любовь и Работа, вынесенных из конкретного времени? "Гадкие лебеди", "Град обреченный" или "Пикник на обочине" всякий раз открываешь как впервые: оказывается, всякое конкретное время, ощущения и мысли конгениальны любым временам»³⁰. Этот важный аспект так или иначе отражается в каждой публикации, где речь идет либо о творческом гении писателя. С помощью этого мотива формируется единое вневременное и почти безграничное пространство, в котором очень тесно между собой сплетены имена А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова, И.А. Бродского, А.И. Солженицына, А.Н. и Б.Н. Стругацких. В этом неограниченном литературном континууме и рождается общая русская идейно-нравственная парадигма, в которую постепенно на всех уровнях социализации встраивается читатель.

Идея свободы и противоборства является одной из главных в публикациях о писательских юбилеях, особенно если речь идет о «шестидесятниках». Самый близкий и значимый символ литературы и ее освобождающего потенциала, способность по-новому, ярко и призывно говорить с трибуны, умение вести за

³⁰ Борисов М. Трудно быть Богом // Независимая газета. 1998. № 66. С. 7.

собой народ – качества, которыми наделяются ярчайшие представители этого поколения. При этом они представляются как «строители поэтического слова», однако находящиеся в исключительном пространстве поэзии, созвучном времени, но и традиции вообще.

В материале, посвященном 65-летию А.А. Вознесенского, журналист Сергей Пепеляев называет «мушкетерской троицей» Б. Ахмадулину, Е.Евтушенко и А. Вознесенского, которого «<...> (и он давал тому повод) считали певцом урбанизма, научно-техническим революционером, не творцом, а строителем поэтического слова. И не видели порой столь, казалось бы, очевидного: "Ты музыка счастья, я нота разлада. //Ну что тебе надо еще от меня?"»³¹.

В публикации явно выражен мотив строительства новых идеалов и нового ощущения мира, новой реальности, в которой нет стесненности, а есть единение душевного и материального. «Вознесенский пластичен, ярок, ясен, но за "лесами" словесных конструкций у него вырастает не современное 125-этажное здание с пустыми окнами, а домик максимум в три этажа: чтоб были видны цветы и аквариум на подоконнике»³², – единство технической конструкции, заведомо наделенной качествами уютного, тихого места – домика – и одновременное соединение его с интерьерно-комфортными, одомашнено-природными вещами – цветы и аквариум – подтверждают авторское ощущение создания пространства, в котором удобно и легко поселяется душа человека, и это «шестидесятничское» пространство противостоит современному автору публикации миру, где в 125-этажных домах окна пусты.

С одной стороны, революционность и озорство, которыми наполняет Пепеляев образы шестидесятников Ахмадулиной, Вознесенского и Евтушенко, называя их «мушкетерами», с другой – материализация и перевод на бытовой язык идей и стремлений поэтов позволяют читателю предельно глубоко проникнуть в авторский замысел, почувствовать серьезную необходимость

³¹ Пепеляев С. Меня зовут XX век // Независимая газета. 1998. № 82. С. 7.

³² Там же.

создания, строительства общей идеи, реконструкции национального самосознания и поиска простых ответов на новые вопросы.

Эта задача автором заявлена также прямо и незавуалированно: «в стране, где стихи заменяют и церковь, и школу, и все остальное, лишь поэт может символизировать время»³³, «Вознесенский нужен сейчас не меньше, чем лет тридцать назад. Вознесенский, разумеется, не XX век. Но часть его. И часть России. Необходимая часть. И неотделимая». Последнее рифмуется с названием публикации «Меня зовут XX век», и дает еще один очень простой ответ на вопрос, «куда двигаться дальше».

Образ «писателя-революционера», «писателя-бунтаря», «писателя-мессии» усиливается в зависимости от героя описания, его значимости в истории страны и узнаваемости литературного имени. В общественно-политической ситуации России второй половины 1990-х годов огромную роль играет А.И. Солженицын. Влияние этого имени является исключительно важным в контексте идеи о выживаемости в тяжелейших тоталитарных условиях. К 80-летию Солженицына в «Независимой газете» публикуется материал «Сегодня Александру Исаевичу Солженицыну исполняется 80 лет. Жизнь не по лжи. Один человек побеждает целое государство».

Начиная публикацию с внесюжетного элемента – истории о том, как Александр Исаевич Солженицын не встретился с Владимиром Набоковым, автор, Игорь Золотуский, обосновывает изначально дихотомичное деление публикации, которое после выражается в поддержании идеи противоборства Солженицына против тоталитарности. При этом речь идет не только о Советском союзе, автор эскизно, как факт всем давно известный, отмечает основные шаги Солженицына – от «Одного дня Ивана Денисовича» до «Красного колеса». Описывая непреходящее напряжение между ним и многими, в частности, Набоковым, Сахаровым, своим народом, который уже почти забыл его имя, и даже постоянное, разрушающее личность изнутри противостояние

³³ Пепеляев С. Меня зовут XX век // Независимая газета. 1998. № 82. С. 7.

советского и западного, в котором Солженицын не мог в силу особого понимания жизни занять ни одну из позиций, создают и напряжение самого текста. Внутри него все как натянутая струна – от досадного, вызывающего огромное негодование и общую разочарованность случая в Швейцарии, когда Александр Исаевич проехал мимо гостиницы, где его ожидала семья Набоковых, до еще более напряженного невозвращения Солженицына в Россию вплоть до 1994 года. При всем скрытом в тексте явном смятении, которое испытывает Игорь Золотусский в процессе публикации (оно поддерживается и постоянно присутствующей личной оценкой журналиста тех или иных идей статьи), перед читателем появляется колоссальный образ писателя-героя. Мотив «писателя-мессии» здесь выражен исключительно ярко на основании фигуры героя повествования: «Исключительность и единственность, ставя Солженицына на недостижимый пьедестал, есть вместе с тем и причина его драмы – драмы одиночки, драмы неоспариваемого пророка в отечестве»³⁴.

Его непонятый и непринятый здесь, на родине, гений был принят и понят на западе, и это, пожалуй, огромная драма человека, который сражался каждый день за свою страну и за свой народ: «"Перестройка" началась с этого проигрыша в военной гонке, а не с "реформ" Яковлева и Горбачева. Маховик перемен раскрутили Рейган и Шульц, хорошо в свое время проштудировавшие книги Солженицына.

Через мироощущение Солженицына автор публикации передает и созвучное ему чувство необходимой внутренней борьбы, и указывает особый маршрут, по которому противостоящий несправедливости человек вообще, а не только грандиозный литератор XX века, должен пройти: «Отсюда религия цели и подчинение ей всего: жизни, любви, времени, энергии нервных клеток. Отсюда и лазерная концентрация воли, отвага, стихия которой все время пребывает под контролем разума, высокий вольтаж и непрерывность рабочего

³⁴ Золотусский И. Сегодня Александру Исаевичу Солженицыну исполняется 80 лет // Независимая газета. 1998. № 232. С. 8.

цикла»³⁵. Использование подобных описаний усиливает пафос высказывания, повышает градус его эмоциональности и расширяет канал принятия информации. А ощущение живого гения в личном, достигаемом пространстве действительности, при этом гения, являющегося проводником высоких нравственных идей, рожденных в глубинах индивидуального, а не коллективного сознания, обреченного на одиночество, но при этом обогащенного идеями гениальных писателей, ученых, музыкантов, философов столетия, вызывает в читательском восприятии чувство глубокой сопричастности и эмпатии.

Предлагая читателю пример постоянной борьбы и победы не столько над государством и системой, но в большей мере над собой, формируя образ писателя, по собственной воле и согласно собственным принципам полузабытый и отправленный на второй план, отсюда еще более живой, героический и жертвенный, автор публикации провоцирует на размышления о месте личности в процессе метафизического построения макромира, в который должна включиться объединенная национальная идея.

Особое внимание на страницах общественно-политических изданий уделяется признанным не только внутри страны, но и мировым сообществом, классикам литературы.

В номере от 9 сентября 1998 года в «Независимой газете» вышла публикация Дмитрия Быкова «Первый Толстой», посвященная 170-летию со дня рождения Л.Н. Толстого. Главная идея высказывания Быкова – «Толстой, удостоившийся на родине как неумеренных восторгов, так и неумеренных проклятий, до сих пор своей страной не прочитан и вряд ли будет прочитан вообще»³⁶.

Отталкиваясь от философских, религиозных, эстетических взглядов Толстого, автор материала неизбежно вписывает его в современный контекст.

³⁵ Золотусский И. Сегодня Александру Исаевичу Солженицыну исполняется 80 лет // Независимая газета. 1998. № 232. С. 8.

³⁶ Быков Д. Первый Толстой // Независимая газета. 1998. № 166. С. 7.

Все, что рассказывается о Толстом рубежа XIX – XX веков, рассказывается как о Толстом настоящем. Этот прием поддерживается общим, не обоснованным историческими фактами и сведениями умозаключением о том, что «<...> названия вещей своими именами Россия и не выносит. Более приблизительной страны мировое сообщество не знает. Отсюда любовь России к разнообразным тягучим, комковатым, вязким продуктам вроде киселя»³⁷.

Этим определяется совершенно особое место Л.Н. Толстого в метафизическом представлении о стране. Его произведения соотнесены с произведениями современников: «Из всех русских писателей он, пожалуй, наиболее чужд сентиментальности. Некрасов, Достоевский, даже Щедрин - все платили ей дань, и лишь у Толстого (очень слабого на слезы, по собственному признанию) жалобные, вышибающие слезу эпизоды крайне редки»³⁸. И при этом также связаны в сознании Быкова с литературой конца XX века «Дело в том, что сентиментальность - это некоторая преднамеренная редукция взгляда, вот как у Петрушевской или Чарской, которые ничего не хотят видеть, кроме узкой части спектра, кроме того, что вызывает надрывное, мучительное сострадание. Таких сентименталистов (и себя в том числе) не без мазохизма высмеял Горький в фельетоне "О мальчике и девочке, которые не замерзли". Толстой же видел ВСЕ - все видимое, разумеется, все, что можно потрогать; и оттого сентиментален он лишь в паре эпизодов «Детства»³⁹. Это сведение под один знаменатель литератур прошлого и настоящего позволяет автору рассматривать философско-эстетические нравственные характеристики эпохи вне временного континуума. Равенство эпох он принимает как аксиому, поскольку цель его – не представить Толстого героем своего времени, символом своей эпохи, но символом всей России, независимо от времени. Публикация начинается и завершается размышлениями о современности, потому что именно

³⁷ Быков Д. Первый Толстой // Независимая газета. 1998. № 166. С. 7.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

она заставляет еще раз внимательно и разборчиво обращаться к тому, что более ста лет назад уже сказал Толстой.

Важно заметить и то, что в рассматриваемом материале явно присутствует мотив потерянного поколения, характерный для многих публикаций о литературной жизни периода 1995 – 1999 годов. Он реализуется через необходимость поиска новой парадигмы развития общественной и частной мысли: «если мы хотим и дальше следовать какой бы то ни было морали и человеческим представлениям о добре, приплетать к этому имя Бога по меньшей мере нечестно»⁴⁰. Этические категории морали и добра в этом высказывании не определены, даны как абстрактные, общие метафизические понятия, уточняемые конструкцией «какой бы то ни было», которая обнаруживает отсутствие общего и целостного представления о дальнейшем пути. Этот мотив тесно связан с вариантами поиска, автор обращается к категории иррациональной, божественной, сути человеческого бытия и вместе с графом Толстым отвергает ее как понятную и доказуемую. Эта мысль, данная в финале публикации, гармонизирует текст, создает его единую ткань, возвращая читателя к начальной мысли «Для того, чтобы хоть приблизиться к феномену Толстого, понять его догмы, его отношения с церковью, нужно как минимум толстовское бесстрашие в назывании вещей своими именами. Между тем как раз называния вещей своими именами Россия и не выносит»⁴¹, и рифмуется с главным авторским посылом о невозможности точного и полного прочтения Толстого: «На самом деле Толстым нам еще мучиться и мучиться. Его угораздило родиться в стране, менее всего для него приспособленной»⁴².

В статье отсутствуют хвалебные отзывы или критические замечания по поводу литературных произведений Толстого, поскольку главной целью публикации является не частное воспоминание о нем, как о писателе, а

⁴⁰ Быков Д. Первый Толстой // Независимая газета..1998. № 166. С. 7.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

восстановление и повторное утверждение нравственных и моральных установок, которые классик передал через свое творческое наследие.

В своем исследовании, посвященном особенностям писательских юбилеев⁴³, Д.Р. Невская подтверждает концепцию И. Щеглова, который выделяет «три фазиса признания и увенчания заслуг великого писателя»: «эстетический», «педагогический» и «демократический». Первый связан с почитанием гения классика в очень узком кругу ценителей и поклонников его творчества, второй – с формальным введением его творчества в общественное пространство с помощью, например, включения в школьную программу по литературе, третий – с борьбой за имя писателя, которая разворачивается между различными группами интеллигенции и обывателями. Однако, по мнению Д.Р. Невской, существуют и последующие стадии признания литературного гения писателя, которые при этом четко не сформулированы и зависят от многих факторов. Рассматривая писательские юбилеи в контексте общественно-политических изданий второй половины 1990-х годов, возникает предположение о наличии «мировоззренческого» фазиса, когда идеи, выраженные в творчестве классика, утверждаются как некий рецепт дальнейшего формирования морально-нравственных установок. Проверенное поколениями, в случае с юбилеем Л. Н. Толстого, более чем вековое обращение к наследию писателя формирует в массовом сознании феномен авторской востребованности, а значит почти полной догматичности его идеалов. И эта уверенность в стойкости авторской правды превращается в серьезный инструмент формирования или изменения общих парадигм, которым очень часто и успешно пользуются журналисты. Факт появления публикации такого рода на страницах общественно-политического издания с самым широким и разнообразным кругом читателей усиливает значимость и интенсивность попыток трансформировать или создать единое морально-нравственное и культурно-эстетическое пространство в стране.

⁴³ Невская Д.Р. Три фазиса признания и увенчания. К истории первых юбилеев Гоголя // Новый филологический вестник. №1. С. 106-139.

Еще одним значительным материалом, вышедшим на страницах «Независимой газеты» является публикация «Сегодня Николаю Васильевичу Гоголю 190 лет» от 1 апреля 1999 года. По форме статья представляет собой не собственно биографический текст, посвященный Гоголю, а подробный разбор комедии «Ревизор», отмечая ее «особый стилистический знак, некое нетрадиционное художественное направление». В ходе анализа автор, Инна Вишневская, отмечает абсолютно новаторское гоголевское этическое и эстетическое понятие – «Душевный город», которым он заменил необходимость наличия положительного героя в драме. Эта литературная новация позволяет автору публикации соотнести Гоголя с Пушкиным, который «этого решительного шага не сделал», с Фонвизиним и Грибоедовым, чья сатира лишена понятия «катарсиса» и основана на одном только социальном негодовании. В этот момент в качественный литературо- и театроведческий (поскольку автор говорит и об особенностях постановок «Ревизора» на сцене), вторгается современная повседневность. Заявленная в заголовочном блоке мысль «Русское самозванство – особая национальная тема», проникает еще глубже в сознание читателя.

Постоянно повторяющаяся тема невозможности полноценного понимания гоголевского мастерства, соотнесенная с обобщающим представлением «русскости» как метафизической печати нации разрушает временные границы. При этом остается та же Россия, но в сконцентрированном времени, и Городничий, и Хлестаков, и Держиморда, и Добчинский с Бобчинским, о которых упоминается в публикации, становятся героями сегодняшнего дня, да и в целом это сегодня ничем не отличается от прошлого столетия. Этот прием совмещения вызывает в читателе несомненное стремление к проецированию себя через слова: «Каждый хоть раз бывал Хлестаковым, Городничим, замечает Гоголь, объясняя, как лучше сыграть его комедию»⁴⁴ на героев «Ревизора», проецированию современности на уездный город, в котором разворачивается

⁴⁴ Вишневская И. Сегодня Николаю Васильевичу Гоголю 190 лет // Независимая газета. 1999. № 58. С. 7.

действие комедии. Гоголь в данной ситуации остается немного в стороне, но не как повод для философского размышления или поиска морально-эстетических основ, а как полноправный герой публикации. И читатель воспринимает его уже не как незнакомого им лично писателя из прошлого столетия, а как лицо современное, имеющее не только право, но и возможность вызывать у них очищающий смех.

Автор открыто утверждает особую роль автора «Ревизора»: «Гоголь, никогда не разлучавший искусство с мессианством, долг гражданина с подвигом христианина. Здесь была его специфика, его ключевая мысль. И не случайно, наверное, называли Гоголя - Гомером и Данте России, именами художников, посмевших заглянуть не в одну свою действительность, но и в рай, и в ад, и в жилища богов и героев».

Утверждаемая Инной Вишневской героичность Гоголя, его априорное понимание невозможности полного контакта с читателем, актером, зрителем формирует и особый образ писателя – героя, писателя – мессии, чьи мысли и идеи будут приняты гораздо позже. В этом таится и некий соревновательный, очень провокационный компонент, заставляющий современного читателя газеты задуматься, может быть сейчас уже настало то время, когда Гоголь открылся, и может быть, именно я смогу понять его «открытый смех - внутренний, имманентный оживающей душе, которая не только плакать должна над преступными своими деяниями, но и смеяться над духовным своим уродством».

Таким образом, прямо не произнося особых торжественно-возвышенных слов о творческом гении Гоголя, автор статьи подспудно выдвигает имя классика на самый высокий пьедестал читательского внимания, сопереживания и соучастия. Сам же читатель, много раз спровоцированный журналистским текстом, обогащается духовно и нравственно в попытке дотянуться до гения.

И вписанный в литературно-исторический контекст Гоголь является тем самым механизмом, который соединяет в себе два соседствующие века под знаменем отечественной словесности, что в свою очередь доказывает

справедливость поиска новой парадигмы с постоянным обращением к идеям и идеалам, которые уже существуют в культурной национальной памяти.

Особое место в системе публикаций о писательских юбилеях на страницах общественно-политических изданий 1996 – 1999 годов играют статьи о широком и громком праздновании 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина. Материалы, приуроченные к этой дате, начали появляться в прессе задолго до самого юбилея, 5 июня 1999 года. Они носили эпизодический характер, но имя Пушкина уже начинало звучать, возбуждая в сознании читателя эмоциональный подъем и особую гордость за национальное достояние. Эти статьи, главным образом, информационные заметки, публиковались по поводу открытия нового памятника Пушкину, начала музыкального, литературного или иного конкурса, приуроченного к двухсотлетию поэта. Они образовали литературный контекст и продемонстрировали главную идею государства в области формирования культурного пространства. Журналисты, не пытаясь доказать априорный факт лидерства Пушкина в отечественной словесности, не предпринимая попыток утвердить его образ борца и антагониста современной ему власти, очень уверенно и крайне спокойно говорили о совершающемся духовном подъеме страны под всем известным и всеми принятым именем А.С. Пушкина.

Публикации в большинстве общественно-политических изданий непосредственно в день юбилея носили исключительно восторженный характер и поддерживали образ Пушкина–национального героя. Несколько иначе складывались редакционные отношения «Независимой газеты» с ажиотажем, который в рамках празднования юбилея был сфабрикован властями. На первой полосе номера от 5 июня 1999 года вышла статья «200 лет с Пушкиным», открывающаяся стихотворением 1825 года «Если жизнь тебя обманет...». Автор, Владимир Разуваев, в самом начале статьи выносит принципиально значимый оправдательный приговор поэту, необходимый для упоминания в общем контексте юбилейных торжеств: «Прежде всего, Пушкин научил нас любить Россию. Со всеми ее плюсами и минусами, достижениями и неудачами.

Любить и принимать как данное»⁴⁵. Эта мысль звучит несколько наивно и просто, но имеет особое значение, поскольку именно обвинение, а не почитание достаются великому русскому поэту в год его двухсотлетия. Значимость Пушкина переосмысливается через призму социальных и политических событий не только современной журналисту России, но и через соотнесение с историческим прошлым: «В 1937 году сталинский Советский Союз отмечал 100-летний юбилей со дня смерти поэта <...> Прошедшие с тех пор шесть или семь десятилетий пушкинизировали российскую жизнь и российскую политику. Высокая литература, тем более пушкинская, действительно способна на это. Особенно если она нравится детям. И запоминается ими на всю жизнь, диктуя сознанию модели поведения и подспудно с той же целью входя в подсознание»⁴⁶. И далее происходит полное соединение Пушкина и России конца XX века: «Демократические преобразования в нашем современном обществе не были бы и вполнину успешными, если бы не обязательное зазубривание в школьные (в том числе и в сталинский период) годы пушкинской "Вольности". Мало кто помнит ее наизусть, нам хватает одного названия»⁴⁷. В последней фразе выражается авторская ирония по отношению к тому, что имя поэта значит сегодня для обывателя. Но направлена она не в сторону Пушкина, осуждает и высмеивает не его надоедливый и вездесущий образ, и даже не простого человека, который с 1937 года непреднамеренно живет в «пушкинизированном» пространстве, а тех, чьей волей этот процесс был запущен, и тех, кто его интенсивно поддерживает: «И еще он приучил не столько нас, сколько власть имущих бояться слов "народ безмолвствует". "Верхи" плохо помнят Пушкина и вряд ли штудировали даже в детстве "Годунова". Они не могут сопоставить эту фразу с подлинной мыслью великого

⁴⁵ Разуваев В. 200 лет с Пушкиным // Независимая газета.1999. № 101. С.1.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

поэта. Они просто научились инстинктивно бояться безмолвия народа. И это, честно говоря, хорошо для того этапа, который мы сейчас переживаем»⁴⁸.

Действительно, современный Владимиру Разуваеву читатель очень специфически и аморфно относится к происходящему в стране, ищет не столько помощи, сколько оправдания, и когда ощущает это оправдание и, более того, спасение вне зоны своего комфорта, быстро превращается из просящего в обвинителя: «В нынешний переходный период, совпавший с 200-летним юбилеем со дня рождения поэта, мы заложили ноту отрицания даже в своем отношении к Пушкину»⁴⁹. Именно по этой причине самому автору публикации в самом начале необходимо было оправдать поэта. При этом народ, к которому автор причисляет и себя, готовый к разного рода допущениям и умолчаниям, подвергается справедливой критике журналиста: «И еще он научил нас терпению. Не тупому, бессмысленному и забитому, но гордому и осмысленному. Во времена сталинских чисток и макроэкономических экспериментов. Массовой коррупции и кремлевских интриг. Периодическому отъему денег у населения то со стороны контор типа МММ, то правительства, время от времени разоряющего своих граждан <...> Он научил всех нас за годы поголовного изучения его творчества бояться "русского бунта, бессмысленного и беспощадного"»⁵⁰. В рамках данной публикации проявилось двойственное отношение к истинному признанному гению не столько литературы: «Причем не только и не столько за гений и вклад в создание литературного языка, сколько за то, что он "чувства добрые... лирой пробуждал", "восславил свободу и милость к падшим пробуждал". Это - благодаря Пушкину - типично русское. И оно влияет на нас даже в периоды жесточайшей политической конфронтации и политического раскола общества»⁵¹, сколько вообще всей жизни начиная с первой четверти XIX века. Его образ – это квинтэссенция всего русского и

⁴⁸ Разуваев В. 200 лет с Пушкиным // Независимая газета. 1999. № 101. С.1.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

национально значимого, что может вместить себя человек, называющий себя гражданином своей страны. Эта двойственность является важным маркером разрозненности взглядов и воззрений, только-только собирающихся в общую национальную идею. И Пушкин, особенно в год празднования юбилея стал, пожалуй, главным символом этого объединения. Смелое проявление самоиронии – еще один важный урок, который получает читатель из этой публикации. Разуваев призывает читателя набраться храбрости и посмотреть на себя со стороны, а портрет нынешней эпохи уже давно нарисован Пушкиным и в «Борисе Годунове», и в «Капитанской дочке», и везде, где так или иначе присутствует его поэтический гений. С этой идеей рифмуются так удачно подобранные автором в самом начале публикации строки из стихотворения, которыми вслед за Пушкиным Владимир Разуваев говорит:

«Если жизнь тебя обманет, / Не печалься, не сердись!/
 В день уныния смирись:/ День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет; / Настоящее уныло:/
 Все мгновенно, все пройдет; / Что пройдет, то будет мило»⁵².

Эти же строки в значительной мере перекликаются и с общей позицией издания, в меру ироничной, в меру напряженной, в меру открытой и постоянно ориентированной на своего читателя.

Ирония, выраженная автором в статье, поддерживается на протяжении всего цикла публикаций о юбилее. В материале «Отроду не встречал я ничего роскошнее Тифлисских бань. Пушкина в Грузии помнят и чтут», корреспондент Нодар Броладзе представляет перечень важных событий в Грузии, посвященных памяти поэта: «В эти дни состоялось коллективное посещение бани членами делегации Культурной миссии пушкинистов мира. В ее составе литературоведы многих стран <...> Президент Грузии опубликовал самолично написанную статью о Пушкине в виде лиричного газетного эссе. День рождения поэта он назвал знаменательным днем, "когда господь явил людям вестника

⁵² Разуваев В. 200 лет с Пушкиным // Независимая газета. 1999. № 101. С.1.

Прекрасного, рыцаря Любви, одарил человечество поэтическим чудом", – пишет Эдуард Шеварнадзе»⁵³. И снова тонкие иронические выпады направлены в сторону тех, кто, по мнению автора, является выдуманным поклонником поэта, ситуативным почитателем и ценителем его произведения. А говоря о духовной силе и серьезном авторитете Пушкина, Броладзе отмечает его объединяющее и примиряющее значение: «Президент-координатор русского культурно-благотворительного общества Грузии профессор ТГУ Игорь Богомолов назвал на этой неделе победителей Всегрузинского конкурса школьников, посвященного юбилею. Учеников было не менее 2 тысяч - из русских, грузинских, армянских и азербайджанских школ, выступавших в пяти номинациях - литературное сочинение, художественная иллюстрация (рисунок), вокал, инсценировка и художественное чтение. Победители награждены дипломами и памятными подарками», а, цитируя слова министра Грузии В.Лордкипанидзе подчеркнул мысль: «Суверенная демократическая Грузия никогда не откажется от огромного духовного наследия, несравненной культуры русской нации", – подчеркнул он под горячие аплодисменты зала»⁵⁴, которая также звучит в унисон с идеей Э. Шеварнадзе: «Его поэзия воистину бессмертна, поскольку представляет собой незыблемый и вечный мост между людьми, народами и культурами. Именно сегодня Пушкин должен быть с нами, как никогда ранее»⁵⁵ и подходит к финалу напоминанием о том, что 1999 год был объявлен годом Пушкина, а значит, весь Мир отмечал это событие. Несомненно, представленные образцы иронических высказываний не носят самоценный характер, они лишь подчеркивают общие дихотомические тенденции Пушкин-герой – Пушкин-антигерой, их генезис, а их присутствие важно лишь в контексте утверждения общего исключительного положения поэта в пространстве русской культуры.

⁵³ Броладзе Н. Отроду не встречал я... ничего роскошнее тифлисских бань // Независимая газета. 1999. №101. С.5

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

В рамках рассмотрения цикла публикаций, приуроченных к юбилею А.С. Пушкина, важно обратить внимание и на репортажи, вышедшие постфактум, сообщающие о том, как страна отмечала большой литературный, культурный, общественный праздник. В них превалирует журналистское неудовольствие, а тонкая ирония превращается в открытые саркастические заявления: «Русские люди через сто лет после смерти Пушкина сделали из него, по слову Бориса Пастернака, члена Политбюро. Они же, но через двести лет после рождения поэта, сделали... А, собственно, что умели: и шоу, и бизнес, и рекламу, и лозунг в политической борьбе, а в сумме, общими усилиями - предмет национальной идиосинкразии <...> Пушкин, который, как известно, был оскорблен пожалованным ему государственным мундиром, ныне работает на власть, как никто другой. Правда, поэта о том, понятное дело, никто не спросил... Такова жалкая участь классика. "Поэт в России бо..." Но зато теперь можно сказать, что Пушкин не просто наше все, а наше все что ни попадя, чуть ли даже не кандидат в президенты»⁵⁶.

Журналистское сообщество, тактично и интеллигентно работавшее над возвращением полного, исторически честного и привлекательного образа народного, национального поэта столкнулось с огромной проблемой превращения празднования юбилея в политический фарс. И не могло не ответить на него яркими и острыми высказываниями. В «Независимой газете» на один день появилась рубрика «Юбилейный раж», в которой И. Золотусский, М. Скворцов и П. Белицкий разбирались в событиях 5 июня: «То был текст выписки из метрической книги Елоховской церкви от 1799 года о рождении великого поэта. Сразу после радиообъявления слово взял Юрий Лужков, с ходу назвавший Александра Сергеевича "выдающимся интеллигентом" и сообщивший народу весьма не проверенные сведения о том, что юбилей великого поэта отмечает весь цивилизованный мир, судя по всему, сам о том не подозревающий. Впрочем, может ли считаться цивилизованным народ, не

⁵⁶ Белицкий П., Заславский Г. Юбилейный раж. Кому нужны живые поэты, когда есть картофель «а-ля Пушкинь» // Независимая газета. 1999. № 102. С. 1.

знающий Пушкина!»⁵⁷. Передать настроение политической и имиджевой вакханалии, заместившей собой пристойное празднование юбилея, журналистам помогает не только сарказм, но и яркие сравнения: «Тихим утром 5 июня над Тверской площадью раздался громовой голос, сопоставимый с легендарными радиосводками Левитана о событиях на фронтах Великой Отечественной...»⁵⁸; «Владимир Костров, очевидно, загодя уполномоченный музой зачитать стихотворение собственного сочинения, посвященное российскому гению. В этом шедевре поэт уподобил Пушкина птице, а его стихи... рыбам, что "...плещут в сетях гениальных партитур!"»⁵⁹, «<...> через несколько минут и вовсе начался праздник. Запели дети, заиграли духовые оркестры, зашевелилась огромная голова Александра Сергеевича, установленная в сквере напротив "Макдоналдса", задвигалась его фанерная челюсть, а из замаскированных динамиков донесся голос Василия Ланового, читающий бессмертные стихи»⁶⁰ и др. И финальным аккордом звучит традиционное для «Независимой газеты» изречение мудреца Титуса Советологова: «Пушкин любил играть в карты. И - чуть не забыл - морошку. Впрочем, все это имело значение только до воскресенья. Солнце русской поэзии закатилось. Всем спасибо!»⁶¹.

Одной из принципиально важных задач автора публикаций о писательских юбилеях является создание единого культурного пространства, в котором явно выражены традиции отечественной литературы, определены генетические связи внутри сложного литературного организма. Использование разного рода мотивов, например, мотива «потерянного поколения», «борьбы с самодержавием», «борьбы с тоталитаризмом», «провозвестничества» и образов, таких, как «писатель-герой», «писатель-мессия», «национальный герой»,

⁵⁷ Скворцов М. Юбилейный раж // Независимая газета. 1999. № 102. С. 8.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Титус Советологов. Все! Солнце русской поэзии накатило... // Независимая газета. 1999. № 102. С. 1.

«символ эпохи», создает единую ткань публикаций о литературной жизни, а значит позволяет говорить о формировании единого литературного, и шире – культурного – портрета эпох.

Согласуясь с традициями западной литературной критики, биография писателя оказывается одним из наиболее востребованных компонентов материалов о литературной жизни. В публикациях о писательских юбилеях и некрологических статьях его образ формируется на основании биографических деталей, неопубликованных ранее интервью и дневниковых записей, а также частных воспоминаний друзей. В это же время авторы некрологов и статей о писательских юбилеях стремятся создать образ писателя – борца с тоталитарной системой.

Обращение к имени писателя в юбилейной публикации дает возможность журналисту не только транслировать свою мировоззренческую позицию и выполнять просветительскую функцию СМИ, но и говорить об остросоциальных и политических вопросах современности. Литература выступает маркером, выделяющим основные тенденции развития общественной мысли, а важнейшие имена, которые создают неделимое поле отечественной словесности, проявляют неустойчивость социальной и политической системы, а порой и обнажают её нежизнеспособность и крайнюю абсурдность.

Глава 3. Литературная критика в новых литературных журналах и сетевых проектах

Литературная критика в литературно-художественных журналах является неотъемлемой составляющей, несущей генетический код, прочно связывающий литературу и журналистику. Эта связь, очевидная в период расцвета литературной журналистики конца XVIII – XIX веков, приобретавшая новые формы в советское время, практически растаяла к середине 1990-х годов. Михаил Берг так описывает литературную ситуацию второй половины 1990-х годов: «Власть, сосредоточенная в поле литературы, в том числе и благодаря поддержке государством литературы в своих идеологических интересах, перераспределилась. Силу обрели утопии, использующие другие властные дискурсы, в том числе власть рынка. Перестройка разрушила советскую формулу предпочтения, наделявшего литературу особым статусом, и лишила литературу жреческой власти»¹. В этот период профессиональным литературным критикам и критикам-писателям, чьи высказывания не только являлись приметой качественного и авторитетного толстого журнала, но и становились часто фундаментом и основой для создания новых журналов, отведена специальная, отдельная роль.

В.Я. Лакшин говорит: «писатель, читатель и критик составляют, таким образом, некий литературный треугольник, все стороны, которого взаимосвязаны в литературном процессе»². Изданный в 1990-м году сборник его критических работ «Пути журнальные. Из литературной полемики 60-х годов», актуален как точка оппозиции к литературному процессу 1960-х. В исследуемый период компонент «читатель» из треугольника выпадает, а следовательно разрушается и сам треугольник. Критические публикации приобретают характер

¹ Берг М. О статусе литературы // Дружба народов. 2000. № 7. С. 191.

² Лакшин В. Пути журнальные: Из литературной полемики 60-х годов. М.: Советский писатель, 1990. С.74.

ингибиционных, направленных на авторефлексию, редко проявляется полемический потенциал литературной критики. Читатель остается один на один с неиссякаемым потоком самой разной литературы. В его читательский обиход входят явления массовой литературы, паралитературные произведения, многочисленные неудачные графоманские эксперименты. Литературная критика в этот непростой для каждого из участников литературного процесса период ищет способы самоопределения и путей понимания места, которое ей суждено занять в эпоху формирования новых правил литературной жизни.

По мнению самих критиков, активно осмыслявших свое предназначение в период революционных преобразований в литературном процессе постсоветского времени, этот институт стал фактически атавизмом старого, утратившего силу явления литературоцентризма, определявшего даже не столько движение (или стагнацию) потока литературных открытий, а в большей степени вектор общественной мысли и общественного сознания. Литературная критика согласно откровенным признаниям Н. Ивановой, С. Чуприна, А. Архангельского, В. Пустовой, М. Берга в 1990-е годы становится малопривлекательным и неконкурентным товаром интеллектуального производства и трансформируется в кастовое явление, доступное и востребованное ограниченным кругом читателей³.

Профессиональная литературная критика в основном осталась жить только на страницах литературно-художественных журналов, хорошо известных в новой России, но утративших былую популярность и славу из-за появления новых, часто коммерческих, изданий, пропагандирующих крайнюю открытость и откровенность. Эти новые издания, активно вторгшиеся в литературную жизнь, стали еще одним фактором воздействия на читательскую аудиторию. Тиражи

³ См. об этом: Архангельский А. Пепел остывших полемик // Новый мир. №1. 1996. С. 215 – 217., Берг М. Гамбургский счёт // НЛО. № 25. 1997. С. 210-214., Иванова Н. Между // Новый мир. № 1. 1996. С. 203 – 214., Иванова Н. Ностальгическое. Собрание наблюдений. М.: Радуга. 2002. 252 с., Иванова Н. Русский крест. Литература и читатель начала нового века. М.: Время. 2011. 381 с., Пустовая В. Толстая критика. Российская проза в актуальных обобщениях. М.: Изд. центр РГГУ. 2012. 416 с., Чупринин С. Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям.. М.: Время. 2007. 768 с.

«Нового мира», «Октября», «Звезды», так же стремительно упали к 1993-му году, как возросли в конце 1980-х.

Читатель взамен «толстых» журналов предпочел страницы оперативной, легковесной, сиюминутной газетной, а позже – Интернет-журналистики. Газетное, радиийное и телевизионное искусства очень быстро заменили собой идейную и идеологическую пустоту, появление которой литературно-художественные журналы не смогли предотвратить. Не смогли её предотвратить и литераторы, устремившиеся в сторону традиций западной литературы: «Сегодняшняя провинция почти перестала покупать книги, выписывать газеты и журналы. Согласно расхожему объяснению, из-за возросших цен на печатную продукцию. Это правда, да не вся. Если бы литературная генерация, пришедшая на смену выдохшимся соцреалистам, выработала новую национально-культурную мифологию, она, скорее всего, сомкнулась бы в конце концов с народным телом. Но она ударились в повторение задов европейской цивилизации, в неоавангардизм, концептуализм, конкретизм – на чью, собственно говоря, поддержку она собирается в таком качестве рассчитывать? <...> поражает прямо-таки младенческое недомыслие тех, кто, поливая ошарашенного читателя ушатами "срамной прозы" или иными мовизмами из постджойсовского набора, полагает, что служит литературному прогрессу, приобщая соотечественников к достижениям просвещенного Запада»⁴ – пишет в своей статье «Литпатриоты. За и против» в новом литературном журнале «Постскрипtum» Валерий Сердюченко. Этот неутешительный диагноз публицист и литературный критик ставит после серьезного анализа двух доминирующих во второй половине 1990-х годов направлений развития литературного процесса – патриотического консерватизма и литературного новаторского либерализма. Эта позиция проясняет и фатальное снижение читательской активности, а как следствие – тиражей литературных журналов, востребованности «толстожурнальной критики».

⁴ Сердюченко В. Литпатриоты. За и против // Постскрипtum. 1996. Вып.2. С. 289.

Газетная литературная критика во второй половине 1990-х годов оказывается более востребованной и читаемой, популярной и актуальной, но при этом, как и любой газетный материал, недолговечной. Газетная писательская и наряду с ней непрофессиональная критика с большим успехом в это время исполняют значительную социальную, просветительскую функцию, стараются изо всех сил принять форму скреп, необходимых для соединения разорванной связи между прошлым и будущим. Пытаются разными способами обеспечить и поддержать формирование общественного сознания новой России. Их трансформация в инструмент обслуживания читательских и издательских интересов уже проявляет себя в некоторых спорадически возникающих приметах. То тут, то там появляются публикации, главной задачей которых является не приближение литературы к читателю, а использование известной и надежной формы статьи о литературе для перестраивания политических взглядов и ориентиров у читателя.

Тем не менее главной задачей литературно-критических материалов остается просвещение через литературу и воспитание культурного человека. В это же время ушедшая, на первый взгляд, в тень литературной жизни «толстожурнальная» критика, обогатившись критикой филологической, сугубо специализированной, не исчезает, а лишь меняет вектор: теперь она ориентируется в большей степени на элитарного, интеллектуального читателя.

3.1. Сетевые литературные проекты в контексте развития литературного процесса

Не меняя принципиально инструментарий и темперамент, оставаясь живой и эмоциональной, литературная критика толстых журналов говорит о литературе как о неотъемлемом элементе формирования человеческого сознания, а не рыночных отношений. В этом её отличие от газетной литературной критики. Эта установка является границей между двумя видами литературы в исследуемый

период – представленной на газетной полосе и на страницах литературных журналов.

Это достижение относится к числу наиболее значимых и необходимых для упоминания в ходе обсуждения путей и направлений развития литературы в постсоветскую эпоху. Однако, на наш взгляд, есть и еще один, исключительно важный и мало исследованный аспект бытования литературно-критического высказывания. В период падения популярности литературы один за другим открываются литературные проекты и журналы, в интернет-пространстве создается единая площадка, на которой литературная критика получает возможность максимально приблизиться к читателю. Речь идет не только о новых литературных журналах постмодернистского толка, авангардистского направления, новой формы, но и о глобальном российском проекте «Журнальный зал», чье появление связано с осознанием и четким формулированием целей и задач литературной критики, литературной жизни и интеллектуальной литературы вообще: «Концепция эта — пишу это уже как куратор проекта — формировалась естественным образом, то есть вслед за изменением самой ситуации с положением литературы в сегодняшней России. В частности, с отменой идеологической и эстетической цензуры наша литература перестала быть еще и заменой для русского читателя свободной политической, общественной и религиозной жизни. Формула “Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан” утрачивает свою актуальность. Поэт нам интересен сегодня именно как поэт. И больше ничем»⁵. На волне угасания интереса к литературе и критике как к социальному институту родилось новое определение, сугубо эстетическое, культурное, оторванное от социального контекста. «Это отнюдь не означает, что художнику противопоказана публицистичность, острота политической и общественной мысли. Нет, разумеется, но мысль писателя в тексте его проверяется (испытывается на истинность) художественной убедительностью представленной картины. И эта проверка, на мой взгляд, самая суровая, ибо

⁵ Костырко С. Толстые журналы в сети // Знамя. 2011. № 8. С.237

бытовое, сегодняшнее, в художественном тексте каждый раз соотносится с бытийным (потому, собственно, он и художественный)»⁶, – отмечает Сергей Костырко, литературный куратор проекта. Максимальное приближение, главным образом, эстетической и культурно-просветительской функций литературы к читателю посредством Интернета позволило реализовать значительную идею и в какой-то мере объяснить продолжение существования «одной из самых “архаичных” институций литературы — толстых литературных журналов, возникших на рубеже XVIII—XIX столетий»⁷.

Литературные интернет-проекты направлены на популяризацию литературы и создают единое пространство, в котором соприкасаются новые и традиционные формы и направления не только современной литературы, но и литературно-критической мысли. Это позволяет читателю оценить целостный литературный контекст эпохи. Кроме того, читатель получает уникальную возможность без отрыва от работы, необходимости тратить время на поход в библиотеку, дополнительных расходов на оформление подписки, включиться в процесс осмысления литературной жизни, стать её активным участником и ощущать себя сопричастным литературному процессу.

Стоит отметить и тот факт, что в пределах одного информационного поля встретились «старые» и «новые» критики, прозаики, поэты, публицисты. Это соединение разрозненных к середине 1990-х годов частей одного целого, отечественной словесности, позволило наладить не только диалог поколений, но и диалог направлений и наметило пути значительного сближения разных литературных группировок и команд.

При том, что традиционные известные литературно-художественные журналы («Новый Мир», «Октябрь», «Дружба народов», «Знамя») входят в состав проекта с самого начала, так же, как и новые литературные проекты, основанные «Журнальный зал» («Арион», «НЛО», «Новая юность» и др.), площадка остается

⁶ Костырко С. Толстые журналы в сети // Знамя. 2011. № 8. С.237

⁷ Там же.

всегда открытой и меняется в зависимости от разных условий литературной действительности.

Развитие литературных интернет-проектов во второй половине 1990-х годов связано, главным образом, с духом времени, с необходимостью выходить в глобальное пространство. Для литературных журналов этот выход, на наш взгляд, оказывается очень удачным экспериментом. Помимо упомянутого «Журнального зала», в 1997 году в Интернете появляется старейший в России сетевой «Русский журнал», основанный Глебом Павловским, Маратом Гельманом и Сергеем Чернышевым. Он родился как электронный вариант нового журнала «Пушкин», первый номер которого вышел несколькими месяцами ранее. И печатный, и электронный проекты получили более чем положительные отзывы в общественно-политических изданиях: «После множества неудачных попыток коллективный гений российского образованного сословия произвел на свет дитя, обладающее всеми признаками жизнеспособности. То, что должно было случиться, случилось: вышел журнал, который интересно читать.

Во-первых, просто приличный журнал. Даже сильнее выразиться не жалко — маленькое чудо. Потому что полное впечатление, что он должен был появиться,— открываешь, листаешь: ну наконец-то. Вот кто-то и сподобился. Давно было пора, и даже и непонятно, отчего это раньше ни у кого ничего такого не получилось <... > Главное — как-то очень понятно, что в "Пушкине" будет что почитать. Понятно, что за пространство обозначено: оно открыто, и там есть жизнь»⁸. Однако стоит отметить, что основатели печатного журнала «Пушкин» и сетевого литературного «Русского журнала» не являлись профессиональными литераторами — их интересы находились в области политологии и политтехнологии. Открытие этих проектов в 1997 году демонстрирует крепкую связь общественно-политических интересов и литературного процесса, чем и было ознаменовано завершение дискуссии об уместности литературного

⁸ Новиков М. Час такой — не поздно и не рано. Первый номер журнала «Пушкин» // Коммерсант .1997. № 167. С.13.

патриотизма, развернувшейся на страницах новых журналов второй половины 1990-х годов⁹.

Еще одним значимым явлением литературной жизни второй половины 1990-х годов стало открытие в Интернет-пространстве литературного проекта «Вавилон». «Мы попытаемся представить здесь все многообразие актуальных сегодня поэтик (включая, в общем-то, и вполне традиционные, но, как нам кажется, не исчерпанные до конца) в виде Антологии современной русской литературы (преобладать будет – по крайней мере, поначалу, – поэзия), а также через представительство ряда важных для нынешнего литературного процесса периодических изданий»¹⁰, – отмечается в пресс-релизе, посвященном открытию сетевого проекта. Одной из важных его функций является структурирование литературного пространства и создание литературного контекста эпохи.

Создатели этого проекта поставили эксперимент: они не только собрали на одной площадке разные поколения писателей и критиков, но и представили самый широкий спектр литературных направлений, предлагавших читателю совершенно новые темы, способы интерактивного взаимодействия и неожиданные подходы к литературе: «В 1997 году Союз молодых литераторов "Вавилон" благодаря поддержке Артемия Лебедева открыл свой сайт в Интернете. Ядром сайта стала виртуальная антология современной русской литературы (с упором на поэзию), охватывающая все поколения, но выражающая именно это, сформированное поколением "Вавилонна", литературное мировоззрение. В это время в литературном Интернете доминировали проекты авторов-дилетантов, создававшие, по сути дела, некий искаженный параллельный мир, и сайт vavilon.ru позиционировал себя прежде всего как полномочное сетевое представительство профессиональных литераторов – понимая под профессионализмом не только и не столько профессиональную легитимацию, т.е. признанность теми или иными авторитетными институциями, сколько напрямую

⁹ Сердюченко В. Литпатриоты. За и против // Постскриптум. 1996. Вып.2. С. 289

¹⁰ Что это такое. Пресс-релиз 1997 года // Вавилон. Современная русская литература URL: <http://www.vavilon.ru/xplain-old.html> (Дата обращения: 10.07.2015). Загл. с экрана. Яз. рус.

отражающееся в текстах авторское самоопределение: профессионал в искусстве – тот, кто осмысленно располагает себя в контексте современной литературной ситуации»¹¹. В одном информационном поле работали вместе Александр Секацкий и Алексей Пурин, Валентина Полухина и Елена Фанайлова, Глеб Морев и Сергей Гандлевский, Игорь Вишневецкий и Дмитрий Бавильский, а также многие другие литературные критики, эссеисты, поэты и прозаики разных поколений и часто разных идейных направлений. Этот эксперимент успешно осуществлялся на протяжении 7 лет, однако из-за активного вхождения в литературную жизнь в середине первого десятилетия XXI века другого «нового поколения», чьи позиции не совпадали с позициями создателей проекта, его как проект младшего литературного поколения пришлось приостановить и уйти на новую площадку – проект «Арго», открывшийся в 2006 году. Многие критики, эссеисты, обозреватели, начинавшие свой путь в проекте «Вавилон» в конце 1990-х – начале 2000-х годов перешли в традиционные журналы: Валентина Полухина стала публиковаться в «Новом мире», Игорь Вишневецкий, Александр Секацкий – в «Октябре», Глеб Морев – в «Новом литературном обозрении» и «Знамени».

В период с 1995-го по 1999 год в Интернете появлялись и другие литературные ресурсы – «Современная русская литература» Вячеслава Курицына, «Остракон» Александра Бараша, «Друзья и знакомые» Александра Левина, «Text only», открытый группой литераторов: Даниилом Давыдовым, Сергеем Завьяловым, Ильёй Кукулиным, Евгенией Лавут и Станиславом Львовским. Их открытие настойчивое желание установить с читателем Интернет-общение, однако наибольший интерес представляют три ранее упомянутых сетевых литературных проекта, поскольку они наиболее полно и успешно выполняли контекстообразующую функцию, заложенную в идее их создания.

Особенность сетевых литературных проектов второй половины 1990-х годов заключается в их максимальной приближенности к традиционным

¹¹Что это такое. Пресс-релиз 1997 года // Вавилон. Современная русская литература URL: <http://www.vavilon.ru/xplain-old.html> (Дата обращения: 10.07.2015). Загл. с экрана. Яз. рус.

печатным литературным журналам, а значительным преимуществом становится возможность создавать единый литературный контекст, учитывать региональные издания, предоставлять безграничный доступ к материалам или анонсам номеров самой широкой читательской аудитории.

Исследуемые нами сетевые литературные проекты, несомненно, являются предшественниками 4-х основных типов, которые определяет Е.Г. Елина в процессе исследования функций читательской литературной критики в Интернете: онлайн версии бумажных изданий; сайты и сообщества, публикующие материалы о литературе; персональные блоги и сайты о литературе, позволяющие оставлять комментарии; коммерческие книготорговые сайты¹². Однако они лишены главного признака всех перечисленных типов – интерактивности в форме оперативных читательских комментариев. Благодаря литературным сетевым проектам, читатель может получить свободный доступ к публикациям, включиться в литературный контекст и максимально широко проследить движение литературного процесса. Любопытно отметить, что в литературном Интернете сохраняется и возможность медленного, слово за словом, прилежного и внимательного чтения, и чтения поверхностного, с пропусками, для скорейшего достижения конца произведения, о чем говорит Р.Барт в работе «Удовольствие от текста»¹³.

3.2. Литературная критика в новых литературных журналах и альманахах

Особого внимания на карте литературного пространства России второй половины 1990-х годов заслуживают новые журналы, образовавшиеся на волне сопротивления читательских запросов традиционному литературному

¹² Елина Е.Г., Фризен М.А. Формы и функции читательской литературной критики в Интернете // Филология. Сб. науч. ст. в честь 70-летия профессора Валерия Владимировича Прозорова. Саратов, 2010. С. 259-272.

¹³ Барт Р. Удовольствие от текста // Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

предложению. Литература оказалась включенной в контекст общей культурной жизни, объектом литературно-критических усмотрений стали связи художественного текста с музыкой, театром, кино, историей, философией.

Литературные критики в литературно-художественных журналах второй половины 1990-х годов крайне редко говорят о поэзии. Обязательно публикуются стихотворения современных поэтов, самые известные имена среди них – Тимур Кибиров, Бахыт Кенжеев, Александр Кушнер, Дмитрий Пригов, Лев Рубинштейн, редко, от случая к случаю, публикуются приуроченные к ситуации стихи Иосифа Бродского. Для знакомства с современной поэзией читателю было необходимо обращаться к специальным изданиям, которые начали активно появляться в медиапространстве постсоветской России. Некоторые из них – в качестве отдельных проектов, ярко ворвавшихся в литературный процесс и тут же исчезнувших, например альманах «Поэзия и критика». Некоторые на постоянной основе, с явными планами на долгое существование – «Митин журнал», альманах «Риск», «Вавилон», «Постскриптум», «Арион» и т.п. Многие новые журналы отсчитывают свою историю, начиная с середины 1980-х годов – тогда они появились на литературной арене как самиздатовские издания, а к середине 1990-х стали печататься наравне с традиционными. Среди них: «Вавилон», «Митин журнал», «Риск», либо под знаком известных литературных журналов – «Соло» под эгидой «Независимого литературного обозрения» или альманах «Urbi» под покровительством журнала «Звезда».

Обращение к этим изданиям кажется нам необходимым, во-первых, потому что их авторы – яркие, темпераментные, самобытные литературные критики, чьи имена широко не известны массовому читателю, но без которых немыслима литературная жизнь второй половины 1990-х годов. Многие из них войдут в число ярких литературных критиков традиционных литературных журналов и будут печататься там наравне с критиками-восьмидесятниками, которые во второй половине 1990-х годов не удостоивали это новое поколение вниманием. Во-вторых, здесь же наравне с молодыми, неизвестными писателями публикуются прозаики и поэты, чьи имена давно уже вошли в повседневный

литературный обиход. В-третьих, создателями, редакторами или кураторами этих журналов часто были уже признанные исследователи литературы и литературные критики, работающие в основном русле литературного процесса, и их экспериментальные поиски на новых площадках, несомненно, приводили к интересным результатам.

3.3. Литературная критика о поэзии

Особое место в системе «новых» литературных журналов занимает поэтический «Арион». В нем плодотворно соединяются литература и практически все виды искусства. В поиске неожиданных точек их соприкосновения рождаются системные выводы, определяющие не только собственно литературный контекст, но и общее понимание современной культуры. А полем для этих соприкосновений является литературно-критическая публикация. Здесь конструктивным разбором поэзии и разработкой теоретических обоснований развития современной поэзии занимаются Юрий Орлицкий, Михаил Айзенберг, Игорь Шайтанов, Вера Терехина и другие литературные критики, эссеисты, филологи.

Обратимся к тексту статьи Татьяны Чередниченко, которая, дополняя обширный литературно-критический и филологический анализ творчества поэта Тимура Кибирова музыкаловедческими терминами, создает фактически новый тип публикации. Статья «Песни Тимура Кибирова» вышла в журнале «Арион» в 1995 году. Основной опорной точкой в анализе поэтических произведений Кибирова является его соотнесенность с музыкальной традицией, главным образом восходящей к фольклору разных народов. Разъясняя особенности схемы «ядро+развертывание», автор переходит к наблюдениям сугубо музыкаловедческим, лежащим в плоскости осмысления фольклорного творчества и песенных штудий. Однако опасность углубиться в сугубо музыкаловедческое исследование автором статьи предотвращена в самом начале текста: «По Хайдеггеру, поэзия, познавшая вес слов, – всегда песня, а песня, познавшая

собственную суть, – всегда хвала»¹⁴. Этим вступлением Т.В. Чередниченко утверждает правомочность рассмотрения поэзии Кибирова не с точки зрения литературных категорий, а, главным образом, опираясь на музыкальное исследование. Такой ракурс позволяет по-новому посмотреть на творчество поэта и обнаружить стойкие, неразрушимые связи между поэзией и музыкой.

Автор публикации скрупулезно прорабатывает ту часть своего исследования, в которой рассматривается музыкальная основа творчества Кибирова, и в меньшей мере является убедительной в процессе непосредственного рассмотрения словесной составляющей. В большей степени сбиваясь в культурологическое, очень обобщенное исследование, Татьяна Чередниченко порой навязывает читателю практически не существующие категории: «Дело еще и во внетематическом моменте – архетипической антитезе "капусты" или "грибов", "утверждающих" жизнь, и "СПИДа" или просто "геморроя", жизнь "отрицающих"»¹⁵. Фантастические выводы о символике бытовых элементов «капусты», «грибов», медицинских, укоренившихся в общественном сознании как непроизносимые – «геморрой», «СПИД» и др., с одной стороны выявляют в авторе некоторую склонность к рассуждению на общекультурные, общефилософские темы, в которых объектом исследования являются без исключения все элементы человеческого бытия, не вписанные в конкретный культурный, традиционный или историко-литературный контекст. С другой стороны, эта слабая сторона, которая по привычке, сформированной чтением общественно-политических, литературно-художественных журналов, должна быть как раз максимально укрепленной теорией, фундаментальными исследованиями на предложенную тему, позволяет читателю глубже войти в процесс формирования литературной метафизической действительности. Такая форма исследования дает возможность читателю самостоятельно проанализировать примеры, подобранные в хаотичном порядке, заставляет его внимательно перечитать или открыть для себя заново поэзию Кибирова. Таким

¹⁴ Чередниченко Т. Песни Тимура Кибирова // Арион. 1995. №1. С. 54.

¹⁵ Там же.

образом, вольно или невольно, автор публикации решает как минимум две значительные культурологические задачи – погружение читателя в мир музыкального исследования современной поэзии и формирование поля для самостоятельного размышления о литературных образах, архетипических компонентах поэзии Кибирова и его включенности в современный историко-культурный контекст.

Подтверждает свои размышления об особой значимости избранных Кибировым образов Татьяна Чередниченко примерами из очень близкой истории: «Здесь как раз и необходимо перейти от "песни вообще" к конкретному песенному репертуару советской эпохи, который для Кибирова представляет едва ли не главный резервуар цитат и аллюзий. Что далеко не случайно. В выборе именно таких – песенных – вех времени Кибиров точен не только как поэт, но также едва ли не как исследователь-культуролог»¹⁶. Для исследователя важным оказывается сравнение современного ей Кибирова с песенной традицией, которую он, по справедливому её утверждению, впитывает, являясь непосредственным действующим персонажем названной эпохи. Однако, с культурологической точки зрения, автор статьи не выходит дальше рамок осмысления стихов через бытописательские особенности советского времени, не включает в этот несомненный источник цитат, аллюзий и реминисценций гораздо более глубокое и широкое поле национальной словесности, фольклорные практики, о которых говорит в самом начале публикации. Таким образом, Чередниченко отказывает Кибирову в более глубоком ироническом осмыслении бытописательных компонентов, которое, как следует из отрывков, приведенных автором публикации в тексте, очень близко поэту. И вдруг читателю в этом самостоятельном дообследовании текста открывается новый образ поэта, тесно связанного не только с традициями плача, причитания, пародирования и высмеивания, но и с традицией натурального бытописания, имитирующего в данном случае абсолютную свободу мысли и социальную свободу.

¹⁶ Чередниченко Т. Песни Тимура Кибирова // Арион. 1995. №1. С. 55.

В публикации Чередниченко также находит свое подтверждение и мысль о том, что литература всегда шире, чем просто раздел культуры. «Благодаря гибкости и безграничным выразительным возможностям слова литература способна вбирать в себя элементы художественного содержания любого искусства. Литературе доступно все, что доступно слову, а слову доступно все, что доступно человеческой мысли и чувству»¹⁷. Описывая музыкальность поэзии Кибирова, используя инструмент литературно-критического разбора текста, автор соединяет два направления в искусстве – литературу, поэзию, и музыку в фольклорной, песенной ее части. В этом соединении при несомненном утверждении крайне близости поэзии и музыки вообще, автор находит новые связи и разбирает новые узловые моменты, актуальные во второй половине 1990-х годов.

С точки зрения познавательной функции критики, статья Татьяны Чередниченко несомненно ценна и достойна читательского внимания, но она обращается к исследованию соприкосновения поэзии и музыки, адресована особой, очень немногочисленной группе читателей. Работа в большей мере тяготеет к филологической критике. По своему научному стилю, по использованию в тексте сухих и четких схем публикация в двойственности «литература – действительность» в большей мере стремится к исследованию собственно литературы, выключая Кибирова из современной ему действительности, подменяя её действительностью, которая могла когда-то оказать на него влияние в рамках фольклоризации и натурализации его поэзии.

Несколько иначе, но тоже выходя за рамки сугубо литературного дискурса, о поэзии рассуждает философ, культуролог, критик Константин Фрумкин в журнале «Комментарии». Ход размышления и его основные итоги представлены в философском комментарии «Мистика ритма», где автор говорит не столько о конкретных поэтах или направлениях, сколько о поэзии вообще, представляет её как некий метафизический способ общения с Вселенной: «Впрочем, а что такое

¹⁷ Борев Ю. Эстетика. М., 1969. С. 313.

однородность как не континуум, в котором упаковано бесконечное разнообразие ритмов? И что бы ни придумал поэт, какой бы новый ритм ни создал - ему не выйти за пределы ритмической неисчерпаемости Космоса»¹⁸. Встраивание литературы в космическое пространство и её соотнесение с метафизическими категориями демонстрирует особую роль поэзии в системе восприятия окружающей действительности. Поэзия в данном случае рассматривается как прямая производная физических законов Вселенной и подчиняется им беспрекословно: «Здесь хорошо применить слова культуролога Лео Фробениуса, относящиеся не к поэзии, но подходящие лучше всего именно к ней: "Действительность природного ритма в становлении и движении захватило внутреннее чувство человека, и это привело к необходимому и рефлекторному действию". Поэзия, таким образом, в наиболее наглядной и утрированной форме воплощает то, что, как сказал Георгий Гурджиев, "...необходимо рассматривать Вселенную, как состоящую из вибраций". Поэзия есть вибрация слова. Но это не просто вибрация»¹⁹. Подобное отношение к форме искусства слова говорит о недостаточности только литературно-критического или сугубо филологического обследования литературы. Философские комментарии выводят стихи к категориям надлитературным, поскольку их проникновение в жизнь на разных уровнях – от бытового до космического – позволяют применять к ним инструментарий самый неожиданный, часто выходящий за рамки научного исследования или эссеистики, но необходимый тогда, когда все ресурсы человеческого знания направлены на восстановление мировоззренческих основ.

Чем больше актуализируется само литературное произведение, чем точнее и ярче оно отвечает на вызовы современности, тем критик более социально ориентирован, тем проще и понятнее перед ним задачи по соотнесению и включению художественного произведения, представляющего собой эстетический культурный элемент, в общественно-социальный контекст. В этом

¹⁸ Фрумкин, К. Мистика ритма // Комментарии. URL: <http://www.commentmag.ru/archive/10/16.htm> (Дата обращения 5.11.2015). Загл. с экрана. Яз рус.

¹⁹ Там же.

внутреннем компромиссе между критиком и писателем выражается своеобразная примета литературно-критических публикаций второй половины 1990-х годов. Если произведение социально актуализировано, то и критика будет максимально общественно ценной, публикация будет включена в социально-политический контекст, а если произведение не представляет собой точный документ эпохи и доля художественного вымысла в нём значительна, то литературно-критическая статья будет ориентироваться не на реальность, породившую авторский замысел, а на само произведение. Главным в этом случае будет текст, а не контекст.

Провозглашенный во второй половине 1990-х годов литературными критиками конец литературы затронул все её виды. И если о прозе еще говорят на страницах традиционных «толстых журналов», то о поэзии – практически нет. Но даже те, кто продолжает процесс осмысления русской поэзии нового времени, утверждают, что осмыслять, по большому счёту, практически нечего: «Как-то все странно оборвалось: любили-любили поэзию и поэтов и вдруг разлюбили. Конечно, свято место пусто не бывает, и на вдруг опустевшем пространстве виднеется несколько фигур, обменивающихся высокими комплиментами: Кибиров говорит, что первый русский поэт на сегодня Пригов, не знаю, говорит ли то же самое Пригов Кибирову, но кто-то говорит... И все это почти правда. Канула советская Атлантида, но на берегу резвятся несколько не очень (и даже совсем не) молодых людей, обещающих собрать не то пять, не то десять тысяч стихотворений (у них еще плановое ведение хозяйства) из остатков и обломков советского языка»²⁰. Литературный критик, литературовед Игорь Шайтанов объясняет генезис поэтического забвения особой оторванностью поэта от своего читателя. Увлеченные экспериментами в условиях абсолютной культурной, литературной, языковой свободы, поэты слишком далеко ушли в сторону от своего адресата: «Поэзия же, не очень интересуясь результатами опросов, справляет карнавальные поминки и весело перебирает обрывки цитат, как старый,

²⁰ Шайтанов И. В жанре эпилога // Арион. 1995. №4. С 77.

иногда трогательный, чаще абсурдный, хлам. Перебирает, примеривает, перекраивает... В общем, карнавализует»²¹.

Литературные критики второй половины 1990-х годов, печатающиеся во вновь образованных журналах, говоря о поэзии, стремятся обобщить новые явления литературной жизни, выстраивая иерархические ряды. Структуризация живого, динамичного литературного процесса исследуемого периода становится одной из отличительных черт новой литературной критики. Желание собрать воедино разрозненные фрагменты литературного процесса и стремление придать хаотично развивающейся литературной ситуации первого постперестроечного десятилетия системный характер главным образом свойственны критикам новых журналов.

Поэтический журнал становится в авангарде этого движения, поскольку поэзия с середины 1990-х годов, с одной стороны, испытывает снижение читательского внимания, а с другой – оставленная фактически на периферии литературной жизни, оказывается настолько разнообразной, экспериментальной и внесистемной, что придание ей определенной формы становится естественно необходимым и неизбежным процессом. Однако было бы несправедливо говорить о жёстком процессе систематизации и классификации. При всем стремлении формализовать поэтическое творчество критики оставляют за поэтами и поэзией свободу и простор для уникального авторского высказывания, для эмоционально-чувственного, лирического переживания эпохи, отражающегося в форме стиха.

Размышляя о поэтическом направлении «конкретизм», поэт и критик, эссеист Михаил Айзенберг в «Арионе» отмечает: «Русский конкретизм – прежде всего разрыв с инерцией стихосложения. В поэтический язык вросло столько обязательного – обязательной лексики, обязательного пафоса и сентиментальности – что, похоже, работать он мог только на холостом ходу.

²¹ Шайтанов И. В жанре эпилога // Арион. 1995. №4. С 77.

Никакая реальность уже не стояла за его рутинными, почти ритуальными формами»²².

И далее: «Конкретизм – искусство точечное и точное. Искусство невероятно серьезное, пуристское, аскетическое. Нет для него ничего страшнее, чем увлечься, обмануться и указать на мертвое как на живое. Конкретизм говорит только то, что знает наверняка, в чем уверен абсолютно, как в тех основных и ближайших вещах, которые не способны изменить свою природу ни при каких условиях. Это опыт языкового выживания»²³.

Объясняя основные положения этого направления, Айзенберг прибегает к риторике и стилистике, в которой пишут сами конкретисты. Он использует очень простые и доступные номинации для утверждения главных постулатов конкретизма. Противопоставляя его поэзии, наполненной обязательным пафосом и сентиментальностью, он сравнивает конкретистскую поэзию с уколом, ультразвуком, подтверждает нестиховую природу этой поэзии. Один из главных героев размышления Айзенберга – Ян Сатуновский, приверженец, по словам автора публикации, эстетики отказа, которая обернулась приобретением; маргинал, полуизвестный поэт, который дал возможность поэтам Лионовской школы к началу 1990-х годов, ощутить себя не новаторами, а наследниками непризнанного, неслышанного поэтического направления. В этом герое автору важна его литературная биография, обеспечивающая символичность фигуры – еще в конце 1930-х годов Сатуновский обнаруживает основные признаки поздней поэтики – «Авторский голос и подразумеваемый комментарий необъяснимым образом существуют даже в тех стихах Сатуновского, которые сделаны по типу "готовой вещи" и состоят только из обрывков чужой речи и газетной бестолочи»²⁴. Таким образом, он оказывается носителем особой литературной традиции, окрепшей и возросшей в поэтическом пространстве в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Для сочувствующего критика второй половины 1990-х годов

²² Айзенберг М. Точка сопротивления // Арион. 1995. №2. С. 134.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

этот показатель является исключительно важным, поскольку он отменяет широко распространенную идею о деструктивной силе всех новых направлений и течений в литературе. Сама публикация Айзенберга крайне похожа на речь адвоката на судебном процессе: абстрактному обвинителю доказывається, что конкретизм – явление в поэзии значимое, созидательное и перспективное: «Мы привыкли соотносить искусство с другими материями и искать его в сакрализованной области "высокого" и "вечного". Против автоматизма, машинальности такой отсылки и борются конкретисты. Против замыкания поэзии в границах языка, маркированного какой-то особой принадлежностью. Но вовсе не за то, чтобы поэзия изменила своей возвышенной природе. Перемещение и изменение форм для поэзии – способ остаться собой в меняющихся обстоятельствах. Это в сущности охранительная реакция»²⁵. Это объяснение, конечно, с подтекстом – первый, сразу считываемый информационный посыл, направлен к читателю, которому автор объясняет, что такое конкретизм, подготавливая его, обучая способам прочтения и восприятия новой поэзии. Второй – в сторону критиков, отстаивающих позицию сохранения художественной ценности литературы: это и наследование определенной поэтической традиции, и разговор о новых исканиях поэтического искусства, которая «выясняет свои крайние возможности»²⁶, и утверждение того, что «поэзия всюду – и нигде. К ней нельзя "обратиться", с ней можно только внезапно совпасть. Удача такого совпадения должна быть предельно очевидна – уже необязательно как-то дополнительно подтверждать литературную принадлежность вещи и специально оснащать ее стиховыми признаками»²⁷. Приведённая точка зрения лишает поэзию конкретистов её художественной составляющей, обосновывающей место поэтического пространства в другой реальности, что полностью соответствует основам конкретизма и базируется на главных его постулатах.

²⁵ Айзенберг М. Точка сопротивления // Арион. 1995. №2. С. 136

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С 137

Наряду с критиками новой формации в «Арионе» публикуются и критики-шестидесятники, некоторые из них весьма враждебно настроены против новой литературы. В своих ярких и логически выверенных статьях они с большим недоумением смотрят на современную поэзию. Один из «стародумов» – Станислав Рассадин пытается очень активно и настойчиво доказать, что новая литература, новая поэзия – это проходящее явление, не имеющее ничего общего с классикой русской словесности. Для него точкой отсчета новаторства в поэзии является, конечно, «шестидесятничество». Уже эти эксперименты со словом и стихом Рассадин воспринимает настороженно: «Помню, в своей очень давней статье о Вознесенском, поводом для которой была нашумевшая тогда "Оза", я зацепился за одну курьезную странность, казавшуюся необъяснимой <...> Странность же была вот в чем. И "Оза", и иные, соседствующие, стихи поразили меня обилием, говоря без обиняков, плагиатов. По словцу Бурлюка, пересказанному Маяковским, было похоже на дорогу в Полтаве: кто ни пройдет, галошу оставит. Мелькали Жуковский и Северянин, Маяковский и Заболоцкий, но больше всего галош оставили Пастернак и Цветаева <...> Постмодернизмом тогда не пахивало, слова "центонность" в ходу не было<...>».²⁸ Проводя параллель между поэтами-шестидесятниками и современными поэтами, Рассадин стремится к стратегии обобщения – ему важно подчеркнуть мысль, что истоки постмодернистской поэзии находятся в поэзии шестидесятников, и внешнее различие между этими поэтическими периодами в русской литературе на поверку оказывается сходством: «<...> наше время стихов, время общественного подъема, время, избаловавшее своих стихотворцев заранее обеспеченным вниманием изголодавшегося и неразборчивого читателя, в общем, это время располагало ко вседозволенности.

Этически оно было – у-у, строже самого строгого, но вот эстетически...

Оно тогда не стало временем поэтов – то есть временем одиночек, которых всегда мало или, во всяком случае, меньше, чем хотелось бы, и которые плохо,

²⁸Рассадин С. Время стихов и время поэтов // Арион. 1996. №4. С.81.

сварливо складываются в школы, течения, генерации. Наступило ли это время сейчас? По видимости – о да! Чего, чего, а школ и кружков – пруд пруди: бездарность, всегда тайно неуверенная в себе и оттого агрессивная, завербовывает талант; талант, самохвальством по природе не наделенный, прислоняется к наглости, которую принимает за силу... Но ведь это – опять! – имитация и пародия. Опять заявляет о себе с таким напором и перебором, которые отличают как раз пародиста, уж там вольного или невольного»²⁹.

Представляя собой две разные точки зрения на проблему современной поэзии, Михаил Айзенберг и Станислав Рассадин не вступают в полемическую дискуссию. Каждый говорит о своём, никто никого не провоцирует, с одной стороны, с другой стороны, видимо, не слышит. Это явная внутренняя разобщенность, повсеместно демонстрируемая литературными критиками, показывает общую ситуацию раздробленности и несогласованности. Из-за этого отдельные имена остаются отдельными именами, и лишь немногие озабочены проблемой разъединения. Ни публикации полярных мнений в одном журнале, ни явный либерализм критиков поколения 1990-х годов, ни их провокационное, на первый взгляд, равнодушие по отношению к литературной критике традиционных литературных журналов, ни даже противоречивость самого литературного процесса не могут сформировать единый литературно-критический дискурс веков. Это происходит во многом потому, что острое и яркое, полемически настроенное слово литературного критика всё меньше оказывается востребованным, многие, особенно молодые, авторы находят себя в паракритическом пространстве – они предпринимают успешные попытки осмыслить действительность через фундаментальные или тенденциозные философские категории. При этом мировоззренческие коллизии рассматриваются молодыми авторами на стыке литературы и философии.

²⁹ Рассадин С. Время стихов и время поэтов // Арион. 1996. №4. С.85

3.4. Философский комментарий как форма организации литературно-критических публикаций

Воспроизведение в реальности постмодернистской системы текстов и подтекстов, совершенное уравнивание всех участников культурной, общественной и политической жизни создает во второй половине 1990-х годов ощущение бесконечного и безысходного хаоса. Сам текст в конце XX века воспринимается как «комбинирование и систематическая организация элементов»³⁰. Поэтому сугубо литературно-критические подходы к нему требуют корректировки. Во второй половине 1990-х годов литературная критика существенно расширяет объекты и способы интерпретации текста за счет социологического, психологического и философского контекстов. Представители нового поколения литературной критики активно используют жанр философского комментария, который к началу 1990-х годов перестал быть только научным и часто стал использоваться как дидактическое примечание к тексту.

Хаос как универсальный междисциплинарный термин лучше всего определяет общественно-политическую и культурную ситуацию второй половины 1990-х годов, однако он понимается не только как акт разрушения, но и как возможность восстановления и гармонизации. Одно из объяснений несомненной культурной значимости хаоса, возникшего во второй половине 1990-х годов в России, предлагает искусствовед и художник Андрей Хлобыстин: «В “отдельно взятой” стране произошла грандиозная девальвация уровня текста, смысла, нарратива, идеологии, лозунга. Они рухнули под своей собственной гипертрофированной тяжестью и величиим смысла и схлынули, обнажив пустоту. Эту безразличную пустоту, вставшую за всем (“как скажешь, так и будет”), можно воспринимать и даже описывать, сидя в кабинете, как “правду”,

³⁰ Барт Р. От произведения к тексту. Избр. Работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С 419.

реальность”, “зло” или “радость”, которые мычит Россия, переполненная мессианским комплексом»³¹.

В не ограниченном ничем пространстве искусства литературные критики нового поколения обретают исключительную возможность свободно говорить не только и не столько о литературе, сколько о жизни вообще, затрагивая самые острые темы. Организовавшееся в начале 1990-х годов свободное смысловое поле, в котором беспрепятственно функционируют наравне с яркими и значительными литературными журналами новые проекты, предоставляет возможность последним также громко и также всерьез говорить на темы философии культуры, искусства, генезиса мировоззренческого слома постсоветской эпохи.

Семантическая неоднозначность происходящих в литературном произведении изменений, их откровенная прямолинейность или, наоборот, неразрешимое усложнение – это, несомненно, реакция на внешние по отношению к творческому процессу изменения. Вслед за этими изменениями в среде литературных критиков зреет необходимость на них отзываться. Искусствовед, историк, автор многочисленных публикаций в новых общественно-политических, литературно-художественных проектах («Комментарии», «Вавилон», «Митин журнал» и др.) Андрей Хлобыстин так определяет этот период: «Несмотря на то, что вокруг говорят о кризисе, промежуточности современной жизненной ситуации и как бы переживают, я вряд ли бы мог пожелать самому себе, да и всем еще большей свободы и радости, чем сейчас. Мы живем в счастливое время больших возможностей и можем многое видеть. Никто не избежал того, что можно назвать Большой Семантической Катастрофой (Революцией, Чумой, если угодно), и это уже мое личное дело, что я бравирую радостью по этому поводу. “Кризис самоидентификации” коснулся всех и идет как непрерывный процесс, а

³¹ Хлобыстин А. Искусство (не)ради искусства // Комментарии. URL: http://www.commentmag.ru/index_old.html #9 (Дата обращения: 10.10.2015). Загл. с экрана. Яз. Рус.

не одиночный скачок, который делает рефлекслирующий человек из соображений личной душевной гигиены»³².

Парадокс этой ситуации заключается в том, что по природе своей андеграундные, подпольные, откровенно антимасскультурные журналы и сотрудничающие с ними критики, публикующиеся поэты и прозаики, получают возможность поставить знак равенства между литературной, литературно-критической традицией и абсолютным новаторством, не прошедшим фильтр камерного принятия-непринятия в среде таких же андеграундных потребителей. Таким образом, новые, прямолинейно-навязчивые, намеренно стилистически усложненные способы рефлексии идей и идеалов новой страны и нового мировоззрения становятся одним из равноценных элементов литературного процесса второй половины 1990-х годов. Они имеют почти такое же культурное значение и обладают той же литературной ценностью, что и поэзия концептуалистов, графоманские упражнения дилетантов или коммерческая литература.

Мозаичность представления мысли, свойственная многим литературным критикам нового поколения, очевидно связанная с всё ярче демонстрирующим себя феноменом клипового мышления, рождает особое пространство литературно-критического текста. Он расслаивается на многие фрагменты, которые очень часто не имеют между собой никаких логических скреплений, кроме тех, которые задал автор публикации.

Такова статья Александра Скидана «Человек кончающий»³³ в «Митинском журнале». Она посвящена образу самоубийцы в русской литературе и его обоснованности с точки зрения традиции Достоевского. Здесь в поисках авторитетного примера автор обращается к «Бесам», которые, по мнению

³² Хлобыстин А. Искусство (не)ради искусства // Комментарии. URL: http://www.commentmag.ru/index_old.html#9 (Дата обращения: 10.10.2015). Загл. с экрана. Яз. Рус.

³³ Скидан А. Человек кончающий // Митин журнал. URL: <http://www.vavilon.ru/metatext/mj53/skidan.html> (Дата обращения 20.08.2015). Загл. с экрана. Яз. рус.

Скидана, несут в себе «первые образчики протообэриутских текстов»³⁴. Стоит также отметить, что статья выходит в 1996-м году, во время наивысшей точки рецессии Российской экономики, на волне явной экономической и политической нестабильности в стране, когда число самоубийств достигает 61 тысячи человек за 1995 год. И появляется она как четкий ответ на запрос: «Этому предшествовал звонок Андрея Демичева, поставившего меня перед фактом танатологического съезда и попросившего сформулировать тему доклада. Я сказал, что мне потребуется для этого некоторое время. Андрей пообещал перезвонить; он выполнил свою угрозу, а я свое обещание - лишь отчасти. Что-то помешало собраться с мыслями, а я уже чувствовал себя обязанным, пришлось отвечать почти наобум, импровизировать, изобретая титульный лист существующего лишь в проекте доклада».

Тема самоубийства, его теоретической обоснованности, философской возможности, этической допустимости решается автором через произведения Ф.М. Достоевского и А.И. Введенского. Что их сближало в реальности и что сближает в авторском понимании, в статье указывается неявно – образ шкафа и пространства между шкафом и стеной: «Стоило бы обратить внимание и на шкаф, эту инсталляцию скорби, крипту, своего рода многоуважаемый потомственный склеп, сыгравший первостепенную роль как в легенде, так и в поэтике обэриутов. И тут за кончик буквы взяв, я поднимаю слово шкаф, теперь я ставлю шкаф на место, он вещества крутое тесто. Кириллов выбирает для своей кончины нишу между стеной и шкафом, где и будет стоять подобно мумии»³⁵. Литература вообще и два ярких ее примера, в частности, дают Скидану возможность выйти на очень глубокие философские обобщения, относящиеся к теме самоубийства, как способа принять в себя Бога и ощутить смерть как возможность, а не как неотвратимую необходимость. В рассматриваемой статье больше объяснения,

³⁴ Там же.

³⁵ Скидан А. Человек кончающий // Митин журнал. URL: <http://www.vavilon.ru/metatext/mj53/skidan.html> (Дата обращения 20.08.2015). Загл. с экрана. Яз. рус.

почему это возможно и допустимо, чем литературного анализа. Автор намеренно подчеркивает это, рассказывая читателю о причине, по которой он обратился к этому вопросу. Причина глубоко личная, находящаяся не в пространстве научных изысканий, а в пространстве личных отношений. Таким образом, мы видим, что литературными фактами он только подтверждает свои размышления, поэтому постоянно уходит от литературы в сторону философствования на основе литературы. При этом публикация носит характер интимной беседы, так как в неё включен факт личной биографии и элементы признания, поддерживаемые особыми смысловыми конструкциями: «Я сказал, что мне потребуется для этого некоторое время. Андрей пообещал перезвонить; он выполнил свою угрозу, а я свое обещание – лишь отчасти. Что-то помешало собраться с мыслями, а я уже чувствовал себя обязанным, пришлось отвечать почти наобум, импровизировать, изобретая титульный лист существующего лишь в проекте доклада <...> В этой заминке, в паузе между "как" и "так" нашего с Демичевым разговора меня и нашла формула "человек кончающий", она извлекла меня из некой словесной толщи, можно сказать, из небытия. А не наоборот»³⁶. В этой нарочитой автобиографичности и исповедальности кроется важная авторская задача – сблизиться с читателем, объяснить ему категорию «человек кончающий» чтобы потом, вместе подняться к уровню философского размышления о суициде. В то же время Александр Скидан начинает свои размышления хаотично, без вступлений и предувещаний, сразу же обращается к Достоевскому, намекает на «убийственный англицизм» в его имени, но не расшифровывает этой мысли и сразу же говорит о героях «Бесов», и о концепции убийства боли страха смерти. Лишь переходя к Введенскому, он выстраивает очень непрочный логический мостик между обэриутами и поэзией капитана Лебядкина, которая «является одним из образчиков протобериутских текстов». В поддержку своей главной концепции литературный критик приводит цитаты философов Альбера Камю и

³⁶ Скидан А. Человек кончающий // Митин журнал. URL: <http://www.vavilon.ru/metatext/mj53/skidan.html> (Дата обращения 20.08.2015). Загл. с экрана. Яз. рус.

Мориса Бланшо, а также вскользь упоминает имена Леонида Липавского и Якова Друскина. Все эти авторы создают фон эзотерической философской литературы, на котором ярко демонстрируются ответы на вопрос об экзистенциальной обоснованности самоубийства, подтверждаемые и расширяемые за счет анализа «Бесов» Достоевского и «Некоторого количества разговоров» Введенского.

При всей мозаичности и хаотичности размышлений в статье, Александр Скидан формирует в ней и свою систему, по природе гипертекстовую. Он отсылает читателя, заинтересовавшегося поднимаемым вопросом, к своей же работе «Эфирная маска» в сборнике эссе «Критическая масса». Таким образом, читателю предлагается не отдельная литературно-критическая публикация, а продолжение исследования темы смерти в контексте современной социальной ситуации с постоянным обращением к одному из самых эзотерических обэриутов – Александру Введенскому. В литературной критике второй половины 1990-х годов имя Александра Скидана, в первую очередь, связано не столько с собственно литературно-критическим высказыванием, сколько с общефилософскими размышлениями на темы, имеющие широкое хождение в среде молодой, активной интеллигенции. Он рассуждает о смерти и возможности её оправдания, русской ментальности и эгоизме, самопожертвовании и разных вариантах исхода³⁷. Философские размышления Скидана включаются не только в его собственную систему познания мира, но и соотносятся с другими статьями в «Митином журнале», посвященными поэтическому наследию Введенского.

В этом же номере публикуется еще один материал о нём. Автор – Олег Лекманов. Имея общий со Скиданом объект исследования, О. Лекманов все же обращается к поэзии Введенского именно как к поэтическому тексту, а не как поводу для размышления об абстрактных парафилософских категориях. Разбирая его произведение «Потец», он находит корни новояза одного из основателей, наряду с Даниилом Хармсом, Объединения Реального Искусства в поэзии Велимира Хлебникова, а также в идеях И.-В. Гёте.

³⁷ Скидан А. О русском Другом // Митин журнал. – 1995. – Вып. 52. – С. 195-198.

Филологическая концепция О. Лекманова, использующего литературоведческий инструментарий при работе с текстом и контекстом, отличается от философской концепции Скидана. Рассматривая поэтическое произведение системно, Лекманов предлагает читателю, в отличие от Скидана, очень четкую структуру обоснованного научного изыскания, четко нацеленного на текстовый разбор. Однако, представляя читателю очень широко и подробно очевидно яркую, но всё же находящуюся на периферии читательских интересов фигуру поэта Александра Введенского, «Митин журнал» в лице двух наиболее часто публикующихся в нем авторов открывает новую страницу в осмыслении литературного процесса XX века. Он уходит от уже наскучившего разговора о возвращенной литературе с именами Ахматовой, Цветаевой, Пастернака и др. к литературе забытой не столько по вине запретов советских цензурных органов, сколько по причине читательской не востребоваемости (Введенского активно печатали в детских журналах, а первый сборник его стихов вышел в России только в 1993 году). Для редакции «Митинского журнала» имя Александра Введенского является во многом символическим, поскольку постулируемая обэриутами поэтика абсурда очень хорошо вписывалась не только в концепцию самого журнала, но и вообще в ситуацию бессистемного поиска идейных ориентиров и направлений, в которой пребывала Россия второй половины 1990-х годов. Здесь пришлась к месту и особая эзотеричность Введенского как один из инструментов оценивания окружающей действительности.

Литературной интеллигенции нового поколения свойственно обращение³⁸ не только к литературе и наследию русской словесности, но и к философским концепциям, известным достаточно широкому кругу читателей. В их числе Гераклит, Гоббс, Макиавелли, Гегель, Сартр и многие другие, чьи идеи неожиданно актуализируются в изучаемую нами эпоху. Обращаясь к философски ориентированным литературно-критическим публикациям новых журналов, заметим, что основными категориями здесь становятся смерть, самоубийство,

³⁸ Секацкий А. О духе воинственности // Митин журнал. 1995. Вып.52. С. 92-97.

тоска, террор и т.п. Это, с одной стороны, определяет пасмурное и серое настроение литературных критиков нового поколения, соотносящееся с более мягкими и не такими резкими идеями литературных критиков-традиционалистов, с другой стороны открывает путь новой критике в пространство философского исследования, в котором в качестве эксперимента объектом изучения становится и литература, например «что вообще есть текстовой континуум»³⁹? При этом многие философские вопросы бытия, в том числе и сартровский актуализировавшийся риторический вопрос «что *есть* такое литература?»⁴⁰ часто решаются авторами через призму интимных категорий, внезапных ассоциаций с образами, находящимися в пространстве очень доверительного или же вообще табуированного использования: «Если эротика адресована инстанции чувственности (либидо), точке ее представительства в Я, благодаря чему и возникает телесно-символический резонанс, то и детектив имеет своего постоянного адресата - "шпиона-во-мне"»⁴¹ или «Гоголь был человеком будущего, принципиально отрицающим парное совокупление, и нельзя ли предположить, что, дав некоему носу самостоятельную жизнь, Н.В. вообще даже отчасти предвидел клонирование?»⁴² и др.

В этом же русле очень активно обсуждается и инкорпорируется в пространство литературной критики гомосексуальный дискурс. Здесь рассматривается литературная биография Мишеля Фуко⁴³, творческие эксперименты Ярослава Могутина⁴⁴, медийное вытеснение этой «проблемы»⁴⁵ и др. В авангарде этого интимного, запрещенного направления – альманах «Риск» Дмитрия Кузьмина, который с одной стороны декларирует создание нового пространства в искусстве, причем пространства связного, логичного, крепкого, а с

³⁹ Недель А. Инцест, игра, прорыв // Митин журнал. 1997. Вып. 55. С. 159-172.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Секацкий А. Шпион и разведчик: инструменты философии // Митин журнал. 1997. Вып. 55. С. 124 – 158.

⁴² Плешаков К. Сердечная болезнь левизны в мазохизме // Митин журнал. 1998. Вып. 58. С. 288-294.

⁴³ Городецкий Е. Мишель Фуко. Предисловие переводчика // Риск. 1995. Вып. 1. С. 71.

⁴⁴ Плешаков К. Сердечная болезнь левизны в мазохизме // Митин журнал. 1998. Вып. 58. С. 288-294.

⁴⁵ Зосимов А. Заметки о гомофобии // Риск. 1995. Вып. 1. С. 100-102.

другой – говорит о несомненной эпатажности издания, лишний раз подчеркивая его андеграундность по сравнению с традиционными изданиями: «Кажется, в теории все понимают, что журнал – это не просто место, куда беспорядочным образом сваливают подвернувшиеся редакции тексты, а некое осмысленное единство, метатекст. Идеальный журнал создает принципиально новое культурное пространство. В сегодняшней журнальной практике, однако, эта теория не шибко работает. Большая часть "старых" журналов полагает, кажется, что самый факт помещения текста на их страницы сообщает ему новый статус <...> Редкие издания, пытающиеся обрести свою индивидуальность в этом противостоянии, выступают преимущественно выразителями определенной культурной или эстетической тенденции, поэтики»⁴⁶. Таким образом, он формирует и пространство «понимания», объяснения и принятия: «Литература – это не развлечение, а способ познания. Запрещать литературу, повествующую о том, что вам несимпатично, – значит стремиться к незнанию и непониманию (что и понятно: ведь куда проще не любить, ненавидеть то, чего не знаешь и не понимаешь). Знание более нравственно, чем незнание. Понимание более нравственно, чем непонимание»⁴⁷.

Подобные эксперименты во второй половине 1990-х годов, часто неумело или назойливо заигрывающие с читательским доверием, формируют систему новой литературной журналистики. Социальное внедряется в пространство литературной жизни не только через злободневные проблемы, но и свободно проходит культурные границы, открытые в начале 1990-х годов, облачаемое в форму философского, этического, морального или экзистенциального размышления о глобальных вопросах бытия. Литературные критики новых литературных журналов демонстрируют ощущение полной свободы, поскольку сам объект их исследования безграничен, а многоплановость литературных открытий и опытов позволяет проводить жанрово-стилистические эксперименты с литературно-критическим текстом. Этот период, однако, оказывается не только

⁴⁶ Кузьмин Д. От редактора // Риск. 1996. Вып. 2. С.4.

⁴⁷ Кузьмин Д. От редактора // Риск. 2002. Вып.4. С.5.

примером вседозволенности, литературного анархизма и беззакония, но и способом обогащения культуры. Она, с одной стороны, несомненно, оказывается предметом спекуляции разного рода маргинальных и генетически подпольных явлений, отзывающихся на тенденциозный запрос общества, с другой стороны, она обогащается за счет новых форм, основанных на тотальной раскрепощенности, простоте и наивности. В это же время читателю открываются новые имена или возвращаются уже известные, но забытые, что является естественным доказательством просветительской составляющей литературной журналистики. А любое философствование на страницах новых литературных журналов 1995 – 1999 годов оказывается, главным образом, маркером социального заказа, в очередной раз определяющим проблему воздействия литературы и литературной критики на массовое сознание.

Многие из авторов, публикующихся на страницах новых литературных журналов во второй половине 1990-х годов и входящих в список молодых критиков, эссеистов и публицистов, позже, с 1999-го года, переходят на страницы традиционных литературно-художественных журналов. Аркадий Недель публикуется в «Критической массе» и «Звезде», Александр Скидан – в «Знамени», «Октябре», «Новом литературном обозрении», Константин Плешаков – в «Дружбе народов», «Новом мире» и «Новой юности», Александр Секацкий – в «Октябре» и «Новом мире» и т.д. Этот факт доказывает, что открывшаяся широкому читателю андеграундная литературная критика, во второй половине 1990-х годов воспринимаемая как альтернатива традиционной из-за своих подходов и выбора текстов, в начале 2000-х оказывается востребованной на страницах традиционных литературных журналов.

3.5. Полемическое противостояние второй половины 1990-х годов в осмыслении новых литературных журналов

Отдельный интерес представляет отраженное в литературной критике противостояние, возникающее между писателями, придерживающимися разных взглядов. Явная поляризация литературного процесса происходит по двум

основным полюсам – консерваторы-патриоты и либералы-прозападники. Критики, которые это разделение четко замечают, публикуются в новых журналах, получая возможность смотреть на литературно-критический процесс со стороны. В статье «Литпатриоты. За и против» Валерий Сердюченко, обозначает это противостояние: «Нынешний патриотический писатель предпочитает обращаться к читателю не иначе как с философско-исторического амвона при какой-нибудь Грановитой палате, поражая его апокалиптическими предсказаниями относительно настоящего и будущего России. Но литературная муза изначально не терпит колокольного звона. Знаменитый некрасовский императив "поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан" выполняется ревнителями патриотической чести с такой неуклюжей прямолинейностью, что страдает само вещество русского художественного слова, его "пушкинско-толстовская" аура <...> Скажут, на противоположном литературном полюсе дела обстоят не лучшим образом. Согласны, генитальные крайности "другой литературы" духовной атмосферы россиян отнюдь не озонируют, а "лексические игры" постмодернистов более походят на упражнения в искусственном словесном пространстве, имеющем к литературе весьма отдаленное отношение»⁴⁸. Автор главным образом здесь обращается к самим литераторам, от которых зависит путь дальнейшего развития литературного процесса. Критика его обращена к крупнейшим фигурам 1990-х годов – А.И. Солженицыну, В.В. Кожинову, В.А. Солоухину, И.Б. Роднянской и др. Главные ориентиры в нахождении баланса между традициями и новациями – творчество А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Их литературно-общественную позицию, уровень и способы участия в делах воспитания патриотизма В. Сердюченко устанавливает в качестве идеальной модели, с которой сравнивает современных ему писателей и критиков.

⁴⁸ Сердюченко В. Литпатриоты. За и против // Постскриптум. 1996. Вып.2 (4). С. 285.

Ценным в публикации является аргументированное определение двух литературных полюсов – патриотов-консерваторов и либералов –, в противостоянии которых побеждают, по мнению автора, первые. По крайней мере, когда речь заходит о широком или, словами Сердюченко, «простом» читателе. Противостояние советских шаблонов мышления он иллюстрирует, выходя за рамки собственно литературного контекста, обращаясь к примерам более ярким и количественно точным. «Не так давно – автор статьи утверждает это со всей серьезностью – мы стали свидетелями главного культурно-исторического события последнего десятилетия. Речь идет о заседании телевизионного "Пресс-клуба", на котором был продемонстрирован двухсерийный фильм А. Кончаловского "Курочка Ряба". <...> То есть произошло именно событие: по одну сторону - просветительский авангард России, его, так сказать, столичная элита, а по другую – глубинно-нижегородское, безымянно-деревенское российское "множество". И вот после довольно путаной дискуссии, во время которой столичные златоусты блистали красноречием, а оробевшее "множество" – в основном красноречивым молчанием, ведущий решил поощрить вчерашних невольников агроулага вопросом: "Кто за то, что раньше жить было лучше, поднимите руки".

Результат получился оглушительным. Без малейшей паузы, почти в рефлекторном порыве все *приглашенные* за исключением одного проголосовали "за". На глазах у просвещенного человечества российское "множество" от первого, так сказать, лица, безо всяких полпредов и посредников заявило о своем нежелании переодеваться в европейское платье, *как бы разумно оно ни было скроено*⁴⁹.

Литературный процесс для автора публикации неотделим от читателя, он четко представляет и отстаивает неразрывную связь писателя и его адресата. Прослеживается и градация читателей – первая группа, самая важная по мнению Сердюченко, представлена «школьными учителями, книгопродавцами, библиотечными работниками, тем самым читательским активом, которым

⁴⁹ Сердюченко В. Литпатриоты. За и против // Постскриптум. 1996. Вып.2 (4). С. 293.

писатель должен был бы дорожить пуще премии Букера и собственного глаза»⁵⁰. Вторая группа – все те, кого он причисляет к «глубинно-нижегородскому, безымянно-деревенскому российскому множеству», третья – наиболее размытая в характеристиках – прозападная часть читателей, очень узкий круг людей, которых интересуют современные литературные эксперименты. Это разделение могло бы показаться весьма неэтичным и, в каком-то смысле, снобистским, однако в завершении публикации автор приравнивает себя к читателю, логично возвышаясь над ним и наделяя себя чертами лидера, объединяется с ним в одну группу в дихотомии литература – читатель: «Ничего хорошего от этой возможной рокировки нам с тобой, дорогой читатель, ожидать не приходится, потому что если "эти" развлекают нас по крайней мере своими лексическими играми и сексуально-филологическими клип-романами, то "те" превратят литературу в подобие патриотического тропаря»⁵¹.

Развитие либеральной литературы, с одной стороны, связано с влиянием западных традиций, в контексте которых рассматривается концептуализм во всем многообразии своих проявлений, а с другой – с открывшимися возможностями публиковать тексты любого достоинства и уровня. Второе условие литературной «левизны» является предвестником развития графомании и вольницы, при которых любой текст, независимо от его художественной ценности, может прийти до широкого читателя.

Западное влияние на российскую литературу во второй половине 1990-х годов неспроста воспринимается как данность. Пристальное обращение к европейской литературной ситуации обнаруживает сходные черты с российской. Главная мысль европейского литературного процесса заключается в том, что «литература радикальной искусности» – явление временное, поскольку истинный постмодерн – это мост, связывающий высокое искусство и массовую культуру. Анализируя работу американского литературоведа Марджори Перлофф из Чикагского университета, Сергей Хренов в статье «Поэзия конца века» выделяет

⁵⁰ Там же. С.294.

⁵¹ Там же.

значительную мысль европейской литературной критики о том, что сублимационная модель искусства и литературы больше не принимается ни читателем, ни её исследователем⁵². Русский читатель постперестроечного времени не приемлет любую форму сублимации. Литература советской эпохи как суррогат общественно-политического устройства перестала им восприниматься как искусство или как способ воплощения художественного образа, поэтому в ней так востребован наивный натурализм, который находит выход в беллетристике 1990-х годов. А общее ощущение хаоса и катаклизма отменили, по словам Гасана Гусейнова, все возможности литературы «покаяния» и «осуждения проклятого прошлого». «Победа государственной идеологии "возрождения Великой России" сделала практически бессмысленными все недавние перестроечные разоблачения. Новая государственная идеология фактического отказа от ответственности за все, что совершено в недавнем историческом прошлом, поместила "обнаженные язвы" русской и советской жизни в безразмерное эстетическое поле»⁵³, – пишет Гусейнов. Он обращается к классификации беллетристики, включая её в литературный контекст эпохи. Характеризуя первые постперестроечные годы в литературе как «апокалиптический реализм», критик пишет: «Соединение разнородных потоков – от чернухи до розовой фэнтези, от православного сентиментализма до погромной публицистики фундаменталистов, от астрологических трактатов до порнографических романов – на всё расширяющемся фоне исторической документалистики создало в первой половине 90-х годов неповторимую культурную ситуацию»⁵⁴. Вслед за «апокалиптическим реализмом» приходит время «примирения с хаосом», в котором главный герой литературного произведения ищет идентичности во вне, в единственно достоверном пространстве внешней среды, которая представлена катастрофическим хаосом. Сумев доказать себе и окружающим, что

⁵² Хренов С. Поэзия «Конца века» // Поэзия и критика. 1994. Вып.1. С. 109.

⁵³ Гусейнов Г. Рипарография. Беллетристика середины 1990-х годов в поисках нового // Постскриптум. 1997. Вып.1(6). С. 148.

⁵⁴ Там же.

происходящее вокруг не сон – герой (читатель, писатель) преодолевает хаос, который, впрочем, остается в его воспоминаниях. В этот момент наступает время для беллетристики, которая воспринимается Гусейновым как необходимый компонент литературной жизни в период «воспоминаний о хаосе».

На свободной волне развития русской литературы, начиная с периода перестройки, ощущается всплеск эротической литературы и эротических мотивов в литературе: «Если в годы перестройки и первые послеперестроечные годы эротическая литература проходила по ведомству эпатажа ханжеского вкуса (Эдуард Лимонов), то к середине 90-х годов в критике появляется даже эпитет "затхло-эротический" (Александр Архангельский) – столь вездесущим и набившим оскомину стал этот мотив в литературе»⁵⁵.

Следуя за выводами Гусейнова, обращаясь к критическим выпадам в сторону «левой» литературы со стороны Валерия Сердюченко, отметим, что эротическая литература, ставшая в исследуемый период явлением обыденным, во многом объясняет излишнюю натурализацию повествования, использование в экспериментальных произведениях табуированной лексики, и всеобщее ощущение вседозволенности.

Проводимый автором эксперимент «сплошного чтения», в который включены литературные произведения Владимира Маканина, Виктора Сорокина, Виктора Ерофеева, Эдуарда Лимонова и др., Гусейнов возвращается к разговору о «господствующей атмосфере консервативной тоски по утраченным идеалам»⁵⁶, связанной, с одной стороны, с царящим вокруг хаосом, а с другой – с экзистенциальной неуверенностью, вызванной новой эстетикой отвратительного, основанной на стремлении к антиидеологизации литературы. Препарируя литературный процесс середины 1990-х годов, критик рассматривает все его элементы, пристрастно оценивая и анализируя не только очевидные и общепринятые направления и мотивы, но и маргинальные явления, генезис

⁵⁵ Гусейнов Г. Рипарография. Беллетристика середины 1990-х годов в поисках нового // Постскриптум. 1997. Вып.1(6). С. 148.

⁵⁶ Там же.

которых в большей степени нуждается в объяснении, а их развитие – в прогнозировании.

Однако стоит заметить, что во второй половине 1990-х годов процесс открытого противостояния патриотов и либералов почти прекращается. Наступает время постепенного смещения литературно-критических парадигм (его Сергей Чупринин называет «литературным апартеидом»⁵⁷), которое к началу 2000-х годов логично перерастет в естественный процесс диффузии. Отчасти это связано с индивидуализацией литературно-критического высказывания. «Большая часть критиков периода “оттепели”, для которых процесс самоидентификации предполагал в основном социальное и идеологическое самоопределение, уходит из литературной жизни. Приходящее в критику молодое поколение работает в совершенно иных социокультурных обстоятельствах, ему в меньшей степени свойственно стремление выступать от группы и более характерен эгоцентричный тип проявления “самости”»⁵⁸, – отмечает Ю.А. Говорухина в своем исследовании, посвященном изучению современного литературно-критического дискурса как способа осмысления социокультурных феноменов постсоветской России.

3.6. Соотношение художественного вымысла и реальности в восприятии новых журналов

Уместность социального в литературе, возможность прикладного применения художественных текстов и литературных образов, трансформация реальных жизненных ситуаций в мотивы и наоборот обсуждаются в литературных журналах второй половины 1990-х годов очень активно. Это во многом связано с ощущением отсутствия основного стержня, традиционных скреп, формирующих литературный процесс в целостном единстве. Раздробленность в литературе некоторыми критиками воспринимается как

⁵⁷ Чупринин С. Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям. М.: Время, 2007. С.59.

⁵⁸ Говорухина Ю.А Русская литературная критика на рубеже XX – XXI веков. Красноярск: Сиб. федер. ун-т. 2012. С. 6.

пустота, являющаяся следствием невозможности четко представлять вектор движения неупорядоченного литературного потока.

В «Континенте» за 1998 год вышла литературно-критическая статья Евгения Ермолина «Человек без адреса. Роман Владимира Маканина «Андеграунд, Или Герой нашего времени как книга последних слов», представляющая собой не только анализ текста, но и претендующая на некоторое общее положение об отражении общественного в литературе. Автор публикации через анализ романа Маканина предлагает общие культурологические и эстетические объяснения того, какой родилась новая эпоха: «Читая Маканина, вспоминаешь, что “наше время” — это не просто постсоветье на руинах утопии, не просто местный дикий капитализм с непонятным, но малоприятным лицом, олигархия вперемешку с охлократией и разгул богемно-тусовочных игрищ в ошалевшей от куролесья столице. Это еще и конец Нового времени, Модерна, целого исторического и культурного зона, зародившегося в ренессансные века и сходящего со сцены сегодня»⁵⁹. Ермолов называет современную ему Россию «неороссией», и особенно отмечает серьезное противоречие между двумя эпохами: «Однажды выяснится, что слово “наше” в формуле “герой нашего времени” нужно, пожалуй, прочесть с ударением. Писать курсивом: наше (таких курсивных слов, особенно местоимений, в романе много). Текущее короткое время для героя и, возможно, для автора — “ваше”. “Новое поколение” выбирает коммерцию. Его, этого настоящего времени, герой — “бизнесмен”»⁶⁰. Критик вводит в свой текст образ коммерсанта, который явно противопоставлен образу человека «со дна» – главного героя романа Маканина, Петровича. Таким образом он интерпретирует отношение автора «Андеграунда, или героя нашего времени» к нему: «<... >Умный скептик. Всевед, знающий что к чему, постигший о человеке и о строе всю их подноготную. Проповедник всевозможных истин. Он ни собой не доволен вполне, ни миром окрест. Преисполнен страстей и страданий. Жизнь его состоит из праздных рассуждений и невыдуманных

⁵⁹ Ермолин Е. Человек без адреса // Континент. 1998. № 98. С.55.

⁶⁰ Там же.

терзаний. Мизантроп-одиночка с испорченным характером, с больными нервами, изношенный, издерганный жизнью, — пожалейте же его»⁶¹. При этом Ермолин подчеркивает, что этот образ очень свойственен для состояния нищеты, в которой оказывает человек в «эпоху первоначального накопления»⁶². Литературно-критическая ситуация вся целиком посвящена интерпретации и осмыслению образа героя на фоне социально-политических изменений. При этом тема смены эпохи, которая рефреном звучит в публикации, является примером полного разрушения и упадка, поэтому так явно проанализирована социальная составляющая романа, поэтому сам роман невозможен без осмысления его в контексте сравнения эпох, без погружения в глубины идейного, культурного, эстетического разлома, который образовался на соединении двух разных миров.

Ощущение заката прежней эпохи, или ее похорон, которое особо отмечает в романе критик, является пунктом одновременного согласия с Владимиром Маканиным, и дает Ермолину один из немногих поводов поспорить с автором: «Где стол был яств, там гроб стоит. Похороны эпохи у Маканина случились роскошные. Изжитость всей этой старины, обернувшейся чистейшей мразью, доказана, кажется, в романе с блеском. Неотложность расставанья прочувствована с необычайной остротой. Притом писатель не различает на историческом горизонте того, что должно бы придти на смену. И абсолютизирует безысход»⁶³. О коренной смене парадигмы критик не спорит, он абсолютно согласен с этим ощущением автора романа, но его волнует будущее народа, модель развития культурной, литературной, мировоззренческой составляющей нации: «Ведь, строго говоря, если отмирает прошлое, если сгнивает на корню народ (или не народ, а поколение, сообщество, среда...), то из этого никак еще не вытекает, что будущее вовсе не наступит, и впереди только мрак. Здесь, я думаю, Маканин просто разделяет предрассудки своей литературной генерации и в целом нынешней образованной толпы. Вот уж действительно — поколение

⁶¹ Ермолин Е. Человек без адреса // Континент. 1998. № 98. С. 57.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

вземлюсмотрящих! Почти никто не поднял глаза к небу. (Но мне возражают: вовсе не обязательно видеть впереди светлые горизонты; может статься, их там действительно нету и нас ждут лихие времена вплоть до скончания человеческого века. Что на это ответить? Отвечу, что не нужно тогда впадать в уныние; что остается всё же и на нашу долю чаянье необычайного.) Как бы там ни было, объективизм Маканину не дается»⁶⁴. В этой части, помимо явного полемического настроя, желания вступить в прямой диалог с автором, есть и другая очень важная черта критического высказывания – внутренняя диалогичность. Ермолин сообщает о дискуссионности вопроса посредством апелляции к уже проходившему спору, или к спору, который в момент написания публикации им еще ведется. При этом спор происходит в современном пространстве, но с обезличенным собеседником: «но мне возражают», пишет критик. Адресат этого возражения не уточнен, а значит, им может быть кто угодно, каждый, кого заботят судьба и будущее народа. Таким образом, сам читатель может примерить на себя амплуа оппонента в интерактивном спектакле, который не единожды в публикации разворачивает Евгений Ермолин. И если возражающие уже были, то момент несогласия с позицией критика не так страшен и опасен, возможность контраргумента есть как утвержденное правило отношений между читателем и автором статьи. Этот прием максимально близко приближает читателя к автору, не влияет, по большому счету, на модель восприятия текста, но уравнивает возможности критика, писателя и читателя, собравшихся за круглым столом в процессе обсуждения не столько литературы, сколько того, как литература отзывается на изменения эпохи.

Ермолин очень эмоционален в своей статье, он использует бесконечное количество разных, но неизменно ярких эпитетов, отражающих состояние нервозности и боли, о возникновении которых он пишет в публикации. В литературно-критической публикации явно прослеживается внутренняя динамика – от спокойного и сосредоточенного анализа текста, до сугубо эмоциональных

⁶⁴ Ермолин Е. Человек без адреса // Континент. 1998. № 98. С. 57.

выпадов и отступлений. Главным разделителем этих состояний оказывается поиск автора в романе, поиск нервический, нестабильный, шаткий. Причины такого состояния кроются даже не в самом настроении романа, хотя Ермолин пишет: «Написался роман нервов. Весь тонко сотканный из психики, весь нервозный. Накат непредсказуемо вибрирующей нервности заставляет читать без пропусков. Этот взгляд, регулярно застывающий на неприятном, болезненном. Это пристрастие копать в язвах, расковыривать раны на свету, при публике. Эти коктейли гордыни и самоуничужения. Эти с необычной все-таки в нашей современной прозе остротой заявленные темы: прогрессирующая необеспеченность существования; жизнь на птичьих правах; смертельное, стриндберговского и бергмановского почти накала, одиночество... Поэтому чтение становится мучением. Читать роман тяжело. Душевно тяжко»⁶⁵. Автору исключительно важны не только проблемы, затронутые внутри текста, но, главным образом, почему этот текст является столь значительным в новой истории литературной России, и ответа он пытается искать у Владимира Маканина, но не находит его в романе. Критик провоцирует читателя на тот же самый поиск и выдвигает очень аккуратное предположение, что Петрович и Маканин частично синонимичны. Предположение слабое и неподтвержденное ничем, кроме опыта отечественной словесности, в котором накопилось множество примеров тождественности автора и героя: «То важное, чем Маканин отличается от своего Петровича,— это незаурядная творческая воля, готовность к серьезному творческому усилию и свершению. Готовность к риску — идти вперед без оглядки. Возможно, ему все-таки близки и слова его героя: “Единственный коллективный судья, перед которым я (иногда) испытываю по вечерам потребность в высоком отчете — это (...) Русская литература”»⁶⁶.

Поиск автора романа Евгений Ермолин завершает уже в пространстве реальном, где Владимир Маканин является признанным писателем: «А Маканина не нужно искать в литературном подполье. У него каждый почти год — новая

⁶⁵ Ермолин Е. Человек без адреса // Континент. 1998. № 98. С. 57.

⁶⁶ Там же.

вещь. Так это сложно бывает сегодня, когда еще и не слышат тебя. Но нашего автора трудно не расслышать. Премии будто сами идут к нему в руки, и ведь по заслугам честь»⁶⁷.

Одним из результатов раздробленности литературного процесса критик называет индивидуализацию структуры литературного произведения. Интимизация повествования, переизбыток авторского Я в сюжете, усиление значения вещи, бытописательства становятся приметой литературы новой формации, которую критики часто не принимают: «Кажется, пора умерить свои притязания нововременной самодостаточной индивидуальности, с ее романтическим самовозвеличением и верой в ценность всякой мелочи в личном душевном обиходе. Есть уже усталость от этих лирических откровений (героя ли, автора). В конце концов, для исповеди место — в храме»⁶⁸.

Наиболее заметны примеры реалистичного описания у литераторов андеграундных литературных журналов, имеющих крепкую самиздатовскую историю. В числе наиболее ярких — «Митин журнал», который публиковал тексты, «которые не решится печатать кто-либо другой»⁶⁹. Литературные критики здесь полностью поддерживают способ создания художественного образа, основанный на натуралистических принципах, апеллируя к натуралистам — классикам. Так литературный критик Константин Плешаков сравнивает «левого» эпатажного писателя Ярослава Могутина одновременно с Гоголем и Дзержинским: «Ярослав Могутин на 165 лет младше (или старше) Гоголя. Как видно, за прошедшие полтора столетия жизнь русского литератора все же несколько изменилась. Автор 90-х годов не может находить темы и сюжеты на тех же улицах и в тех же стенах, что и его далекие предшественники. Ни места "возвышенные" вроде полей сражений или монастырей, ни места "типические" вроде семейных гостиных, дачных палисадников и провинциальных школ не

⁶⁷ Ермолин Е. Человек без адреса // Континент. 1998. № 98. С. 57.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Шевелёв И. Митя из Митинога журнала // Новая литературная карта России. URL : <http://www.litkarta.ru/dossier/shevelev-volchek-interview-2/> (Дата обращения 15.07.2015). Загл. с экрана. Яз. Рус.

дадут современному автору в руки ни одного стоящего сюжета, ни одного нового образа. За всем за этим современный литератор вынужден ходить либо на помойку, либо в World Wide Web. <...> достаточно беглого перечисления внешних знаков могутинской жизни (правонарушение, полицейский участок, бегство, изгнание), чтобы понять: перед нами пламенный революционер, яростный фанатик, несгибаемый авантюрист – одним словом, почти Феликс Дзержинский»⁷⁰. То, что за два года до этой публикации Валерий Сердюченко на страницах «Постскриптума» называл «срамной прозой», беспрепятственно вошло в литературную жизнь второй половины 1990-х годов. И это проникновение не прошло бесследно: из произведений Владимира Сорокина, Виктора Ерофеева, стихотворений Дмитрия Пригова и Татьяны Щербины литературная критика «Митинского журнала» безапелляционно заимствовала черты маргинальности, взяв в свой арсенал не только обценную лексику и утвердив совершенную независимость от традиции, но и провозгласив полную эстетическую и этическую безграничность. Если, по словам Шевелёва, за новыми образами молодому прозаику необходимо идти на помойку, то молодые критики без лишних терзаний отправляются вслед за ним, повторяясь в нарочитой эпатажности, хулиганстве и эстетической безответственности.

Еще одним способом налаживания прямого диалога между художественным вымыслом и реальностью является создание определенного свода рекомендаций по использованию литературного опыта в бытовом контексте. Постмодернистские находки современных писателей как нельзя лучше, по мнению критиков, подходят для осмысления читательского «Я» в постсоветской действительности. Причем риторика литературных критиков в этом случае близка к агитпропаганде и преподносится в разных формах, на любой вкус.

«Пелевин чрезвычайно точен в ретрансляции состояния сегодняшнего среднестатистического российского сознания <...> он не терапевт, а хваткий

⁷⁰ Плешкаов К. Середечная болезнь левизны в мазохизме // Митин журнал. 1998. Вып.56. URL : <http://www.vavilon.ru/metatext/mj56/pleshakov.html> (Дата обращения 12.06.2015). Загл. с экрана. Яз. рус.

медбрат из морга с кучей занимательных фотографий и анекдотов про «рассол» и прочее. Что касается самих обстоятельств, то они уже примерно полтора десятка лет — «внутренние» по преимуществу, не навязанные расстрельным социумом, а исходящие изнутри каждого — и создающие ту внешнюю реальность, в которой плавают вся совокупность каждых»⁷¹, — пишет Александр Бараш в журнале «Зеркало». Он вслед за многими литературными критиками второй половины 1990-х годов говорит об ужасе, поглощающем все человеческое сознание. Этот ужас, понимаем мы из контекста, возникает из новых обстоятельств жизни, из огромного разочарования действительным, радикально отличающимся от ожидаемого. Поэтому имена носителей опыта спасения вполне символичны и объяснимы: «Прием: пережить еще раз, через литературу и до конца, — и перемочь свои травмы, разблокироваться, выйти к освобождению. Литература здесь нужна потому, что именно она — это традиционный русский путь решения проблем, и сейчас, вместо замещения социального учительства, она, в нагрузку к своим конвенциональным функциям, замещает личного психотерапевта. Почему бы и нет? Что-то должно быть на этом месте»⁷². Литература воспринимается как средство борьбы со страхом: преувеличенный, возведенный в значительную степень внутри художественного текста, преодоленный в нём, страх отменяется, вместо него возникает опыт.

Возможности литературного критика во второй половине 1990-х годов сильно возрастают. Во многом они практически не соотнесены с коэффициентом полезного действия по отношению к реальному читателю, однако, для развития литературной жизни и определения контекста имеют принципиальное значение. Литературный критик во второй половине 1990-х годов оказывается тем субъектом литературного процесса, который осуществляет перформативную функцию литературы. Это значит, что названное критиком произведение и его оценка оказываются единственным возможным способом понять, насколько

⁷¹ Бараш А. Литература. Чужой опыт // Зеркало. 2000. №13-14. URL : <http://zerkalo-litart.com/?p=2632> (Дата обращения 17.02.2015). Загл. с экрана. Яз. Рус.

⁷² Там же.

ценен тот или иной продукт литературной деятельности и каковы его перспективы войти в ряд классических художественных текстов.

Подобная, во многом самонадеянная, позиция прослеживается, главным образом, у критиков новых литературных журналов и отдельно проговаривается в разного рода предуведомлениях, пресс-релизах, открывающих статьях. В 1990-е годы литературная критика представлена, главным образом, критическими рецензиями и концептуальными статьями. Однако такое деление является во многом условным, поскольку даже в рецензиях авторы всегда тяготеют к обоснованию той или иной концепции. Это связано с необходимостью объяснения или, чаще, оправдания литературного произведения, находящегося вне общепринятой литературной традиции. Либеральные журналы ведут на этом поле холодную войну с традиционными изданиями, она проявляется не явно, читатель не вовлечен в активную полемику между критиками, как это было в середине 1980-х, потому что сама полемика в традиционной форме не существует. Провокации молодых авторов, обращенные к опытным литературным критикам и писателям, не находят ответа, оставаясь эмоциональными, яркими, живыми и динамичными, но зачастую не достигшими своей цели выпадами. Таким образом, и само разделение журналов на консервативно-патриотические и либерально-западные весьма условно, хотя контекстный анализ позволяет утверждать его наличие. Мирное сосуществование литературных журналов разной направленности во многом снижает накал литературной жизни, а полярное расположение независимых друг от друга точек зрения ведет к размыванию литературного фона, контекста, и без того в изучаемый период обреченного на раздробленность.

В то же время создание новых сетевых литературных проектов с 1996 года позволяет элитарному читателю (элитарность в данном случае подразумевает не интеллектуальное содержание, а, скорее, доступность технических средств) наблюдать и проникать в литературный контекст эпохи, широко представляемый на Интернет-площадке.

В литературной критике новых журналов, так же, как и в литературной критике традиционных, особое место уделяется современному эпосу. В центре внимания авторов – роман, повесть, рассказ. Они активно участвуют в процессе систематизации и обнаружения их пределов – направлений, тем, мотивов и образов. В меньшей мере в поле внимания литературных критиков попадает современная лирическая поэзия. Поэтический мир, заикленный сам на себе, привлекает только авторов в специальных журналах, ориентированных на поэзию. Обращение к ней требует деликатного подхода, а сортировка по формальным параметрам – трепетного обращения с самым изящным и при этом самым прочным литературным родом. И совсем не уделяется внимание современной драматургии, за исключением журнала «Современная драматургия», который в основном публикует рецензии на театральные постановки.

Еще одна значительная черта исследуемого периода связана с присутствием автора в тексте. Автороцентричность и идеологизм в литературной критике второй половины 1990-х годов противопоставляются текстоцентризму. Значительная часть автобиографизма в тексте признается литературными критиками наскучившей и непродуктивной. В это же время одни утверждают необходимость формирования художественности в противовес документальности, другие – максимальное приближение литературы к реальности с целью решения важных общественно-политических вопросов. Постановка и решение главных вопросов отечественной словесности второй половины 1990-х годов демонстрируют её жизненную активность при многочисленных утверждениях о внезапной утрате литературоцентризма и смерти литературы вообще.

Вслед за пониманием увеличивающейся пропасти между читателем, писателем и критиком, сформировавшимся уже к 1996 году и изложенным в статье Натальи Ивановой «Между», приходит и решение этой глобальной проблемы. Успешные попытки литераторов, издателей, критиков выйти в Интернет-пространство без сохранения коммерческой составляющей литературно-художественных журналов демонстрируют их стремление не только сохранить, но и поддержать развитие литературного процесса.

Заключение

Мы провели исследование особенностей функционирования литературной критики в общественно-политической периодике, новых литературных журналах и сетевых проектах второй половины 1990-х годов. Был выявлен ряд тенденций, характерных для этого времени.

Одним из главных направлений литературно-критической мысли стало определение роли литературного критика в исследуемый период. Во второй половине 1990-х годов наблюдается четкое разделение литературной критики на газетную и «толстожурнальную». Главным маркером, показывающим это разделение, является представление о дальнейшей судьбе литературы. В то время как литературные критики литературно-художественных журналов утверждают конец литературоцентризма в России, авторы газетных литературно-критических публикаций предпринимают успешные попытки вернуть качественную литературу читателю. Для этого они используют множество способов, которые заимствуют, в том числе, из массовой культуры.

Один из самых частых – введение в литературно-критический текст развлекательных компонентов, с помощью которых автор публикации удерживает читательское внимание. К этим компонентам относятся броские заголовки, использование в тексте вопросительных конструкций и прямых обращений к читателю, настраивающих его на диалог с автором публикации. Кроме того, журналисты и литературные критики часто пишут статьи в форме беллетристического очерка или литературного детектива, что делает их более привлекательными для читателя.

Развлекательная составляющая при этом не заменяет собой просветительскую. Продолжая перестроечную традицию открытия неизвестных исторических фактов, авторы газетных статей о литературе обращаются к именам писателей первого и второго ряда, чьи произведения уже стали достоянием

литературной истории. Литераторы второй половины 1990-х годов демонстрируют связь современной литературной ситуации с традицией отечественной словесности.

Особое место в формировании литературной культуры второй половины 1990-х годов играл журнал «Огонек». Кроме того, что здесь по-прежнему публиковалась малая проза современных писателей, В. Пелевина, М. Веллера, Л. Петрушевской и др., на страницах журнала постоянной стала рубрика «Отечественные записки. День минувший. – День нынешний», в которой литераторы разных эпох рассуждали об актуальных вопросах своего времени. Обращение автора статьи к историко-литературному контексту дает читателю возможность разобраться в нестабильной общественно-политической ситуации второй половины 1990-х годов.

В связи с ограничением размера публикации на страницах общественно-политической периодики, наблюдается расцвет жанра рецензии; литературные критики и журналисты формируют хит-листы, публикуют информацию в жанре информационной заметки о лауреатах и победителях новых литературных премий. Таким образом формируются читательские предпочтения, создается литературный портрет эпохи.

Одной из отличительных особенностей газетной и журнальной литературной критики исследуемого периода является раскрытие фактов частной жизни писателя посредством публикаций его личной переписки или интервью с ним. Подробное представление биографической информации о литераторе представлено в некрологических статьях. Включение образа писателя-классика в современный контекст проходит через упоминание его имени в рекламных кампаниях или общественно-политических акциях. Чаще всего этот прием используется, когда речь идет о писательском юбилее.

Естественное внимание газеты к общественно-политическим процессам в стране настраивает и газетных литературных критиков на социальный подход к литературе. Таким образом, литература становится самостоятельным

инструментом формирования читательского отношения к актуальной политической проблеме.

Анализ публикаций в новых литературных журналах, альманахах и сетевых проектах позволяет сделать вывод о значительных отличиях газетной и журнальной литературной критики нового поколения. С помощью интернет-проектов литература становится еще ближе к читателю, и, кроме того, на их базе создается единое смысловое поле, соединяющее писателей и литературных критиков разных поколений, дающее возможность панорамного обозрения процессов, происходящих в литературной жизни исследуемого периода. Успешные попытки литераторов, издателей, литературных критиков выйти в глобальное Интернет-пространство демонстрируют их стремление не только сохранить, но и поддержать развитие литературного процесса.

Проанализировав литературно-критические тексты новых литературных журналов и альманахов «Риск», «Вавилон», «Митин журнал», «Арион», «Зеркало», «Постскриптум» и др., мы приходим к выводу, что их авторы большее внимание уделяют современной поэзии. В поэтических текстах литературные критики обнаруживают большую степень художественности, чем в текстах прозаических с отчетливым социальным акцентом. Стоит, однако, отметить, что литературным критикам интереснее те прозаические произведения, которые представляют собой эпатажный эксперимент, являющие читателю новые возможности литературного высказывания.

Для литературной критики второй половины 1990-х годов характерно выстраивание иерархических рядов, обобщение феноменов литературной жизни. Желание собрать воедино её разрозненные фрагменты и стремление придать хаотично развивающейся литературной ситуации системный характер свойственны именно новым журналам.

В поиске выхода из кризиса литературоцентризма литературные критики второй половины 1990-х годов активно внедряют в свои публикации элементы других искусств и гуманитарных наук. Наиболее часто среди рассмотренных публикаций встречается жанр философского комментария, с помощью которого

авторы изучают постмодернистские тексты, понимая, что сугубо литературоведческий подход к рассмотрению эклектичных произведений постмодернизма необходимо серьезно корректировать. Кроме того, литературно-критическим текстам в новых журналах свойственна мозаичность представления мысли, связанная, очевидно, с общей тенденцией формирования клипового сознания, ориентированного на медиапродукт.

Анализируя некрологи в газетах и журналах страны, мы приходим к выводу, что одним из важных условий создания эмоционально богатого материала, вызывающего чувство сопереживания у читателя, является искренний интерес, возникающий у автора некролога, неизбежно изучающего историю и судьбу умершего писателя. Поэтому наиболее эмоциональные, душевные, искренние некрологи пишут литераторы, лично знавшие ушедшего писателя.

Если некрологам свойственны, за редким исключением, только восторженные интонации и оценки литературного деятеля, то в случае с публикациями, посвященными писательским юбилеям, это обязательство отсутствует. Одной из принципиально значимых задач автора публикации о писательском юбилее является создание единого культурного пространства. Использование разного рода мотивов – таких, как мотив «потерянного поколения», «борьбы с тоталитарной системой», «провозвестничества» и образов «писателя – героя», «писателя – мессии», «национального героя», «символа эпохи», создает единую ткань публикаций о литературной жизни и позволяет говорить о формировании единого литературного портрета эпох. Значительные юбилейные даты становятся центральной информационной повесткой номера. Юбилеи А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, Б.Н. Стругацкого, А.А. Вознесенского в осмыслении литературной критики становятся значимыми событиями общественной жизни 1990-х годов. Журналистское сообщество, скрупулезно работавшее над возвращением полного, исторически честного и привлекательного образа Пушкина, столкнулось с проблемой превращения празднования его юбилея в фарс, неизбежный, однако, в той или иной мере при праздновании юбилеев крупнейших российских писателей.

Изменение общественно-литературной ситуации второй половины 1990-х годов привело к появлению новых форм литературно-критического высказывания. Вслед за изменениями читательских предпочтений последовали серьезная перестройка литературно-критической парадигмы, взглядов на литературу и литераторов, пересмотр традиционных способов общения с читателем.

Изучение особенностей функционирования литературной критики на страницах общественно-политической периодики, новых литературных журналов и сетевых проектов имеет ряд перспективных направлений.

Среди многих возможных исследовательских перспектив отметим следующие.

Представляется необходимым для полноты представлений о литературной критике 1990-х годов обратиться к толстым литературно-художественным журналам, стремившимся дать не только рецензии на новые книги, но и осмыслить литературную ситуацию эпохи, предложить прогнозы дальнейшей литературной жизни.

Перспективным представляется обращение к творчеству крупнейших литературных критиков эпохи. Такие авторы, как Н. Иванова, А. Архангельский, А. Немзер, должны стать героями самостоятельных литературоведческих исследований, поскольку их литературно-критический опыт полноценно отражает не только их собственное мировоззрение и творческое мышление, но и воссоздает в подробностях картину многосложной литературной эпохи.

Нуждается в дальнейшем изучении сопряжение литературных и журналистских текстов в период второй половины 1990-х годов и в начале XXI века. Любопытно проследить особенности творческого мышления литератора, пишущего на социально значимые темы, и журналиста, обратившегося к литературным сюжетам и мотивам. В этом отношении исключительно интересной видится фигура Д.Быкова, поэта, прозаика, литературного критика, активно занимающегося журналистикой.

Дальнейшее углубленное изучение жанрово-стилистических особенностей литературно-критического текста, получивших свое развитие в начале 2000-х годов, также кажется вполне значимым в контексте исследования новейшей истории литературной критики, в том числе и Интернет-критики, и читательской литературной критики.

Список литературы

1. Адорно, Т. Эстетическая теория / Т. Адорно. – М. : Республика, 2001. – 527 с.
2. Алтынбаева, Г.М. Литературная критика А.И. Солженицына: проблемы, жанры, стиль, образ автора : дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Гульнара Монеровна Алтынбаева. – Саратов, 2007. – 229 с.
3. Аннинский, Л. Локти и крылья. Литература 80-х: надежда, реальности, парадоксы / Л. Аннинский. – М. : Сов. писатель, 1989. – 320 с.
4. Аннинский, Л. Чего ищете? Критика: самоубийство жанра? / Л. Аннинский // Литературная газета. – 2004. – № 20. – С. 7.
5. Аннинский, Л. Шестидесятники, семидесятники, восьмидесятники. К диалектике поколений в русской культуре / Л. Аннинский // Литературное обозрение. – 1991. – № 4. – С. 10 – 16.
6. Арион. Журнал поэзии [Электронный ресурс]: сайт журнала. – <http://arion.ru/>.
7. Архангельский, А. Пепел остывших полемик / А. Архангельский // Новый мир. – 1996. – № 1. – С. 215 – 217.
8. Архангельский, А. Политкоррекция / А. Архангельский. – М. : Три квадрата, 2002. – 191 с.
9. Баевский В. С. История русской литературы XX века : компендиум / В.С. Баевский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 448 с.
10. Баранов, В., Бочаров, А., Суровцев, Ю. Литературно-художественная критика / В. Баранов, А. Бочаров, Ю. Суровцев – М.: Высшая школа, 1982. – 207 с.
11. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р.Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.

12. Басинский, П. Мужики и баре / П. Басинский // Новый мир. – 1996. – № 4. – С. 173 – 177.
13. Басинский, П. Стерильный критик / П. Басинский // Литературная газета. – 2003. – № 42. – С. 7.
14. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 504 с.
15. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
16. Бахтин, М. М. Тетралогия / М. М. Бахтин. – М. : Лабиринт, 1998. – 607 с.
17. Бахтин, М. М. Эпос и роман / М. М. Бахтин. – СПб.: Азбука, 2000. – 304 с.
18. Белая, Г. Литература в зеркале критики / Г. Белая. – М. : Сов. писатель, 1986. – 368 с.
19. Берг, М. Гамбургский счёт / М. Берг // НЛО. – № 25. – 1997. – С. 210 – 214.
20. Берг, М. Литературократия / М. Берг. – М. : Новое литературное обозрение, 2000. – 323 с.
21. Берг, М. О статусе литературы / М. Берг // Дружба народов. – 2000. – № 7. – С. 190 – 210
22. Богданов, А. Методика литературоведческого анализа / А. Богданов, Л. Юдкевич. – М.: Просвещение, 1969. – 190 с.
23. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структура / Ж. Бодрийяр. – М. : Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.
24. Борев, Ю. Эстетика: учебник / Ю. Борев. – М.: Высшая школа, 2002. – 511 с.
25. Бочаров, А. Жанры литературно-художественной критики / А. Бочаров. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 51 с.
26. Бурсов, Б.И. Критика как литература / Б.И. Бурсов. – Л.: Лениздат, 1976. – 320 с.
27. Бурсов, Б.И. Мастерство Чернышевского-критика / Б.И. Бурсов. – Л.: Сов. писатель, 1956. – 338 с.

28. Бушмин, А. Наука о литературе: Проблемы. Суждения. Споры. / А. Бушмин. – М.: Современник, 1980. – 334 с.
29. Вавилон. [Электронный ресурс]: сайт. – Режим доступа: <http://www.vavilon.ru/>.
30. Введение в литературоведение. Хрестоматия: Учеб. Пособие / Под ред. П.А.Николаева, А.Я. Эсалнек. 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Высш. шк., 2006. – 463 с.
31. Введение в литературоведение: Литературное произведение: основные понятия и термины: Учеб пособие / Под ред. Л. В. Чернец. – М.: Высш. шк.; Издательский центр «Академия», 1999. – 556 с.
32. Володина, Н. В. Выявление индивидуальности автора в процессе изучения литературно-критической статьи / Н. В. Володина // Проблема личности автора в процессе изучения литературы в школе : межвузовский сборник научных трудов / под ред. И. В. Володиной. – Вологда, 1984. С. 84–93.
33. Володина, Н.В. Литературная критика. Её предмет и задачи: Учебно-методическое пособие [Электронный ресурс] / Н.В. Володина. – Череповец : ЧГУ, 1997. – Режим доступа: <http://www.rl-critic.ru/kurs/posobiye.html>.
34. Володина, Н.В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения / Н.В. Володина. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 256 с.
35. Володина, Н.В. Телеологический принцип в контексте методологии А.П. Скафтымова / Н. В. Володина // Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре: статьи, публикации, воспоминания, материалы. Саратов: Изд-во Сарат.ун-та, 2010. – С. 35-40.
36. Выготский, Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский. – М.: Искусство, 1986. – 573 с.
37. Гинзбург, Л.Я. О лирике / Л.Я. Гинзбург. – М. : Интрада, 1997. – 409 с.
38. Гинзбург, Л.Я. О литературном герое / Л.Я. Гинзбург. – Л. : Советский писатель, 1979. – 224 с.
39. Говорухина, Ю.А Русская литературная критика на рубеже XX – XXI веков / Ю.А. Говорухина. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2012. – 359 с.

40. Голубков, М.М. История русской литературной критики XX века (1920 – 1990-е годы). Учеб. пособие для студентов филол. фак-тов ун-тов и вузов / М.М. Голубков. – М. : Академия, 2008. – 368 с.
41. Горохов, В. Закономерности публицистического творчества. Пресса и публицистика / В. Горохов. – М.: Мысль, 1975. – 190 с.
42. Добренко, Е., Тиханов, Г. История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 791 с.
43. Дубин, Б. Слово – письмо – литература. Очерки по социологии современной культуры / Б. Дубин. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 412 с.
44. Дубин, Б, Рейтблат А. Литературные ориентации современных журнальных рецензентов / Б. Дубин, А. Рейтблат // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 59. – С. 557-570.
45. Егоров, Б. О мастерстве литературной критики. Жанры, композиция, стиль / Б. Егоров. – Л.: Сов. писатель, 1980. – 318 с.
46. Елина, Е. Г. Некоторые приемы полемики в послеоктябрьской критике А.В. Луначарского / Е.Г. Елина // Проблемы развития советской литературы. – Саратов, 1988. – С. 89 – 97.
47. Елина, Е.Г. Литературная критика и общественное сознание в советской России 1920-х годов / Е.Г. Елина. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994. – 190 с.
48. Елина, Е.Г. О соотношении понятий «литературный процесс» и «литературная жизнь» / Е.Г. Елина // Вопросы литературы. – 1998. – № 3. – С. 31-38.
49. Елина, Е.Г. От девятьсот двадцатых к двухтысячным: литература, журналистика, литературная критика. Сб. ст. / Е.Г. Елина. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2012. – 288 с.
50. Елина, Е.Г., Фризен М.А. Формы и функции читательской литературной критики в Интернете / Е.Г. Елина, М.А. Фризен // Филиа логос. Сб. науч. ст. в честь 70-летия профессора Валерия Владимировича Прозорова. – Саратов, 2010.– С. 259 – 272.

51. Ермолин, Е. Собеседники хаоса / Е.Ермолин // Новый мир. – 1996. – № 6. – С.89.
52. Ермолин, Е. Критик в сети / Е. Ермолин // Знамя. – 2003. – № 3. С. 195 – 209.
53. Ерохина, М.В. Приемы и функции полемики в журнальной литературной критике второй половины 1980-х годов: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01, 10.01.10 / Ерохина Мария Вячеславовна. – Саратов, 2010. – 178 с.
54. Ершов, А. Зона молчания: публицистика / А. Ершов. – Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1989. – 222 с.
55. Есин, А. Литературоведение. Культурология: Избр. Труды / А. Есин. – М.: Флинта : Наука, 2003. – 352 с.
56. Есин, А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. Учеб. пособие. – 3-е изд. / А.Б. Есин. – М. : Флинта : Наука, 2000. – 248 с.
57. Есин, А.Б. Психологизм русской классической литературы. Учеб. пособие, стереотипное / А.Б. Есин. – М. : Флинта : НОУ ВПО «МПСИ», 2011. – 176 с.
58. Журнальный зал. [Электронный ресурс]: сайт. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/>.
59. Зацепин, К. «Мыслить литературой», или Эссе как художественный феномен / К. Зацепин // Вестник Самарской Гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2007. – №2. – С.195-209.
60. Зеркало. Литературно-художественный журнал [Электронный ресурс]: сайт журнала. – <http://zerkalo-litart.com/>.
61. Иванова Н. Тоска по задаче. Об ответственности писателя перед литературой / Н. Иванова // Знамя. – 2012. – №9. С. 174 – 181.
62. Иванова, Е. Литературная критика начала XX века в газетах и журналах / Е. Иванова // Критика начала XX века / сост., вступ. ст., преамбулы и прим. Е.В. Ивановой / Е. Иванова. – М.: ООО «Издательство «Олимп»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – С. 3 – 28.
63. Иванова, Н. Кому она нужна, эта критика / Н. Иванова // Знамя. – 2005. – №6. – С. 73 – 79.,
64. Иванова, Н. Между / Н. Иванова // Новый мир. – 1996. – № 1. – С. 203 – 214.

65. Иванова, Н. Русский крест. Литература и читатель в начале нового века / Н. Иванова. – М. : Время, 2011. – 384 с.
66. Иванова, Н. Триумфаторы, или Новые литературные связи в контексте нового времени / Н. Иванова // Звезда. – 1995. – № 4. – С. 177 – 180.
67. Иванова, Н. Ностальгическое. Сборник наблюдений / Н. Иванова. – М. : Радуга, 2014. – 256 с.
68. Известия. Общественно-политическая и деловая ежедневная газета. 1995 – 1999.
69. История русской литературной критики: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.В. Прозоров, Е.Г. Елина, и др. : под. ред. В.В. Прозорова. 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд. центр «Академия», 2009. – 432 с.
70. Кавафис, К. Итака. Полное собрание стихотворений / К. Кавафис. – М.: ОГИ, 2011. –С. 325.
71. Каминский, П. Принципы исследования публицистики на современном этапе / П. Каминский // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2007. – № 1. – С. 97 – 105.
72. Кант, И. Критика способности суждения / И. Кант. – М. : Искусство, 1994. – 367 с.
73. Книгин, И. А. Словарь литературоведческих терминов / И. А. Книгин. – Саратов : Лицей, 2006. – 272 с.
74. Книгин, И.А. Творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина в журнальных некрологических откликах (предварительные заметки) / И.А. Книгин // Известия Саратовского университета. Новая серия. – 2005. – Т.5. Серия Филология. Журналистика. – Вып. 1/2. – С. 130 – 133.
75. Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. – М. : Советская энциклопедия, 1978. Т. 9. –968 с.
76. Кожинов, В. Статьи о современной литературе / В. Кожинов. – М. : Современник, 1982. – 303 с.
77. Кожинов, В. Критика как часть литературы // Кожинов В. Размышления о русской литературе / В. Кожинов. – М. : Современник, 1991. – С. 256 – 266.

78. Козлов, В. Читатель жив – и он обязывает / В. Козлов // Вопросы литературы. – 2011. – № 2. – С. 136 – 161.
79. Комментарии [Электронный ресурс]: сайт журнала. – Режим доступа: <http://www.commentmag.ru/archive/10/16.htm>.
80. Континент. [Электронный ресурс]: сайт журнала. – Режим доступа: <http://e-continent.de/>.
81. Кормилов, С. Основные понятия теории литературы. Литературное произведение. Проза и стих / С. Кормилов. – М. : МГУ, 2002. – 112 с.
82. Кормилов, С. Поляризация литературно-критических позиций и российское общественное сознание на рубеже 1980-х – 1990-х годов / С. Кормилов // Кафедральные записки: вопросы новой и новейшей русской литературы. – М., 2007. – С. 163 – 184.
83. Костырко, С. О критике вчерашней и «сегодняшней». По следам одной дискуссии / С. Костырко // Новый мир. – 1996. – №7. – С.3.
84. Костырко, С. Русский литературный интернет: начало [Электронный ресурс] / С. Костырко // Журнальный зал: онлайн версия журнала Новый Журнал. – 2011. – № 263. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nj/2011/263/ko22.html>.
85. Костырко, С. Толстые журналы в сети / С. Костырко // Знамя. – 2011. – № 8. – С.237.
86. Круглый стол: Рунет как зеркало русской ментальности [Электронный ресурс] / С. Костырко // Журнальный зал: онлайн версия журнала Новый Журнал. – 2011. – № 262. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nj/2011/263/ko22.html>.
87. Крылов, В.Н. О переходном периоде в истории русской литературной критики (становление "молодой критики" в конце 1880-х - 1890-е гг.) : [Электронный ресурс] / В.Н. Крылов // сб. науч. тр., посвященный памяти профессора В.Н. Коновалова / сост. Л. Я. Воронова, В.Н. Крылов. – Казань: Казанский ун-т, 2003. – Режим доступа: <http://old.kpfu.ru/f10/publications/2003/kritika.php?sodk=22>.
88. Крылов, В.Н. Русская символистская критика: генезис, традиция, жанры / В.Н. Крылов. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2005. – 268 с.

89. Крылов, В. Н. Русская литературная критика : проблемы теории, истории и методики изучения : монография / В.Н. Крылов. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. – 240 с.
90. Кузьмин, Д. Краткий катехизис русского литературного Интернета / Д. Кузьмин // Иностранная литература. – 1999. – № 10. – С. 184 – 188.
91. Курицын, В. Моя маленькая трепанация черепа / В. Курицын // Октябрь. – 1996. – № 5. – С. 109 – 114.
92. Курицын, В. Русский литературный постмодернизм / В. Курицын. – М.: ОГИ, 2001. 288 с.
93. Лакшин, В. Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. Литературно-критические статьи / В. Лакшин. – М. : Гелеос, 2004. – 669 с.
94. Лакшин, В. Пути журнальные: Из литературной полемики 60-х годов / В. Лакшин. – М. : Сов. писатель, 1990. – 428 с.
95. Латынина, А. У меня нет аргументов, чтобы заставить людей читать современную литературу [Электронный ресурс] / А. Латынина // Журнальный зал. Это критики. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/columns/critic/26.html>.
96. Лежнев, А. О литературе. Статьи / А. Лежнев. – М. : Сов. писатель, 1987. – 432 с.
97. Лейдерман, Н. «Жизнь после смерти или Новые сведения о реализме» // Н. Лейдерман, М. Липовецкий // Новый мир. .– 1993. – № 7. – С.74-79.
98. Лейдерман, Н.Л. Современная русская литература 1950 – 1990-е годы: Учеб. пособие. Для студ. Высш. учеб. завед.: В 2 т. – Т.2 : 1968 – 1990 / Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий. – М. : Изд. центр «Академия», 2003. – 688 с.
99. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
100. Лотман, Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю. М. Лотман. – Таллинн : Александра, 1992. – 480 с.
101. Лотман, Ю.М. Об искусстве / Ю.М. Лотман. – СПб. : Искусство, 1998. – 285 с.

102. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 2004. – 704 с
103. Лукьянов, Б.Г. Методологические проблемы художественной критики / Б.Г. Лукьянов. – М.: Наука, 1980. – 332 с.
104. Маканин, В. Две сестры и Кандинский. Роман, или Сцены из жизни 90-х / В. Маканин. – М. : Эксмо, 2011. – 320 с.
105. Мамардашвили, М. К. Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили. – М. : Изд. группа «Прогресс» «Культура», 1992. – 408 с.
106. Манн, Ю.В. Поэзия критической мысли / Ю.В. Манн // Новый мир. 1961. № 5. С. 230 – 245.
- «Коммерсантъ». Общественно-политическая ежедневная газета. 1995 – 1999.
107. Матвеева, Е.О. Художественный анализ мифологем потребительского общества в прозе Юрия Полякова / Е.О. Матвеева // Текст в художественной литературе, публицистике и журналистике. Материалы XIX Шешуковских чтений. – М.: МПГУ, 2014. – С. 304 – 309.
108. Менцель, Б. Перемены в русской литературной критике. Взгляд через немецкий телескоп /Б. Менцель // Неприкосновенный запас. – 2003. – № 4. – С. 256.
109. Митин журнал [Электронный ресурс]: сайт журнала. – Режим доступа: <http://kolonna.mitin.com/>.
110. Михаил Евграфович Салтыков // Русская мысль.– 1889. – кн. 5. – С.0.
111. Михайловский, Н. Памяти Григоровича / Н. Михайловский // Русское богатство. – 1900. – №1. – С. 189.
112. Муляева, А.Р. Вяч. Полонский в общественно-литературной ситуации 1920-х годов : дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Алия Рушановна Муляева. – Саратов, 2013. – 176 с.
113. НГ. Ex-libris. Еженедельное приложение к «Независимой газете». 1997 – 1999.
114. Независимая газета. Ежедневная общественно-политическая газета. 1995 – 1999.

115. Некролог по поводу смерти графа П.А. Шувалова // Русская мысль. – 1889. – Кн.4. – С. 237 – 240.
116. Немзер, А. Замечательное десятилетие русской литературы / А. Немзер. – М. : Захаров, 2003. – 608 с.
117. Немзер, А. Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е // А. Немзер. – М. : Новое литературное обозрение, 1998. – 432 с.
118. Ненашев, М.Ф. Газета, читатель, время / М.Ф. Ненашев. – М. : Мысль, 1986. – 160 с.
119. Огонек. Еженедельный общественно-политический и литературно-художественный журнал. 1995 – 1999.
120. Ортега-и-Гассет, Х. Эстетика. Философия культуры. / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : Искусство, 1991. – 588 с.
121. Пасынков, Н.В. Литературная критика в средствах массовой информации в русскоязычном интернете 1994-2006 гг.: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Никита Владимирович Пасынков. – М., 2006. – 130 с.
122. Перестройка: Двадцать лет спустя. – М. : Русский путь, 2005. – 232 с.
123. Подбельский, Е. Сумерки жанра? Современная критика: "за" и "против" / Е. Подбельский // Сибирские огни. – 2003. – № 11.– С. 204 – 210.
124. Поляков, М.Я. Поэзия критической мысли. О мастерстве Белинского и некоторых вопросах литературной теории / М.Я. Поляков – М.: Сов. писатель, 1968. – 344 с.
125. Постскрипtum. Литературный журнал. [Электронный ресурс]: страница журнала на сайте проекта Вавилон. – Режим доступа: <http://www.vavilon.ru/metatext/ps.html>.
126. Поэзия и критика. [Электронный ресурс]: страница журнала на сайте проекта Вавилон. – Режим доступа http://www.vavilon.ru/metatext/p_and_c/index.html.
127. Прозоров, В.В., Елина Е.Г. Введение в литературоведение. Учеб. пособие / В.В. Прозоров, Е.Г. Елина. – М.: Флинта : Наука, 2012. – 224 с.

128. Прозоров, В.В. Власть современной журналистики, или СМИ наяву / В.В. Прозоров. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – 240 с.
129. Прозоров, В.В. Другая реальность. Очерки о жизни в литературе / В.В. Прозоров. – Саратов : Лицей, 2005. – 208 с.
130. Прозоров, В.В. История русской литературной критики / В.В. Прозоров, Е.Г. Елина, И.А. Книгин и др. – М.: Высшая школа, 2002. – 463 с.
131. Прозоров, В.В. Предмет истории литературной критики: К постановке вопроса / В.В. Прозоров // Филологические науки. – 1992. – № 3. – С 22-30.
132. Прозоров, В.В. Читатель и литературный процесс / В.В. Прозоров. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1975. – 212с.
133. Пустовая, В. Толстая критика. Российская проза в актуальных обобщениях / В. Пустовая. – М. : РГГУ, 2012. – 411 с.
134. Рейтблат, А.И. Писать поперек. Статьи по биографике, социологии и истории литературы / А.И Рейтблат. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 400 с.
135. Риск. Альманах. [Электронный ресурс]: страница журнала на сайте проекта Вавилон.– Режим доступа: <http://www.vavilon.ru/metatext/risk.html>.
136. Роднянская, И. Б. Движение литературы: в 2 т. / И. Б. Роднянская. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 1230 с.
137. Роднянская, И. Литературное семилетие / И. Роднянская. – М. : Книжный сад, 1995. – 320 с.
138. Роднянская, И. Пророки конца эона. Инволюционные модели культуры как актуальный симптом / И. Роднянская // Вопросы литературы. – 2010. – №1. – С.5 – 57.
139. Российская газета. Ежедневная газета. 1995 – 1999.
140. Русская литература XIX века в зеркале критики: хрестоматия лит.- критич. материалов : пособие для учащихся / подгот. текста и примеч. О. О. Миловановой и И. А. Книгина; предисл. О. О. Миловановой; науч. ред. В.В. Прозоров. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1996. – 320 с.

141. Русская литературная критика / под ред. В.В. Прозорова, О.О. Миловановой. – Саратов, 1994. – 192 с.
142. Русская литературная критика XIX века: Хрестоматия литературно-критических материалов: Учебное пособие / сост. О.О. Милованова, И.А. Книгин. – Саратов: Лицей, 2003. – 464 с.
143. Русская литературная критика. Исторический и теоретический подходы: межвуз. сб. науч. трудов / под ред. В.В. Прозорова. – Саратов, 1991. – 166 с.
144. Русская литературная критика: История и теория / Под ред. В.В. Прозорова. – Саратов, 1988. – 159 с.
145. Русская мысль. – 1892. – Кн. 12. – С. 203.
146. Русские писатели 20 века. Биографический словарь / гл. ред. и сост. П. А. Николаев. – М. : Большая российская энциклопедия; Рандеву – А.М, 2000. – 808 с.
147. Русский журнал. [Электронный ресурс]: сайт. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/>.
148. Сегодня. Ежедневная газета. 1995 – 1999.
149. Семенов, В. Е. Искусство как межличностная коммуникация (социально-психологическая концепция) / В.Е. Семенов. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1995. – 199 с.
150. Сергунина, Н.А. Литературная критика в Интернете как явление постмодернизма [Электронный ресурс] / Н.А. Сергунина // RELGA: научный журнал. – Режим доступа: <http://www/relga/ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1082&level1=main&level2=articles>.
151. Синявина, А. Эссе и литературно-критическая статья: границы жанров / А. Синявина // Коммуникация в современном мире. – Воронеж, 2007. – С. 64 – 66.
152. Скафтымов, А. П. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы / А. П. Скафтымов ; послесл. и примеч. Г. В. Макаровской // Русская литературная критика : учеб. издание / под ред. В. В. Прозорова и О. О. Миловановой. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1994. – С. 134–159.

153. Скафтымов, А. П. Нравственные искания русских писателей : статьи и исследования о русских классиках / А. П. Скафтымов ; сост. Е. И. Покусаев ; вступит. ст. Е. И. Покусаева и А. А. Жук. – М. : Худож. лит., 1972. – 543 с.
154. Солдаткина, Я.В. Современная словесность: актуальные тенденции в русской литературе и журналистике // Я.В. Солдаткина. – М.: МПГУ, 2015. – 160 с.
155. Соловьева, М. М. Динамика литературно-общественной жизни 1930-х годов в осмыслении "Литературной газеты" : дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Мария Михайловна Соловьева. – Саратов, 2014. – 184 с.
156. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие / А. А. Тертычный. — 5-е изд., испр. и доп. — М. : Аспект Пресс, 2014. С.
157. Тимина, С.И. Современная русская литература (1990-е гг. – начало XXI в.) // Тимина С.И., Васильев В.Е., Воронина О.Ю. и др. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Изд.центр Академия. 2009. 352 с.
158. Тимофеев, Л. Риторический вопрос / Л. Тимофеев // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 9. М. : Советская энциклопедия, 1935. – С. 703 – 704.
159. Тишков, А. А. Читательские интернет-отклики на произведения художественной литературы и публицистики (2009-2014 гг.) : дисс... канд. филол. наук: 10.01.01, 10.01.10 / Антон Александрович Тишков, Саратов, 2014. – 188 с.
160. Томашевский, Б.В. Поэтика: краткий курс / В.Б. Томашевский. – М. : Аспект-Пресс, 1996. – 333 с.
161. Тынянов, Ю. Литературная эволюция. Избранные труды / Ю. Тынянов. – М. : Аграф, 2002. – 496 с.
162. Тынянов, Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю.Н. Тынянов. – М. : Наука, 1977. – 576 с.
163. Успенский, Б.А. Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы / Б.А. Успенский. – СПб. : Азбука, 2000. – 348 с.
164. Успенский, Б.А. Семиотика искусства / Б.А. Успенский. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 360 с.

165. Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник для студентов вузов / В. Е. Хализев. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 2007. – 404 с.
166. Хализев, В. Е. К теории литературной критики / В. Е. Хализев // Филологические науки. – 1977. № 1. – С. 3-15.
167. Хренов Н. Публика в истории культуры. Феномен публики в ракурсе психологических масс / Н. Хренов. – М. : Аграф, 2007. – 496 с.
168. Черняк, М.А. Современная русская литература / М.А. Черняк. – СПб.: Форум, 2004. – 336 с.
169. Черняк, М.А. Отечественная проза XXI века: предварительные итоги первого десятилетия / М.А. Черняк. – СПб.; М.: Форум: Сага, 2009. – 175 с.
170. Чупринин, С. Критика – это критики / С. Чупринин. – М. : Время, 2015. – 608 с.
171. Чупринин, С. Нормальный ход. Русская литература после перестройки / С. Чупринин // Знамя. – 1991. – №10. – С. 220-234.
172. Чупринин, С. Перемена участи / С. Чупринин. – М. : Новое литературное обозрение, 2003. – 400 с.
173. Чупринин, С. Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям / С. Чупринин. – М.: Время, 2007. – 768 с.
174. Шакиров, С.М. Трансформации дискурса литературной критики / С.М. Шакиров // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2013. – Вып. 74. – № 2. – С. 162 – 168.
175. Шаргунов, С. 1993. Семейный портрет на фоне горящего дома / С. Шаргунов. – М. : АСТ, 2013.– 576 с.
176. Шкловский, В. О теории прозы / В. Шкловский. – М. : Федерация, 1929. – 266 с.
177. Штейнгольд, А. Анатомия литературной критики (природа, структура, поэтика) / А. Штейнгольд. – СПб.: Изд-во «Дм. Буланин», 2003. – 202 с.
178. Эйхенбаум, Б. О литературе / Б. Эйхенбаум. – М. Сов. писатель, 1987. – 541 с.
179. Эпштейн, М. Книга, жаждущая соавторов / М.Н. Эпштейн // Иностранная литература. – 1999. – № 5. – С. 217-228.

180. Эпштейн, М. Парадоксы новизны / М. Эпштейн. – М. : Сов. писатель, 1988. – 416 с.
181. Эпштейн, М. Постмодернизм в России / М. Эпштейн. – М. : Издание Р. Элинина, 2000. – 368 с.